

НАЧАЛО

Грейс Мак Ки молитвенно складывает руки в белых нитяных перчатках, по-праздничному. Рай, о котором она молит, – это киностудия с яркими неоновыми буквами на фасаде «Метро – Голдвин – Майер» или «XX век – Фокс».

Грейс Мак Ки – женщина лет за тридцать. Она ведет шестилетнюю девочку Норму Джин Бэйкер. У обеих щеки нарумянены, а из-под соломенных шляпок, завязанных под подбородком, выбиваются локоны. Они шагают такой вертлявой походкой, что видны белые нижние юбки.

– Улыбайся, да улыбайся же! – всю дорогу наставляет Норму тетя Грейс.

И сама, подавая пример, не перестает улыбаться. Грейс Мак Ки пытается напевать своим хриплым голосом «Мне любить суждено» – песенку, принесшую первый успех Марлен Дитрих; должно быть, она сожалеет, что в свое время не облачалась в брюки с бахромой, чтобы рассеять сомнения какого-нибудь «охотника за талантами». Хотя Грейс работала на киностудии всего лишь монтажером, она мечтала только о кинематографическом чуде, мечтала о нем, то погружившись в молчание, то бормоча молитвы.

В тридцатые годы кредо этой религии XX века было немногословно: *«Дайте мне попытать удачи, и вы увидите!»*. Тысячи людей независимо от пола и возраста произносили это кредо шепотом или выкрикивали его с надрывом в голосе.

– Быть может, сегодня нам повезет! – говорит Грейс Мак Ки девочке.

В этот июльский день 1932 года через турникет киностудии пропускают детей в сопровождении родителей, детей ухоженных, уставших и отупевших от ежедневных забот взрослых – их родных, делающих ставку на «удачу», которую следует попытать в кино их чадам. У Нормы Джин Бэйкер огромное преимущество перед другими девочками земного шара: для осуществления ее мечты ей не надо пересекать океан или континент; счастье ждет ее рядом с домом, в Лос-Анджелесе; ей только надо оберегать свои ямочки и пышные рукава от грязи – приметы бедности.

Она лихорадочно повторяет стишок, па, заученную улыбку. Но вот на лице мелькают тени усталости, и красивая маска искажается.

Ее увлекают по лабиринту отделанных под мрамор гостиных, мимо искусственных деревьев с листьями, приклеенными по одному. Башни Собора Парижской Богородицы соседствуют тут с куполами Кремля, парижская улица – с негритянской лачугой, бюстгальтер, расшитый жемчугом, помещен рядом с рыцарскими доспехами, а под стеклом лежат фальшивые драгоценности и множество муляжного печенья.

Ей обязательно надо привыкнуть к этим невероятным сочетаниям, к этому волшебному замку, миражи которого делают счастливыми толпы зрителей и приносят золото продюсерам.

– Повтори-ка реверанс, деточка... Не надо резких движений... Подумай только, как будет рада твоя бедная мама, если ты станешь кинозвездой!

Приемная выглядит голо и уныло. А порхающие за окнами птицы щебечут от восторга. Нервными и нетерпеливыми жестами взрослые управляют платье своим вундеркиндам. Девочки от волнения машинально позвякивают браслетками, а мальчики борются с крахмальными воротничками, от которых у них немеет шея.

Норму привели на экзамен, быть может, в сотый раз. Когда подходила ее очередь, она начинала заикаться и самое большее, на что была способна, – это сделать реверанс, и она проваливалась.

В который раз проходила она в жалкой когорте отклоненных мимо вахтера в рубашке хаки и с грудью, перетянутой портупеей.

– Не плачь, детка. Может, в другой раз... Ты ведь еще совсем маленькая. У тебя все впереди.

Чтобы утешить плачущую девочку, Грейс Мак Ки вела ее прогуляться к шикарным заведениям Лос-Анджелеса, Она называла это «прогулками надежды». Например, к отелю «Александрия», где танцевали кинозвезды, или к кинотеатру «Калифорния», где демонстрировались лучшие фильмы. Однажды, увидев киноактрис в облегающих парчовых платьях, с откровенными декольте,

одна из девчушек – быть может, это была Норма Джин – трезво и озабоченно спросила:

– А если я разденусь догола, скажи, меня сразу снимут для пробы?

Сопровождавшая ее взрослая особа – не тетя ли Грейс Мак Ки? – благодушно ответила с оттенком сожаления в голосе:

– Слишком рано, малышка... тебе еще нечего особенно показывать.

* * *

Мать маленькой Нормы Джин, Глэдис Бэйкер, была женщиной кроткой, вечно удрученной, маниакально учтивой. Она с трудом разгибала спину, потому что тоже работала на студии в монтажной и постоянно горбилась над пленкой. Когда она вечером приходила домой, ее руки висели как плети, словно ее побили.

У нее было обыкновение говорить всем и каждому: «Жизнь не стоит усилий!».

Глэдис день за днем, сидя в четырех цементных стенах с единственной надписью «Курить воспрещается», перематывала и склеивала кинопленку, задыхаясь от насыщенного парами воздуха и запаха ацетона. Чтобы уберечь руки, она надевала белые перчатки.

– А иначе к тому времени, как я стану знаменитой, они загрубеют! – полушутя-полусерьезно говорила Глэдис. – Я должна сберечь их, а то мне не станут целовать руку. Но уж если не я, то моя Норма непременно этого добьется... Видите, какой это прелестный ребенок?.. Когда ей был годик, я с ума сходила: она была очаровательной, но совсем без волос... Теперь се головка – ну прямо сад!

И чтобы сделать ее еще более неотразимой, она подводила девочке брови и румянила щеки. Дочь «короля кутил» должна быть выше похвал. Вечерами Глэдис только и делала, что, напевая, причесывала ребенка, как будто прическа могла стать ступенькой к трону. Глэдис перестала ездить в автобусе, чтобы сэкономить на косметику для дочурки.

– Прежде всего я мать, – утверждала она в своей сверхобычной и страшной наивности.

В квартире на бульваре Уилшир, 5454, куда двадцатичетырехлетняя Глэдис вернулась 1 июля 1926 года из городской больницы Лос-Анджелеса после родов, мужчины не было. И матери-одиночке, хотя она и была очень слаба, пришлось заботиться о ребенке одной. Она должна была стать для девочки и отцом и матерью. Молодая мать вложила в свое дитя так много сил, что была вправе считать его интереснее, красивее, привлекательнее всех детей на свете, короче, исключительным созданием, которого ожидает чудо. А в Лос-Анджелесе и, несомненно, во всей Америке нет другого чуда, кроме кино.

Еще прежде, чем у дочери прорезался первый зуб, Глэдис уже выбрала для нее карьеру кинозвезды. И физическая слабость, и восхищение девочкой приводили Глэдис к одному результату: она валялась в постели, словно все еще рожала вундеркинда, словно не переставала отдавать ему все свои физические и нервные силы.

Иногда к ней заявлялись разряженные молодые люди, чтобы поболтать или выпить пива. Девчушка слонялась по комнате, то позволяя незнакомцам ласкать себя, то уклоняясь от ласк.

Ребенку предоставлялась полная свобода играть на улице или предаваться сну. Глэдис обращалась с дочкой хорошо. Самое большее – она пускала в ход угрозу, приводившую ребенка в трепет, впрочем, смягчая ее волнующей и загадочной улыбкой:

– Если ты не перестанешь делать глупости, я все расскажу *ему* когда *он* придет!

И тогда Норму бросало в дрожь от страха и радости. Так отсутствующий отец постепенно становился Судьей. Ей даже хотелось делать глупости, лишь бы только увидеть, как он явится с ремнем в руке, а потом простит и поцелует ее.

Отцом был то «он», то «король кутил» – загадочный и невидимый каратель, которого можно было легко узнать по галстуку-бабочке и мотоциклу.

Галстук для обаяния, мотоцикл, чтобы мчаться от победы к победе.

Стоило Норме разбить стакан, испачкать платье, нашалить, как мать тотчас же взывала к «королю кутил»: «Вот увидишь, он сейчас примчится на своем мотоцикле!». И тогда девочка не отходила от маминой постели, придумывая, что бы еще такое натворить, лишь бы снова услышать чудесную угрозу...

А однажды утром ребенка окружили сбежавшиеся соседки, это было похоже на то, как на улице окружают потерпевших аварию. Они наперебой утешали Норму. Во время визита Грейс Мак Ки, не имевшей детей, Глэдис Бэйкер ни с того ни с сего набросилась на гостью, обвиняя ее в том, что она хочет похитить ее ребенка, как раньше хотела отбить у нее обольстительного отца Нормы, с галстуком-бабочкой и мотоциклом.

Тогда-то Грейс Мак Ки, подруга Глэдис Бэйкер по работе, и сказала девочке:

– Зови меня тетя Грейс. Я позабочусь о тебе, пока твоя мама в больнице.

Но днем тетя Грейс не могла заботиться о Норме: она сменила «Консолитед лэбораториз» на «Коламбия», куда устроилась архивариусом. Поэтому она решила передать девочку на попечение властей Лос-Анджелеса. Норму поместили в семью, получающую на ее содержание двадцать долларов в месяц. Если бы кто-нибудь ее удочерил, им бы ничего не причиталось, а содержать детей, нежданно-негаданно стало доходным, к профессии «родителей» прибегали безземельные крестьяне, покинувшие ради солнечной Калифорнии другие американские штаты, туманные и дождливые. Они не могли лелеять в ребенке мечту о кино, поскольку сами оказались обманутыми в городе мечты, и вообще не могли привить Норме ничего, кроме нечистоплотности, глупости, жестокости и привычки иступленно молиться по утрам и вечерам.

На ребенка, лишенного родителей, обрушивались потоки советов, совершенно несовместимых с тем, что говорила тетя Грейс. «Спрячь волосы... Не улыбайся... Натяни юбку на колени... А теперь повторяй: «Обязуюсь с

божьей помощью, пока жива, не покупать, не продавать, не предлагать никому алкогольных напитков».

Маленькая кающаяся грешница повторяла эти формулы так же послушно, как и наставления тети Грейс. Однако каждое воскресенье Грейс приходила за Нормой, чтобы снова воскресить ее мечту. Ей было жаль эту девочку, дочь пекаря из Норвегии, который, явился в Соединенные Штаты в поисках приключений. Через три года после рождения Нормы этот моторизованный Дон-Жуан, покрытый мучной пылью, разбился на дороге в Огайо.

Каждое воскресенье Грейс Мак Ки, водила ее [Норму] на Беверли Хиллз, где жили кинозвезды, или же к Китайскому театру, где собралась толпа зевак поглазеть, как очередная знаменитость, оставляет отпечаток ступней, ладоней и даже губ на мягком гипсе.

Затем, расхаживая с ребенком среди этих отпечатков ступней, ладоней или даже губ, молодая женщина отыскивала подходившие по размеру.

– Потерпи, дорогая... Очень скоро и твоя ступня будет навсегда запечатлена здесь.

Присущая американцам любовь к детям подала кинодельцам мысль: детское личико привлечет в кинотеатр толпы зрителей еще скорее, нежели влюбленные, ковбои или гангстеры. Улыбка ребенка выйдет из моды не так скоро, как погоня или пальба из пистолетов. Сюжет, по которому ставится картина с участием юной актрисы, значения не имеет. В счет идет лишь ее обаяние, которое доходчиво, как и обаяние Ширли Темпл, для всех, даже для самых отсталых мексиканских крестьян, не знающих ничего о большом мире, кроме имени этой девочки. Но чтобы открыть такую маленькую звезду, надо перепробовать на студиях десятки тысяч детей с румяными личиками, пухлыми ротиками и большими светлыми глазами.

Так протекало детство Нормы Джин Бэйкер, родившейся пыльным засушливым летом в городской больнице Лос-Анджелеса, в штате солнца. Она переходила из одной семьи в другую, от одной молитвы к другой молитве, от одной мечты к другой мечте, ожидая, когда же наконец у нее округлятся формы

и «будет что показывать», чтобы привлечь внимание охотников за талантом, а значит, и людской толпы.... Во время одного из редких посещений матери, угодившей в сумасшедший дом, Норма, не сдержав порыва, прошептала «мама», уверенная, что наконец постучала в правильную дверь, где ее примут, узнают, обнимут, но та в ужасе отпрянула и, скрестив на груди руки, уклонилась от нежности своего ребенка, словно от удара.

* * *

В 1935 году Норме Джин исполнилось девять лет. Ее мать по-прежнему пребывала за высокими стенами клиники для душевнобольных в Норвоке. В день рождения Нормы Грейс Мак Ки навестила девочку и объявила, что отныне ей не придется кочевать от одной семьи к другой, потому что Грейс выходит замуж за доктора Годдара и берет ее к себе. Девятилетнюю девчущку пригласили на свадьбу. На десерт были поданы приготовленные из мороженого и шоколада головки модных в те годы кинозвезд – Бетт Дэвис и Джин Харлоу.

К сожалению, у доктора Годдара оказалось трое взрослых детей от первого брака. По желанию матери они переехали к отцу несколько дней спустя. Перед их приездом Грейс Мак Ки обняла маленькую Норму, потом взяла ее за руку, в другую руку взяла чемодан, и они пошли по Россмор-авеню в Голливуде; остановились они на Эль Чентро-авеню.

Приют помещался в старом кирпичном трехэтажном доме под номером 815. На просторной лужайке высилась мачта со звездно-полосатым флагом. А совсем рядом возвышались студии «РКО» и «Парамаунт», и их красные и синие вывески освещали окна второго этажа приюта. Читая на решетке ворот золотые буквы «Приют Лос-Анджелеса», Норма запротестовала:

– Но ведь я не сирота, тетя Грейс!.. У меня еще есть мама...

– Да, она пока жива... Но едва-едва!

Потребовалась помощь служащих, чтобы притащить отбивавшуюся девочку к шестидесяти другим незнакомым детям.

– Почему ты оставляешь меня в этой тюрьме? – кричала Норма Джин заплаканной тете Грейс.

Ей ответила директриса:

– Это не тюрьма. Смотри.

Взяв Норму за руку, она отвела ее к входу в приют.

– Видишь, ворота распахнуты... и никто не охраняет вход: ни сторож, ни собака

* * *

В комнате с высоченным потолком стояло двенадцать кроватей. Каждой девочке был отведен шкафчик, куда та складывала свои книги и кукол. Но шкафчик Нормы был так же пуст, как было пусто в ее сердце... В отличие от других приютских девочек и мальчиков, ее не страшила ночь, наоборот, она ждала ее с нетерпением. Потому что, вытянувшись на кровати в темноте, она смотрела, как между пальмами и оранжевой луной вспыхивает пучок молний – эмблема «РКО». И, словно желая покорить эту разноцветную молнию, непрерывно сверкающую над крышей здания, она начинала разыгрывать различные роли, а подушка служила ей партнером.

* * *

Приютские дети зарабатывали деньги тем, что мыли посуду. Но на отложенные на их счет центы ходить в кино не разрешалось. Они могли только покупать себе тетради, карандаши, книги.

Контакт с миром кино устанавливался лишь на Рождество. Заботясь о доброй репутации своих звезд, «РКО» посылала их в приют с подарками для детей. На Рождество реклама киностудии в виде пучка серебристых молний украшала каждую ветку елки. Кинозвезды с полуобнаженным бюстом и искусными завитушками улыбались детям. Норма избавилась от подарков, полученных ею в это первое Рождество в приюте, отдав их своим маленьким подругам; так же поступала она каждую субботу с игрушками и конфетами,

которые приносила Грейс, ставшая Годдар. Она принимала подарки и поцелуи молча, без единого слова, относясь к этим еженедельным визитам с таким же равнодушием, как и к приютским правилам и порядкам.

Она вытянулась и похудела так, что на нее страшно было смотреть – бледный подросток, кожа да кости. И только ее волосы оставались прежними. Она без конца их закручивала и причесывала на разный манер. Однако Норму нельзя было узнать на площадке для игр, где она пугала своих товарищей безрассудной удалью. А на качелях она взлетала так высоко, словно была существом из другого мира.

Она пробыла в приюте восемь месяцев, когда однажды в дождливый день (дождь был редким благом, посылаемым с небес в штате солнца и засухи) она сбежала оттуда: выскользнула из зала во время кукольного спектакля, воспользовавшись суматохой, пока ребята смеялись и хлопали в ладоши. Ушла через распахнутые ворота, которые не были воротами тюрьмы. Больше всего она заглядывала в лица мужчин – пожилых или носивших дымчатые очки. Когда она увидела, что к ней приближается мужская фигура, сердце ее забилось.

У мужчины была красивая фуражка. Он взял Норму за руку, и та поведала ему, что убежала из приюта; она надеялась, что он отшлепает ее и тогда наконец она узнает в нем долгожданного «короля кутил». Но мужчина отвел ее в полицейский участок.

Она вернулась в приют в сопровождении полицейского в штатском. В садах пышно цвела герань. Под пальмами мчались вереницы автомобилей. Над городом мерцал предгрозового свет. Люди выходили из кино, пошатываясь от смеха, с полупустыми пакетиками из-под кукурузных хлопьев в руках.

После ливня на шоссе образовались лужицы, заволакиваемые рябью.

Норма снова оказалась перед решеткой ворот, лужайкой, звездным флагом, трехэтажным зданием из красного кирпича. Она не хотела отпустить полицейского в надежде, что он защитит ее от гнева директрисы миссис Дьюи.

Не говоря ни слова, директриса взяла ее за руку. Повела в свой кабинет.

Спросила, почему она убежала. За этой мягкостью наверняка скрывалась хитрость. Теперь жди побоев. Норма, конечно, их заслужила. Она закрыла глаза, увидев, что рука директрисы нащупывает на столе какой-то предмет. Должно быть, толстую линейку... Но она почувствовала нежное прикосновение к кончику носа и щекам. Директриса провела по сморщенному от страха лицу ребенка пуховкой из пудреницы.

– Вот так! Нужно стереть следы слез, – чуть слышно сказала она.

Потом директриса погладила Норму по волосам и поцеловала в лоб.

Так у девочки родилась догадка, надолго застрявшая в ее голове: для того чтобы тебя любили, надо убежать...

* * *

Норме Джин было одиннадцать лет, когда за ней пришла тетя Грейс. Девочка весело размахивала чемоданом. Она думала, что сможет наконец жить в семье, которая примет ее не только ради пособия. Станет полноправным членом семейства Годдаров и перестанет составлять статью дохода в годы большого экономического кризиса, потрясавшего Калифорнию, как и всю остальную Америку. Принять в дом сироту считалось тогда хорошим способом улучшения семейного бюджета. Но тетя Грейс объяснила, что не может оставить ее у себя из-за доктора Годдара.

И вот Норма снова в Соутелле, но это ее почти не удивило. Она больше ничему не удивлялась. Ее воодушевление тут же исчезло, лицо ее больше ничего не выражало, оно застыло, окаменело, словно она уснула среди бела дня. Она молчала. Кивала головой. Ласкала кошку, срывала с ветки листок, поднимала камень, чтобы еще дальше бросить его. Казалось, мир для нее этим исчерпался.

Она узнавала немощные улицы и ветхие домишки. Энн Лоуэр, тетка Грейс Годдар, старая дева лет за шестьдесят, решила приютить Норму. Она сделала это не ради нескольких долларов, получить которые так стремились

«родители-кормильцы», а чтобы играть с ней, как с куклой, потому что страшилась одиночества.

Едва девочка переступила порог, как Энн Лоуэр объявила ей, что Бог вездесущ. Затем она сообщила, что нет страдания, которое не отступило бы перед молитвой. В противоположность «родителям-кормильцам» Энн Лоуэр не вменяла ей [Норме Джин] в неприятную обязанность молиться по нескольку раз в день.

Стоя неподвижно в углу кухни, как на автобусной остановке, старая женщина заявляла, что спокойно ждет смерти, и просила девочку клятвенно обещать вечно любить ее, «даже когда ее уже не будет в живых». Она заставляла Норму ежедневно подтверждать подобные обещания. «Еще один день прожит, моя дорогая!» – каждое утро восклицала славная женщина. Воркуя, она не переставала подсчитывать, что же останется после нее, окидывая свое имущество ледяным взглядом.

– Все это я оставлю тебе, – утверждала она, указывая кончиком палки на шкаф, кресло, комод. – А главное, я оставлю тебе свою душу, это менее обременительно.

Девочку приводило в восторг то, что теперь от нее так жадно требовали любви, и она не переставала поддакивать.

– Когда я умру, ты не перестанешь сочинять для меня стихи? И будешь опускать их в специальный ящик с моим именем, как ты обещала?

– Да, тетя Энн!

Норма Джин ходила в школу Эммерсона-младшего, расположенную в Вествуд Виллидже, богатой части Лос-Анджелеса. Каждый вечер она возвращалась в свой грязный квартал, словно отбывая наказание – ведь она не знала, что отвечать на расспросы одноклассниц о своих родителях. Она вынуждена была лгать. Описывать красивые добрые лица родных, якобы вечно находившихся в таинственных разъездах. Но девочки не принимали ее слов на веру, исключая одну или двух, которые с нездоровым любопытством слушали ее небылицы и просили рассказать что-нибудь еще.

Позже ее перевели а школу в Ван Наисе. Норма не только продолжала приукрашивать жизнь своих родителей, но описывала ее все более сочными и яркими красками: дом из множества комнат, масса драгоценностей у мамы, автомобили у папы...

Она производила впечатление худой, угловатой, слегка сутулой девочки. На лице ее появлялась робкая, вымученная улыбка, словно этой улыбкой она хотела пресечь любой вопрос, способный омрачить чудесную картину ее жизни в родительском доме.

Легко понять, почему Норма Джин не соглашалась играть ни в одной пьесе, ставившейся на школьной сцене; она была поглощена ролью, которую постоянно играла, представляя собственную жизнь. Все привыкли смотреть на нее как на смятенную душу, славную девочку, немного подавленную тем, что «родители никак не выберут время прийти за ней». У нее и в самом деле были расширенные, бегающие глаза ребенка, который ждет...

* * *

В 1938 году Норме пошел уже тринадцатый год. Старая Энн Лоуэр больше не могла смотреть за ней и Грейс Годдар наконец решила «взять ее в семью».

Но этот жест был сделан слишком поздно, чтобы произвести на Норму какое-то особое впечатление. Она восприняла это лишь как очередной переезд. Норма вошла в семью Годдаров, не испытывая ни радости, ни волнения, с ощущением, словно пересаживается с одной парты за другую. Она была уже не ребенком, обретшим семью, а рано созревшей девушкой. Ей уже не рекомендовалось садиться на камень или на землю. У нее изменилась фигура. Угловатая худышка как-то сразу, за несколько недель, стала необыкновенно привлекательной. Она неумеренно натиралась кремами в ванной комнате Годдаров. И хотя губная помада с ее запахом масла и какао была ей противна, она до безобразия малевала губы. Ничего не поделаешь. Она усиленно

раскрашивала себе лицо, как маску для войны.

Отца у нее не было. И уже никогда не будет. Значит, ей нечего страшиться мужчин и искать в них сходства с тем, из давней мечты. Значит, она могла с легким сердцем отправляться на разведку.

И вот каждый шаг по улице в облегающем тело свитере становился приманкой, неожиданностью, приключением. Она щедро дарила улыбки всему городу. Норма начала встречаться с парнями, как правило, намного старше себя. В тринадцать лет ее рост установился окончательно – метр шестьдесят три; у нее была фигура женщины, но улыбка, выражение лица оставались детскими. Она была не прочь прокатиться в машине – ничего иного ей не хотелось. Парни увозили ее, играя с огнем. В окрестностях Лос-Анджелеса фермеры за небольшую плату разрешали молодым людям ставить машины на своих участках. В одиннадцать часов вечера звон колокола давал знать, что их время истекло. Девушки старались казаться независимыми и взрослыми, парни притворялись самоуверенными и храбрыми. Эти загородные прогулки носили невинный характер. Лишь запах травы и бензина, порой тошнотворный, еще долго преследовал юные парочки.

При ходьбе Норма как бы извивалась: у нее была неестественная походка и деланный смех. Парни предпочитали появляться только с ней, потому что на нее все заглядывались. Она казалась им кокетливее других. На нее сразу обращали внимание. На пляже она появлялась, едва прикрытая купальным костюмом. Она не стояла на месте. Нервные руки блуждали по телу, можно было подумать, что она жаждала жарких объятий. Тем не менее, судя по ее более позднему признанию, она оставалась «холодной как лягушка», и вся эта страсть, которой она, казалось, пылала к своему спутнику, была наигранной. Но она этого даже не осознавала. Ее вертлявость была сродни извивающимся движениям танцовщицы, не нуждающейся в музыке.

Быть может, она в конце концов и слышала ее, эту музыку?

Тетя Грейс и тетя Энн Лоуэр были встревожены тем, что рассказывали о ней. Слишком многие мужчины украдкой наблюдали за домом, где жили

Годдары, или останавливались перед ним якобы завязать шнурки. Стоило кому-нибудь поставить машину на их улице, как тетя Грейс впадала в панику: Норму подстерегает мужчина! Мужчина может сделать несчастной бедную Норму Джин! Надо что-то предпринять.

Обе женщины задумали выдать Норму замуж. Это казалось им единственным спасением. Надо было найти жениха, прежде чем Норма падет жертвой случайного спутника по купанию или прогулке в машине – какого-нибудь водителя с улыбкой киноактера.

– Пусть он танцует с другой, лишь бы это не задело Норму.

– Нет, пусть лучше он не танцует с другой. Тот, о ком я думаю, не станет дрыгать ногами с девушкой, которая не предназначена ему Богом.

– А что, если он заметит, что наша Норма немножко безалаберна и не очень-то строга с мужчинами?

– Тот, о ком я думаю, Грейс, долго будет ослеплен первым впечатлением.

– Я не соглашусь отдать свою маленькую Норму за круглого идиота.

– Уж как-нибудь они сумеют договориться.

– Я приготовила ей платье для танцев из тонкого белого батиста с вышивкой, – сказала тетя Грейс.

Для Нормы у них был на примете Джеймс Доуэрти, высокий, худой парень, немногословный и строго придерживающийся своих определенных привычек. Ему был невдомек сговор двух дам по столь деликатному вопросу. Можно подивиться энергии женщин, если принять во внимание, что всю свою жизнь они были смиренными, робкими и боязливыми. Казалось, у них оставалась одна-единственная возможность взять реванш: подчинить непокорную душу, запутав ее в сетях своих интриг. Они покорили, обескуражили своими комплиментами Доуэрти-мать, а затем уж произнесли имя Нормы Джин. Миссис Доуэрти вскипела. Это не та девушка, которую можно рекомендовать, она не годна для семейной жизни, к тому же она еще слишком молода.

– И потом у нее манера заливаться смехом! Известное дело, что значит,

когда девушка ее возраста так завлекательно смеется!

– Она нетронутая, – заверила тетя Годдар. А Энн Лоуэр добавила к этому:

– Человек на пороге смерти, миссис Доуэрти, не станет брать греха на душу и врать. Неужто вы хотите соединить своего сына с девушкой, с которой ему будет скучно? Молодость и смех, о чем можно еще мечтать?

В тот 1941 год Джим Доуэрти работал у «Локхида» в ночную смену. Он кончал работу в восемь утра и часть дня спал. Стены его комнаты украшали блеклые цветы. На занавесках трепетали другие цветы – белые, неземные. Так рабочий одного из военных заводов жил в атмосфере райских кущ. Он ждал войны под маминым крылышком. Когда он просыпался, любящая мама, подсовывая ему под голову подушку, подавала желтую настойку и на подносе завтрак.

В январское утро 1942 года на подносе лежала записка. Друг семьи, Грейс Годдар, приглашала «своего старинного приятеля Джимми» один из ближайших вечеров провести с Нормой Джин и подыскать для Бебе Годдар, дочери доктора Годдара, кавалера среди рабочих сборочного конвейера «Локхида».

Джим был знаком с обеими девушками, как и со многими другими. Он поторопился проявить галантность и повиновался, не ведая того, в какую ловушку попадет.

Бальный зал «Локхида» представлял собой длинное помещение в форме коробки из-под обуви с раздвигающимися дверьми. Все было окрашено в синий цвет – цвет противовоздушной обороны.

Большие ясные глаза Нормы Джин неотрывно смотрели на подбородок, нос, лоб, уши Джима Доуэрти. Он нежно прижимал ее к себе. Оркестранты были в черно-белом. От оглушительных звуков тромбона ноги танцующих подкашивались. Трубочач отбивал такт с веселым ожесточением. От присутствующих в зале исходил запах пота. Толпа прерывисто дышала.

Было уже довольно поздно, когда музыканты надели на свои инструменты черные чехлы, и длинные вереницы машин медленно покатали по

шлаковой аллее.

У «Локхида» в субботние вечера устраивались и свадьбы. Они проходили в том же темпе, в каком шла сборка самолетов в рабочие дни.

ЦЕЛЬ

Норма Джин перенесла два потрясения – одно до свадьбы, узнав, что носит фамилию матери, второе – по случаю этого события; ее поразила книга, которую ей подарила тетя Годдар. Книга называлась «Подготовка к браку». Супружество в этой книге рассматривалось как извечная необходимость. Не существовало причин, которые могли бы стать препятствием для замужества. Девушка должна без колебаний принять честное предложение. За этим шли десятки других вопросов и ответов. Книга заканчивалась словами: «Настоящая любовь приходит с годами».

Норма Джин старательно подчеркнула отдельные предложения, отметила абзацы: чувственная дрожь, ласки, разнообразие блюд, частая смена ночных сорочек. Закрыв книгу, она задумалась – ей словно рассказали о жителях другой планеты.

19 июня 1942 года Хоуэллы, друзья Доуэрти, в доме которых была просторная веранда, выходящая на Бентли-авеню, уступили ее для свадьбы. С затуманенным взглядом и приоткрытым ртом Норма пожимала плечами. Где он, этот пресловутый «жар в крови», о котором она читала в пособии для молодоженов? Норма прижимала к себе букет, словно маленького ребенка, взятого ею под защиту.

Ужин закончился. Веселая компания направилась в голливудское ночное кабаре «Флорентийские сады». Когда гости устремились на танцевальную площадку, Норма Джин словно почувствовала себя в своей стихии. Она в исступлении виляла бедрами, танцуя конгу. То она казалась почти умирающей, то неожиданно переходила в другие крайности, становясь вульгарной и развязной. Это было больше, чем ожидал Джим Доуэрти. Движение бедер, слишком открытый рот, слишком светлые глаза невесты были призывами к

любовной усадле. Гости аплодировали Норме, аплодировали ее выставлению себя напоказ. Невеста вдруг обернулась девицей, которой положено развлекать клиентов, чтобы увеличить потребление шампанского.

Доуэрти переживал. Норма Джин словно принадлежала всем другим мужчинам, невзирая на их возраст и положение. Все были увлечены ею. Встревоженные тетя Грейс и тетя Энн Лоуэр уговаривали подвыпивших гостей разойтись по домам, ссылаясь на усталость. Но те и слышать не хотели. Мужчины наперебой приглашали Норму на танец, хлопая в ладоши и качая в такт коленкой.

Свадебная ночь началась и завершилась двумя репликами:

– Весь вечер ты развлекала их, как мартышка, – сказал Джим.

Засыпая, Норма Джин в восторге пробормотала:

– Ну и что такого, разве мы не животные?

* * *

Квартира молодоженов представляла собой однокомнатное бунгало номер 4524 на Виста дель Монте-стрит, в предместье Лос-Анджелеса Ван Наис.

Норма не любила есть по часам, ненавидела грязные тарелки и запах раковины. Она предпочитала сто раз на дню открывать холодильник и, не откладывая в сторону журнала мод, откусить кусочек мяса, смазнуть указательным пальцем немного масла, откусить яблоко.

Вечером, когда Джим открывал холодильник, его чуть не тошнило. Он удивлялся – все продукты выглядели так, как будто их грызли мыши. Кроме того, Норма выходила из дому только затем, чтобы купить какой-нибудь материи. Она начинала сразу сотню дел и ни одного не доводила до конца, как не доедала ни одного из начатых блюд.

В ее понимании жизнь замужней женщины была тягостным бременем, которое можно было сравнить с приютскими порядками. Но ей не хватало наставниц, помогавших делать все вовремя. Она как бы возвратилась в детство, утратив преимущества этого возраста. У нее не оказалось нянек. У нее не было

даже того, что она имела в приюте, где на десятерых была одна няня.

К концу дня, упав духом, она валилась на диван посреди не убранных вещей. Когда Джим вечером приходил домой, она с опаской спрашивала его, не хочет ли он поесть, потому что у нее уже не было сил что-нибудь приготовить.

– Ты читал мою записку? – спрашивала она.

Она прятала в свертки с сэндвичами, приготовленными для мужа, довольно поэтичные объяснения в любви: «Дорогой, когда ты вернешься домой, я буду спать, но мои мысли будут только о тебе». Или: «Не ешь этого кусочка моего сердца, дорогой, даже если очень проголодаешься». По правде говоря, это было продолжением тех детских игр, когда, стремясь создать себе свой мир, дети начинают писать друг другу записки, полные нежных излияний.

Джимми настолько раздражали эти записки, что в конце концов он стал рвать их, даже не читая.

Вечерами ничто не менялось. Они погрязли в семейных раздорах. Если молодой жене случалось приготовить мужу какое-нибудь блюдо – требуху по-французски или сырую рыбу по-японски, – он выплевывал первый же кусок. К тому же она встречала его в костюме, гармонировавшем с экзотическим блюдом – в шелковых шароварах или пеньюаре парижской мадемуазель.

Этот маскарад вызывал у Джима такое же отвращение, как и сама пища. У него создавалось впечатление, что он приходит с работы не домой, а в публичный дом. Все способствовало, по крайней мере по внешним признакам, созданию такого впечатления, и Джим не знал, как его развеять.

Он не одобрял ни меню, ни поведения, ни нелепых нарядов жены; и очень скоро между ними дошло до оскорблений и грубостей.

Норма перестала замечать Джима, даже когда он находился в двух шагах от нее. Она сшила новые занавеси, переставила мебель; все стало по-другому, и тем не менее было по-прежнему неуютно. Она довольствовалась ужином, состоящим из банки консервов; опрокидывала на тарелку се содержимое и шла есть в уголок. Каждый вечер она перекладывала к себе в тарелку все, что было в очередной консервной банке, – морковь и горошек. «Зачем, ведь тебе не

хочется есть!» – удивлялся Джим. «Я смотрю на цветное пятно», – отвечала она, уставившись в тарелку.

* * *

Норма Джин Доуэрти была особым случаем! «Я заикаюсь», – написала она, извиняясь за то, что не позвонила (хотя и вертелась несколько дней вокруг здания) в дверь на Уайн-стрит с многообещающей бронзовой табличкой «Школа шарма». Поначалу она занималась заочно, дома, ожидая письменных заданий с таким волнением, будто их писал тайный поклонник. Она распечатывала письма директрисы мисс Шнеебол раньше, чем письма бедняги Джимми, плававшего по морям, начиненным минами.

Каждый вечер она воплощалась перед зеркалом в один из «ярких образов» в соответствии с курсом «голливудского шарма». Изучала позы. Она должна была постараться воспроизвести позу какой-нибудь женщины на фото или известной картине: сплетенные пальцы Джоконды или прищуренные глаза Марлен Дитрих. Она разучивала улыбки, особую вертлявую походку, примеряла шиньоны.

За сто долларов, уплаченных мисс Шнеебол за курс заочного обучения шарму – Норма никогда не решилась бы приходить на уроки, – она готовилась стать соблазнительницей международного класса. Чтобы излечиться от заикания, она забиралась куда-нибудь в угол и оттуда по нескольку раз выкрикивала свое имя, все громче и громче, как рекомендовалось в уроке номер четыре.

По утрам и вечерам, когда она выкрикивала таким образом свое имя, ее слушали стены, и в коридоре вторило эхо. Далее в уроке номер пять ей предложили расширить набор завываний, произносить названия городов или стран, при этом она должна была все время поворачиваться, чтобы создать для себя впечатление, что она движется, ездит по свету, что ей нечего страшиться в будущем. Она кричала: «Париж... Рим... Гонолулу!...». И, не выдерживая всего этого, с рыданиями бросалась на диван.

Следующим упражнением было раздевание догола. «Внимательно изучайте себя, стоя обнаженной перед зеркалом, – рекомендовалось в уроке, – изучайте до тех пор, пока не обретете полной уверенности в себе, это поможет вам двинуться дальше, пока вы не убедитесь, что вы красивы и, быть может, каждая деталь вашей фигуры неотразима». После этого надо было выполнить упражнение противоположного характера: стоя все так же перед зеркалом, но уже в вечернем туалете, проделать движения и жесты, необходимые во время званого ужина. Каждый жест расчленялся на составные части, анализировался на чертеже, как будто речь шла о работе мотора. После рассмотрения вопросов о цвете губной помады, о тонах, накладываемых на лицо, окраске волос курс заканчивался характеристикой различного типа поцелуев: «Оружие, которым вы должны пользоваться умело...» И все завершалось оптимистической фразой: «Ура, мир принадлежит вам!».

В этом Лос-Анджелесе, куда со всей Америки прибывали тонны плотского великолепия, формируемые множеством школ шарма, конкурсов танца или красоты, Норма Джин почувствовала наконец полное обновление и обрела уверенность, которая позволила ей искать средства от одиночества.

На Беверли Хиллз, в квартале кинозвезд, огромные виллы, огромные автомобили, а на квадратный метр приходится больше психиатров, чем в любой другой части Америки. Ни одна резиденция королей и королев кино не похожа на другую. Здесь встречаются все архитектурные стили, все цвета, от голубого до розового, все виды крыш, включая и соломенные, а лужайкам нет конца.. На Беверли Хиллз нет ни кладбища, ни больницы. Этот сказочный мир на первый взгляд надежно защищен от превратностей человеческой судьбы...

Садовники, шоферы и экономки охраняют от любопытных замки, где забаррикадировались большие дети с их воспоминаниями о былой славе. Гостиную Гарольда Ллойда круглый год украшает рождественская елка с ее огнями и игрушками. Мэри Пикфорд, принимая важного посетителя или журналиста, говорит с ним только по внутреннему телефону, разыгрывая недомогание. В апартаментах, обставленных в восточном стиле, среди копий

Родена и неаполитанских ваз посетитель видит множество огромных фотографий хозяйки. Она прекрасна в своей молодости. Но он слышит только ее голос...

* * *

С тех пор как мужа Нормы Джин призвали служить во флоте, она устроилась работать на «Рэдио плейн компании». Многие молодые женщины, прежде не работавшие, теперь занимались не глажкой белья и не хождением по магазинам, а обслуживанием станков и автогенных аппаратов. Девушки, прежде служившие в баре, заменяют мужчин на заводе. Некоторые без стеснения укорачивают спецовку по моде, но их не осуждают – они делают это для победы.

Сначала Норма Джин работала в отделе контроля за укладкой парашютов, потом перешла в красильный цех. Она обрызгивала жидкой смесью фюзеляжи самолета. Женщинам платили наравне с мужчинами, и при этом им уже не приходилось сносить тиранию мужа, от которого они теперь ежедневно получали пламенные послания. Смертоубийственная война мужчин украшала женщину сказочным ореолом.

Армия регулярно направляла фотографов па стройки и заводы, чтобы доказать солдатам на далеких фронтах, что их жены помогают ковать победу. С одной стороны, эти фотографии должны были успокаивающе действовать на солдата, а с другой – поддерживать в нем боевой дух. Работающей девушке надлежало быть столь же кокетливой, как актрисе мюзик-холла. Занимаясь сборкой самолета, она при этом выставляла напоказ красивую ножку.

Американские журналы для фронтовых солдат – «Янк», «Старс энд страйпс» – сильнее поднимали в них боевой дух, публикуя фотографии красивых девушек, нежели печатая речи генералов с их портретами.

Ностальгия и страх, желание найти ангела-хранителя как-то сразу чудовищно гипертрофировали в представлении солдата женские формы. В его

воображении женская грудь приобретала такие размеры, что становилась карикатурной. Наивное личико и сверх пышный бюст – такой тип женщин особенно нравился фронтовикам.

У армейского фотографа, болтавшегося в тот день по заданию «Плейн компани» в Бербэнке, фотоаппарат смешно торчал на животе. Норма Джин предстала перед ним за рабочим столом на колесиках в одной из поз, ставших для нее естественной, – игривое движение бедер и колыхание бюста сочетались с ясным детским взором.

– Пойдемте, я вас сфотографирую, – предложил фотограф Норме Джин.

Нацеленный фотообъектив – это словно око самого господ Бога. Пока Норма Джин изображала, как она отбивает время на табельных часах, ест сэндвич, окрашивает фюзеляж или слушает объяснение мастера, ей снова слышалась молитва тети Грейс в то время, когда она вела Норму на студию для пробной съемки: «Может, сегодня нам повезет, моя маленькая Норма!.. Может, сегодня наша возьмет!».

* * *

Армейский фотограф точно не знал, когда его снимки появятся в газете. Он спросил у Нормы Джин номер телефона, чтобы сообщить ей об этом. Она охотно дала его. Джима не было дома, значит, Джим не рассердится.

Сначала Джима назначили инструктором физкультуры, и Норма поехала к нему на остров Каталина, куда его направили и где было очень мало женщин. Там проходили боевую подготовку солдаты-пехотинцы и матросы береговой охраны. На этом острове-полигоне в обстановке подлинной оргии мужской мускульной силы Норма Джин, которую задарили улыбками и приглашениями, разом избавилась от своего уныния, от атонии замужней жизни

Она и думать забыла о Джиме.

Она разгуливала по острову в купальных трусиках и лифчике, в белой блузке и шортах. Ее постоянно окликали, подзывали свистом, и это было для нее как музыка, и казалось, что ее командировало сюда военное министерство,

чтобы скрасить жизнь парней перед их отправкой в неведомое.

У нее было ощущение, что она больше не одинока, что она принадлежит другим, толпе. Джим испытывал чувства совсем противоположного характера. Он взял Норму Джин с собой на этот остров из предосторожности, а получилось, что, опасаясь огня, сам бросил ее в кратер вулкана. Джим попросился на фронт. Он заявил Норме, что если останется живым, то не для того, чтобы вернуться к ней, но в нем еще теплилась надежда, и он пожелал, чтобы в его отсутствие она жила у его родителей.

При содействии армейского фотографа Норме удалось добиться встречи с представителями агентства фотомоделей «Голубая книга» в отеле «Амбассадор».

Это произошло в знойный июньский день 1945 года. Дома, готовясь к встрече, она в одной комбинации уселась перед зеркалом, как перед мольбертом. Она подмигивала сама себе и улыбалась, покусывая большой палец. Она наслаждалась собой. Затем она принялась втирать кольдкрем. Она никак не могла расстаться с расческой и флаконом духов, никак не решалась кончить сборы, облачиться в платье. Теперь Норма боялась промахнуться в выборе туалета, как в первые дни замужества – не угодить Джимми в еде.

Она была похожа на тысячи блондинок, разгуливавших по проспектам Голливуда. Быть ли ей продавщицей карамели на бульваре Сансет или кинозвездой – решала судьба. Кинозвезда ухаживает за лицом не больше продавщицы карамели и часто уступает ей в красоте. Норма вся дрожала. Она волновалась сильнее, чем в день свадьбы. Агентство фотомоделей было шагом на пути в кино. Настоящим брачным союзом, к которому она страстно стремилась, был союз со зрителями через хорошо натянутое полотно экрана.

Румяная, как яблоко на выставке плодов, она уселась в оставленный ей Джимом старый фورد. Она покинула скромные кварталы Ван Наиса в голубом костюме и темных очках – как кинозвезда, не желающая привлекать к себе внимание.

Родители Джима, следившие за каждым ее шагом, подумали, что она едет

на работу, – так одевалась она по утрам, отправляясь красить фюзеляжи. Они радовались при мысли, что, когда их сын вернется, его встретит любящая, красивая жена.

Проезжая Беверли Хиллз и Малльхолланд драйв, она нажимала на педаль так, словно ставила ногу на мягкий гипс Китайского театра Граумена, чтобы получился отпечаток. Перед ее глазами промелькнули мраморные колонны и хрустальная люстра отеля «Александрия». В вестибюле стиля рококо по восточному ковру, прозванному волшебным, потому что на нем вершились большие дела кино, шныряли бизнесмены. Вдоль бульвара Сансет надменно возвышались пальмы, похожие на жирафов. По «Амбассадору» носились репортеры светской хроники, ловя остроты из уст знаменитостей. Вечерами по пятницам здесь играл оркестр Эйба Лаймена. Под его музыку звезды-блондинки оживали и покачивались в ритме танца вокруг плавательного бассейна. Галереи превращались в выставку драгоценностей и туалетов. Тут, в «Амбассадоре», Норма Джин чувствовала себя как на заводе, вырабатывающем чудо, тогда как за пределами Лос-Анджелеса были сплошные пустыня и мрак.

На следующий день после посещения агентства «Голубая книга» она бросила работу. Она стала натурщицей для фоторекламы купальных костюмов. Теперь она жила только своими фотографиями, зачарованная собственным изображением. Норма не переставала изучать эти снимки, уставившись на них застывшим взглядом. Она не нравилась себе, но отчаянно цеплялась за свое изображение, как некогда за уроки школы шарма.

* * *

В Америке больше, чем где-либо, огромными тиражами издаются журналы, рассчитанные на читателей-мужчин, где целые развороты отводятся фотографиям полуодетых пышных блондинок. Они лежат, растянувшись на диване с поднятой ножкой, улыбаются, принимают ванну, полуодетые ждут ночи или дня у своего окна... У всех соблазнительный бюст и локоны. Коротая время, они причесываются, потягиваются, меряют своими крепкими длинными

ногами комнату, где царит продуманный беспорядок.

Норма Джин стала все чаще и чаще фигурировать на страницах журналов с краткими названиями: «Пик», «Клик», «Лаф», «Сэр», «Си» и длительным воздействием на мужскую психику. Веселые названия привлекают множество постоянных читателей, заставляя их томиться, предаваясь сладостным и губительным мечтам. Подобные журналы листают мужчины всех возрастов, невзирая на положение в обществе.

Час позирования приносил Норме Джин столько же денег, сколько целый день работы на заводе. От нее требовалось только одно – выставлять перед объективом прикрытые тонкой газовой тканью грудь, талию, бедра. Нередко фотограф увозил ее на пляж Малибу. Фотографии на пленере непременно делались на фоне пляжа, волн, ракушечника. Молодую женщину сфотографировали также на диванчике самолета. Томящийся от одиночества читатель знал теперь Норму Джин, не зная ее имени.

Говард Хьюз, босс «РКО» – крупной кинокомпании, эмблемой которой была Эйфелева башня с молниями, сверкающими на верхушке, прилежно читал такие легкомысленные журналы. Он не раз восхищался незнакомкой в клетчатой юбочке и красном свитере, дремлющей на стоге сена или вытянувшей ноги, сидя на качелях. Одну неделю она оголяла левое плечо, вторую демонстрировала голую спину или пышную загорелую грудь.

В отличие от всех других моделей, выставлявших напоказ фигуру с невыразительными безжизненными лицами, Норма Джин на каждой из своих фотографий, казалось, показывала гораздо больше, чем остальные. Ее лицо тоже было очень выразительным, оно преображалось, расцветало в экстазе. Это лицо активно участвовало в эротической игре. Казалось, в нем все, особенно глаза и губы, говорило о любви с какой-то преувеличенной наивностью и в то же время плутовством.

Босс «РКО» приглашал время от времени в свой кабинет какую-нибудь итальянскую кинозвезду, которая взволновала его своим бюстом, и намекал, что ее карьера будет обеспечена, если она избавится от мужа. Впрочем, на этом

роман с Говардом Хьюзом и заканчивался. От своего отца, изобретателя нового метода бурения нефтяных скважин, он унаследовал огромные деньги, которые вложил в авиацию и кино. Робкий и взбалмошный, он приглашал молодых блондинок совершить с ним круг в самолете. Он выделял в небе такие акробатические номера, что доставлял своих пассажиров на землю полумертвыми. Он вершил свои крупные дела не в одном из многочисленных кабинетов, а просто из гостиничного номера. Он запирался там, как будто его преследовали, и оттуда передавал свои распоряжения по телефону. В тот момент, когда Говард Хьюз листал легкомысленные журналы, где Норма Джин Доуэрти фигурировала в ночной сорочке или пляжном костюме, он пребывал в «Ливанских кедрах» – клинике голливудских знаменитостей. Хьюз потерпел аварию во время очередного представления в воздухе... и лежал весь в гипсе. Не пострадали одни глаза, чем он не преминул воспользоваться... Прямо с постели он позвонил в одну из своих кинематографических контор и велел разыскать поразившую его воображение фотомодел ь. Ему было невдомек, что красавица, о которой шла речь, прежде чем отправиться к фотографу, читала учебник по анатомии и с упорством изучала раздел о строении человеческого скелета. Ее скелет, диковинно облаченный плотью, мог принести немалый доход, если красавица соглашалась позировать, лежа на красном диване почти нагая. «Это ж только для забавы», – любила говорить она. И очень скоро с упорством стала твердить о себе: «Я служу для забавы».

Говард Хьюз, человек в гипсе, начал разыскивать заманчивый скелет – Норму Джин Доуэрти, о чем вскоре стало известно в кинематографических кругах.

В Лос-Анджелесе стояла солнечная погода. Дождь не выпадал уже одиннадцать месяцев. Широкие авеню, обсаженные гигантскими пальмами, от которых исходил гнилостный запах, казались пустынными. Не было видно ни пешеходов, ни гуляющих. Норма Джин не отходила от телефона, она колебалась в выборе между несколькими отрезами сатины – цвета зеленого миндаля, шампанского или бирюзы. Она жевала бифштекс, не переставая

смотреться в зеркало. В ожидании свидания она расходовала массу крема, жирных румян, косметики, растирая и комбинируя на щеках крем-пудру различных тонов. Она красилась целыми часами с такой же серьезностью, как иные играют в шахматы.

Почти все деньги, которые она зарабатывала, уходили на прически, массаж, губную помаду, затейливые сушилки для волос. Вся ее жизнь протекала между телефоном и ванной комнатой, представлявшей собой склад духов.

В то утро Говарда Хьюза соединили с ней по телефону из «Хьюз тул компани» – огромного завода по производству приборов и оборудования; затем два часа спустя он звонил из авиакомпании «ТВА», где был крупнейшим акционером; и, наконец, все так же занятый делами, он нашептывал ей в трубку из «РКО пикчерс». В конце концов он принял Норму. Тяжело дыша, с опаской, как будто доверял большую тайну, он предложил ей выпить шотландского виски. Затем протянул бумагу:

– Что бы вы сказали о контракте? Возьмите его домой и внимательно изучите. Не торопитесь. Один день дела не решает.

Типовой контракт Говарда Хьюза связывал будущую кинозвезду с мистером Говардом Хьюзом на семьдесят пять лет. Весь этот срок ей причиталось приличное жалованье, но она должна была полностью зависеть от «РКО». Она не могла покинуть Лос-Анджелес иначе как на самолете авиакомпании, которой заправлял Хьюз.

– А если мне понадобится машинка для стрижки газонов, я тоже должна обратиться в магазин «Аппараты Хьюза»? Ваши самолеты мне вообще не потребуются. Для меня край света там, где я могу надеть купальник.

Отныне Норма Джин не отходила от телефона в ожидании звонков Говарда Хьюза. Последний был романтиком, он вечно куда-то спешил. Норма сильнее ощущала его присутствие и обаяние, когда он говорил с ней по телефону, чем когда он оказывался перед ней. Он целовал ее, но только через трубку. В ее обществе он казался смущенным, далеким, занятым. Можно было

сказать, что он страстно желал только слышать ее.

Во время одного из подобных пылких общений по телефону Норма Джин почувствовала такое умиротворение, что уснула с трубкой в руке. На следующий день Хьюз признался ей, что добрый час не вешал трубку, прислушиваясь к ее мерному дыханию.

Но вот телефонные звонки голливудского магната стали нервными. Он звонил под вымышленными именами и из самых невообразимых мест. А еще у него была привычка звонить по ночам. Подобные странности не только не разочаровывали, но наоборот, волновали Норму. Она наслаждалась, держа в руке телефонную трубку.

– Завтра мы вместе взлетим в небо! – предлагал он.

Она заливалась хрустальным смехом, чудесным смехом ребенка. Взлететь в небо для него было реальностью, а не просто громкими словами.

Он добавлял:

– Эльза Максвелл просила меня, чтобы в доказательство любви к ней, когда она умрет, я развеял ее прах над Адриатическим морем. Она терпеть не может самолеты, но как пилоту доверяет только мне.

Говард Хьюз ежедневно посылал Норме Джин две дюжины чайных роз. Он не умел изливать свои чувства иначе. Говард чувствовал себя с женщинами уверенно только в самолете, поскольку там его руки были заняты делом, отвлекаться от которого было опасно.

Приземлившись, Норма снова не отходила от телефона. Он избегал встречи под одним и тем же предлогом – из-за своих дел. «Я в Нью-Йорке, – вдруг говорил голос с мягкими модуляциями. – Смотрю, как насаживают на вертел жирного цыпленка. Через несколько часов буду с вами...». Потом: «Я в самолете... Подо мной море. Слышу его дыхание. Я думаю о вас!».

Было нелепо и глупо проводить время в бесконечном ожидании телефонного звонка. «Я в «Бауэри». В «Бауэри фоллис». Тут полно худущих женщин, демонстрирующих стриптиз, и стариков, бормочущих куплеты своей молодости».

Норма никогда не уставала от голоса Хьюза, голоса, в котором звучал свист сверхзвуковых самолетов, пыхтение трансатлантических пароходов, потрескивание биржевых аппаратов. К тому же этот мужчина был смелым, красивым и было в нем что-то ребячливое. Он словно играл в прятки, представляясь под вымышленными именами: «У телефона Смит» (или Джеймс, или Фрэнк); он даже менял голос, чтобы придать пикантность своей выдумке. Она была пленена этим миллиардером, открывшем таких звезд, как Кэтрин Хепберн, Джейн Рассел, который рассказывал об их прелестях, захлебываясь от восторга. «Если я вам не позвоню, значит, я в лаборатории!» – говорил он.

У него была лаборатория, и когда он там работал, то запрещал кому бы то ни было беспокоить его. Наряду со множеством других причуд Говарда Хьюза поражала небрежность, почти бедность его одежды. Когда бы его не встретили, он был всегда в спортивной рубашке и брюках с неотутюженной складкой. И когда он не мог явиться на свидание, ссылаясь на «лабораторные работы», он спешил добавить:

– А вы пригласите подругу. Сходите в какой-нибудь ресторан в Голливуде... Я предупрежу о вашем приходе.

В самом деле, это был сказочный вечер – но без него. Рабочие расшаркивания швейцаров, метрдотелей; богатый выбор блюд, музыка, поклоны – все это сопровождалось магическим паролем: «Мистер Хьюз предупредил нас, мисс».

У него было несколько роскошных особняков, в некоторые из них он так и не нашел времени заглянуть. И вот однажды он позвонил: «Приезжайте-ка с подругой ко мне в Палм Спрингс». Норма Джин подумала, что настал наконец для нее знаменательный день, ведь он приглашал ее к себе, а присутствие подруги казалось ей необходимым, чтобы лишить встречу всякой двусмысленности. Она верила, что на этот раз он сделает ей официальное предложение, и ничего иного не ждала.

В особняке, где играли свет и тени, где простота сочеталась с роскошью, Норма Джин предстала перед Хьюзом. Она была совсем не накрашена – он не

терпел косметики, – с волосами, просто заплетенными в косу – так пожелал он.

И как-то сразу, словно желая скрыть свое замешательство, он начал с шуток: «Вы наверняка сделаете карьеру, если только у вас хватит пороху!» Затем после часового плетения словесных кружев и нескольких коктейлей он вдруг смутился. Наконец-то... подумала Норма и от волнения закрыла глаза, но он, невнятно бормоча, объявил ей, что должен срочно улететь: ему предстоит уладить неотложное дело в нескольких сотнях километров от Лос-Анджелеса. Позднее она поняла, что этим делом была для него другая женщина, с пышной грудью и волнующими ножками.

Он сказал ей:

– Оставайтесь. Оставайтесь хотя бы провести тут уик-энд...

И она осталась с подругой в огромном роскошном доме, но теперь все было иначе – ей оставалось только осмотреть этот окаменевший рай. День за днем она тщетно ждала телефонного звонка.

Наконец несколько недель спустя Хьюз подал признаки жизни, подарив ей брошь с изображением музыканта, играющего на флейте. Эта брошь цветного камня была доставлена из магазина на бульваре Уилшир, неограниченно снабжавшего Хьюза вещами такого рода.

Флейтист стоимостью пятьсот франков просто-напросто возвещал об окончании игры.

Что касается чайных роз на высоком стебле, то их больше не приносили...

* * *

Мисс Снивли, заведующая агентством «Голубая книга», напыщенная старая дева, поняла, что отчаяние Нормы Джин оборачивается в ее пользу. «Хьюз обещал вам пробные съемки? Мы этим воспользуемся!» Она доверила Норму Джин заботам Элен Эйнсворт, которая, подобно любому другому на ее месте, решила воззвать к фирме, соперничавшей с «РКО», поставив ее в известность о том, что «РКО» проявляет к Норме Джин интерес.

Так Норма Джин была представлена Бену Лайону из «XX век – Фокс».

Бен Лайон – звезда немого кино – с появлением звука в кино оказался за экраном. Теперь он зарабатывал деньги, выискивая таланты, и, признаться, делал это неохотно. Норма Джин наконец-то проникла за толстые стены, ограждавшие голливудские киностудии. Миновав бунгало штатных писателей, уголок озера, скалу, что-то вроде пустыни, край лагуны, макет парижской улицы и тому подобное, она в конце концов попала на ту часть территории, где разместилась администрация. Окружив себя фотоснимками и телефонами, Бен Лайон разыгрывал из себя властелина, который тратит на своих подданных драгоценные силы. Он пил маленькими глотками, не пресыщаясь, и любил возглашать: «Что такое успех? Еще один недуг этого мира!» Увидев Норму Джин в сопровождении ее десятипроцентного ментора, он заявил уставшим голосом:

– Раз Хьюз интересуется ею, значит, она будет наша. – Положив пальцы на подбородок, как на арфу, он продолжил, делая вид, что размышляет: – Я хочу снять ее на пробу в цвете. Но мне нужно время, чтобы получить разрешение старика Занука.

– Сколько времени? – спросила мисс Эйнсворт.

– Две-три недели.

– Могу вам предоставить самое большее сорок восемь часов. По истечении этого срока мы пойдем к любезному Говарду.

– Вы ставите меня в затруднительное положение, – сказал Бен Лайон. – Но я согласен... Буду работать без разрешения.

Целые сутки Норма занималась волосами, массировала шею, подкрашивала губы, поворачивала ступню вправо и влево от щиколотки, лежала, подняв ноги к стене, изучала свои кости, мышцы, вздыхала и охала, когда бедра казались ей слишком толстыми или она замечала складку на колене.

Бен Лайон принял Норму Джин и ее десятипроцентную покровительницу с видом заговорщика: «Я иду ради вас на большой, очень большой риск... Если старик разозлится...».

Пресловутые пробы проводятся в кино по неизменному шаблону. Неофиту отводят двенадцать минут, в течение которых он должен додавать реплики профессиональному актеру или актрисе. Именно такой контраст и позволяет выяснить, на что способен претендент.

Но поскольку на этот раз Бен Лайон проводил пробную съемку без ведома босса, он не мог прибегнуть к услугам какой-нибудь актрисы, имеющей контракт у «Фокс», и Норма все двенадцать минут должна была играть одна, не произнося ни единого слова. В присутствии этого обманувшегося в своих мечтах честолюбца, ставшего профессионально безразличным и зевавшего в своем кресле, Норма Джин не только не стушеввалась, но наоборот, воспрянула духом и как-то почти лихорадочно оживилась. Ей придало смелости то, что ей, зайке, выпала счастливая случайность сниматься в пробе без диалога. Оператор Леон Шамрой, ждавший Норму Джин на съемочной площадке, был ветераном «Фокс». Жизнерадостный весельчак, он умел увлекаться всем, даже ничего не значащими пустяками. Он снимал благоговейно, наслаждаясь спектаклем. Съемка, не получившая санкции Занука, проходила в половине шестого утра. Накануне на этой площадке снимали фильм «Мама выглядит по-другому» с участием Бетти Грейбл, звезды «Фокс». Норму оставили на минутку в артистической уборной, но ей там нечего было делать. Она давно уже была готова и чувствовала себя слишком напряженно. Она чуть не упала, запутавшись своими высокими каблуками в проводах. Она напоминала манекен с плохо прикрученными ногами и руками. Ей разрешили делать все, что она захочет. И она решила всесторонне продемонстрировать собственную персону. Она лишь повторяла те жесты, которые вынуждена была проделывать сотни раз, снимаясь для иллюстрированных журналов; зажгла сигарету, выпустила дым, села на стул, растоптала сигарету каблуком, словно таракана; она изобразила нетерпение, испуг, она улыбнулась и вытянула губы, словно предлагая их для поцелуя. Эти суетливые движения гигантского насекомого под ослепляющим светом юпитеров заполнили в конце концов две бобины.

* * *

В Лос-Анджелес, равнинный и солнечный, перенаселенный и обезличивающий своих обитателей, уже с давних пор устремлялись молодые и старые, десять тысяч каждый месяц, жаждущие солнца, тихой смерти или внезапной славы. Старики наслаждаются прообразом рая и постепенно начинают воображать, что в этом крае солнца они будут жить вечно. Молодые надеются, что киноплёнка запечатлеет их улыбку на веки веков.

Сейчас бульдозеры выкорчевывают апельсиновые деревья. Современная индустрия, строя в Калифорнии допотопные ковчег, успешно соревнуется со сказочным миром кино. Здесь электрические машины мостят дороги, сжатый воздух подрезает виноградные лозы, а помидоры зреют так же быстро, как в мультипликационных фильмах Уолта Диснея. А еще в Калифорнии строят ракеты для полетов к звездам. Но люди здесь все еще жестоко обманываются в своих мечтах.

Джон Гилберт, звезда немого кино, появляется однажды вечером в одном из бальных залов Голливуда. В вихре танца с него слетает парик и попадает под ноги танцующим. Он спешит поднять его. А на утро кончает жизнь самоубийством в своем замке на холме, в сеньории, которую он приобрел, изображая сеньоров на экране. Дебби Рейнолдс, еще недавно блиставшая на экране, обманута и покинута мужем. Она, которую всегда видели только в великолепных вечерних туалетах, появляется перед журналистами, чтобы показать свое материнское горе, в джинсах, с волосами, заплетенными в косы, и булавками, которыми закалывают на груди платье кормящие матери. Она нашла фотогеничный ракурс для показа своего несчастья.

Радостные, восхищенные герои экрана – отчаявшиеся люди в жизни.

Кратчайшая дорога в рай измеряется метрами, отделяющими первые ряды зрительного зала от светящейся полосы экрана. Поэтому улицы, бары, рестораны, магазины кишат девицами и юнцами, живущими одной надеждой на пробные съемки.

Школы танцев и косметические кабинеты, залы, где читают лекции о

воле, психике, тайне успеха, всегда переполнены. Девушки, вертящие юбочками на теннисном корте, та, которая обслуживает вас в кафе, и даже та, которая смеется слишком развязно и громко, – все они рассчитывают в один прекрасный день попасться на глаза «искателя талантов».

Они деланно улыбаются и ждут нередко годами, если не всю жизнь, пробной съемки, уверенные, что это первый шаг к славе.

Может ли потерпевший кораблекрушение, завидя вдали белый парус, представить себе, что он не будет спасен? Точно так же, когда просмотр пробного куска тут же сопровождается заключением контракта – тот же белый парус на горизонте, – потерпевшая кораблекрушение не может сомневаться в том, что лодка, на которую ее подобрали, доставит ее на землю, к людям.

* * *

Контракт, связывающий Норму Джин Доуэрти с «XX веком – Фокс», был подписан в конце августа 1946 года.

– Каким именем подпишете вы свой контракт? – спросил Норму Джин Бен Лайон.

– Своим. Разве оно вам не нравится?

– Не нравится.

– Вам придется с ним смириться.

Сначала она считала, что носит имя отца, затем выяснилось, что это имя матери, теперь оно было ничьим. Она залилась долгим ребяческим смехом.

– Имя не имеет значения, – сказала она. – Ведь у имени нет фигуры.

– Имя говорит о многом, – сказал Бен Лайон, дремавший в кресле-качалке. – В кино требуется легко запоминающееся имя, о котором люди могли бы мечтать. Можно называться Нормой Джин Доуэрти, если продавать в антракте ириски, но это имя не годится для кинозвезды, а вы, я полагаю, хотели бы стать ею. Имя должно ласкать слух и запоминаться. Вы должны принять имя вашего подлинного супруга – толпы! Именно с ней состоится бракосочетание. Благозвучное имя даст лишний маленький шанс. Каждый

месяц из сотни тысяч претендентов, стремящихся стать звездами экрана, это едва ли удастся двоим. Перечислите мне названия цветов, птиц, хищных зверей – кратких, звучных, тающих во рту...

Бен Лайон, зевая, знаком попросил Норму остаться. Он рассмеялся, вспомнив об одном кинодеятеле, который предложил Элиа Казану переделать свой фамилию на другую, более звучную и мужественную. «Уж лучше бы вас звали Сезанн!» – неожиданно воскликнул он. Казан обратил его внимание на то, что Сезанн – фамилия выдающегося французского художника, пользующегося всемирной известностью. Тот, нимало не смутившись, ответил: «Сделайте только хороший фильм, и ни одна душа об этом типе даже не вспомнит».

– Мэрилин – вот, пожалуй, подходящее имя, – сказал он. – Но фамилия, гм... какая фамилия может понравиться толпе? Только не Бэйкер и ничего в этом роде! Ни булочник, ни мясник, ни возделыватель кукурузы. Почему бы не что-нибудь солидное, всем известное, проверенное? Например, почему бы не фамилия бывшего президента Соединенных Штатов? Фамилия, которая в сочетании с именем Мэрилин зазвучит совершенно по-новому: Мэрилин Монро. Это звучит немного лучше, чем, скажем, Мэрилин Линкольн или Мэрилин Тафт. Что вы об этом думаете, крошка? Вы страдаете без отца и матери. Сегодня я заменю вам их.

ШКОЛА ПОРОКА

Норма Джин Доуэрти, ставшая Мэрилин Монро, заполучив контракт, связывающий ее с «Фокс», чувствовала себя опьяненной счастьем. Но крупные кинокомпании заключали десятки аналогичных контрактов, не придавая им ни малейшего значения. Они ангажировали всех этих мальчиков и девочек, однако это ничего не значило. Коллекционирование «звездочек» – один из элементов фетишизма, свойственного голливудской кинопромышленности. Она действует так же, как колдун, манипулирующий возможно большим числом амулетов в расчете, что какой-нибудь из них вызовет дождь. Но для той, которая мечтает

стать кинозвездой, с этим контрактом начинается убийственный процесс обесценивания. Заключившая его кинокомпания ждет, пока «звездочка» померкнет и перестанет представлять какую бы то ни было опасность в том смысле, что никакой другой кинокомпании она уже не будет нужна, а потом от нее избавляются. Она может вернуться на свое жалкое место, стать машинисткой, учительницей или просто домашней хозяйкой; но чаще всего она становится гардеробщицей, косметичкой или даже потаскушкой.

«Теперь застегните туфли» – такое указание услышишь на всех пробных съемках. Мэрилин, питающая надежду стать кинозвездой, по сто раз в день застегивает туфли перед зеркалом. В ожидании роли она постоянно воображает, что находится перед объективом кинокамеры. И этот объектив кажется ей взглядом безжалостного наблюдателя.

«Актрисе под контрактом» регулярно выплачивают некоторую сумму денег, чтобы она не впала в полное отчаяние. Время от времени возникают какие-то обстоятельства, которые дают ей повод думать, то дело идет на лад. Кинокомпания посылает к ней инспектора рекламного отдела с поручением собрать сведения и заполнить анкету, необходимую для рекламы. Она сообщает данные о своем весе, росте и тому подобное, перечисляет любимые кушанья, любимые виды спорта. Такие анкеты заполняют картотеки и почти никогда не извлекаются из них. Рассказ о себе Мэрилин решила превратить в милую розовую сказку. Поскольку она уже представляла себе свой триумф, то решила показать себя несчастным ребенком, пережившим слишком много горя, чтобы триумф этот обрел характер чуда – стал заслуженным вознаграждением за все ее страдания. И вот она засыпала Роя Крафта, явившегося к ней от «Фокс», рассказами о грязной посуде, которую ей приходилось мыть в приюте, о мерзких обязанностях, которые вваливали на нее родители-кормильцы. Она придумала даже историю об изнасиловании ее стариком в одном из пансионатов, когда ей было восемь лет. Почему изнасилование? Потому, что хуже этого уже ничего не придумаешь. Но даже такая страшная выдумка в конце концов была не страшнее правды, заключавшейся в том, что она не знала отца, а ее мать

была умалишенной и, можно сказать, вовсе не существовала.

Трудно было передать тот ужас, тот иссушающий душу мрак, которые парализовали ее детство. Его, этот ужас, надо было выразить через что-то столь же ужасное, но более доходчивое, точно так же, как большой писатель сознательно искажает реальные события, чтобы придать им большую выразительность. Поэтому ложь Мэрилин была не столько ложь, сколько иносказательной передачей всего пережитого ею в действительности. В конце концов все свое детство Норма была только предметом – удобным в обращении, транспортабельным, сдаваемым в различные семьи, словно в камеры хранения при вокзалах, куда никогда не приходят поезда.

– Понимаете, – сказала она Рою Крафту, – пережитый мною кошмар делает меня безразличной к мужчинам.

И тут, словно в подтверждение своих слов, она обворожительно ему улыбнулась. В обтягивающих брючках, с округлившимися бедрами, Мэрилин положила на одно из них руку – она напоминала живую амфору.

Потом она наклонилась застегнуть туфли.

Сотни грязных тарелок, которые она вынуждена была мыть, изнасилование, потом выдумка про отца, «который обязательно объявится, когда увидит ее на экране», – все это было излито Рою Крафту в порыве откровенности, детской наивности и чистоты.

Рассказывая о себе и изображая высшую степень разочарования, молодая женщина не переставала кокетничать с собеседником, причем довольно грубо, почти вульгарно. Это его озадачивало. Вымыслы Мэрилин, лишенной детства, – ее декольте сводило с ума, казались неопровержимой правдой. Инспектор рекламного отдела «Фокс» прямо терялся, не зная, как ее охарактеризовать, как описать Венеру, показывающую зубки и не знающую, что ей делать дальше.

* * *

Наконец ей поручили крошечную роль, совсем пустячную. Она отделяется от группы статисток и говорит «здравствуйте» – всего лишь

«здравствуйте» – видной актрисе Джун Хэйвер. Фильм назывался «Скудда Ху! Скудда Хей!», в нем показывали муки фермера, который никак не может справиться со своими мулами. Но и эта микроскопическая роль выпала при монтаже.

Готовясь к этому пустячку, которому не суждено было увидеть свет, Мэрилин уже была обессилена уроками пантомимы, танца, пения. Обессилена классическими тирадами, с которыми она обращалась к четырем стенам своей комнаты, обессилена, потому что она кружилась на высоких каблуках, потому что каждое утро и каждый вечер по полчаса держала ноги поднятыми у стены...

Прошел год после подписания контракта с «Фокс». Мэрилин была забыта, ее не приглашали сниматься. Она не могла больше мечтать о тридцати тысячах любовных посланий, которые кинозвезда получает каждую неделю. По утрам она не находила в своем почтовом ящике ничего, кроме рекламных проспектов и требований оплатить счета. Проспекты рекламировали средства преуспеяния, ту или иную марку автомобиля, препарат для похудения, адрес косметического кабинета, учебник по психиатрии.

* * *

Покровительница Мэрилин (на условиях 10%) возобновила свои хлопоты о контракте, на сей раз с другой кинокомпанией. Ей это удалось с помощью искателя талантов Макса Арнова, который устроил ее протеже пробную съемку на «Коламбии». Контракт сроком на полгода, заключенный до 8 марта 1948 года, гарантировал мисс Монро сто двадцать пять долларов в неделю. В ожидании подходящей роли Мэрилин должна была заниматься со студийным репетитором Наташей Лайтес.

Наташа Лайтес жила на территории «Коламбии», в комнате, где царил нарочитый беспорядок, валялись книги, а на стене висел большой фотопортрет Макса Рейнгардта. Худая, некрасивая, она отыгрывалась за свою не удавшуюся ни в театре, ни в кино карьеру, унижая начинающих киноактрис, с которыми ей предстояло работать. Вместе с мужем, писателем левого направления Бруно

Франком, она нашла прибежище в Голливуде, когда в Германии к власти пришли нацисты. Ее мечтой было стать великой актрисой в труппе режиссера Макса Рейнгардта. Свой провал она приписала политическим обстоятельствам, а не внешним данным или бездарности. С той поры у нее осталась ярко выраженная мания величия.

Наташа Лайтес прививала красивым девушкам комплекс неполноценности с единственной целью убедить, что их «прелести» вовсе не преимущество, а признак виновности перед ней, тощей и нескладной Наташей.

Она действовала в два приема: сначала смешивала дебютантку с грязью так, что та заливалась слезами, а потом, приняв маску великодушия, изображала покровительницу.

На студии она скорее играла роль жрицы в изгнании, нежели служащей, обязанной заниматься с начинающими киноактрисами. Жила она одна, так как муж оставил ее и по окончании войны возвратился в Германию.

Мэрилин явилась на первый урок Наташи Лайтес, опоздав на полчаса. Она надела белые брюки и белую кофточку. Наташе она показалась весьма вульгарной особой. Наташа повернулась к ней спиной, делая вид, что углубилась в толстенный словарь. Она притворилась, что листает книгу, отпивая чай из стоявшей под рукой чашки, а сама украдкой, с подчеркнутым безразличием наблюдала за ерзавшей на стуле молодой женщиной.

– Меня просили сделать из вас за три недели актрису. Неужели, по-вашему, это возможно? – рявкнула она, захлопнув словарь, будто выстрелила из пистолета.

От волнения у Мэрилин сжало горло, и она только качнула головой.

Швырнув ей книгу, Наташа попросила прочесть несколько строк. Она процедила сквозь зубы, но достаточно внятно: «За три недели сделать большую актрису из недотепы! Вы понимаете, что от меня требуют чуда?» Пока Мэрилин пыталась читать текст, Наташа небрежно подпиливала ногти.

Потом она взвизгнула своим тонким голоском:

– Да я вас не слышу, детка!.. Я не разбираю ни единого слова!

Мэрилин, опешив, умолкла.

– Как вы говорите? Я хочу сказать, вы открываете рот, когда говорите? Что-то не заметно, скорее похоже, что вы его закрываете. Но странное дело, когда вы молчите, ваш рот все время приоткрыт, как будто вы что-то говорите. Надо признаться, это довольно-таки странно. – Тем более, что все ваше тело не перестает ходить ходуном. Ведь вы хотите стать актрисой, а не уличной девкой! Тогда открывайте рот, когда требуется, и перестаньте дергаться!

Наташа с облегчением улыбнулась, потому что Мэрилин начала плакать. Она заявила с легкой издевкой:

– Меня уже поразили ваши фотографии: везде у вас приоткрытый рот. Запомните, детка, это неприлично!.. Разве что у вас во рту полипы, но тогда вам их нужно удалить, а потом уж лезть в актрисы.

Рыдания Мэрилин, которых так ждала Наташа, были для нее как бы сигналом к примирению, клятвой верности ее персоне. Она подошла к молодой разочарованной женщине, взяла ее за руку и стала утешать, обещая, что «позаботиться о ней, как о родной дочери». Надо ли подчеркивать, что это обещание не сулило добра.

Мэрилин была безутешна. Казалось, предаваться самоунижению для нее одно удовольствие. Причинить ей больше горя, чем она уже пережила, было невозможно. В своем слишком белом наряде она вдруг стала выглядеть подростком, который ничего не смыслит в кознях взрослых и с отчаянием взирает на них своими голубыми глазами.

Это даже превзошло ожидания Наташи Лайтес. Отбросив свои повадки разгневанного идола, она ласково пробормотала:

– Мы будет работать вместе, дитя мое.

На «Коламбии» так и не поняли, что же произошло, чем околдовала Наташу эта Монро. В самом деле Наташа Лайтес, почти всегда отзывавшаяся о девушках, которых ей вверяли, либо сдержанно, либо с разочарованием, пела новенькой восторженные дифирамбы. Мэрилин была во сто крат послушнее, покорнее всех дебютанток, с которыми ей приходилось иметь дело. Вот почему

Наташа Лайтес отзывалась о ней словно мать, долгое время остававшаяся бездетной и теперь наслаждавшаяся своим ребенком, невзирая на его несовершенство.

* * *

Итак, Мэрилин Монро обрела мать в лице худой и смуглой Наташи; ей оставалось обрести отца тоже в стенах «Коламбии». Он принял облик Фреда Каргера, который занимался с дебютантками музыкой.

С помощью Наташи Лайтес Мэрилин Монро наконец получила роль в серийном фильме «Эти дамы из мюзик-холла». Она должна была сыграть в нем девушку, выступающую в стриптизе и влюбленную в богатого парня. Однако матери обоих героев препятствуют браку. Мэрилин появлялась в двух музыкальных номерах. Восемь девушек в коротких юбочках, качая на руках больших кукол, распевали: «Каждой крошке нужен папа». Затем Мэрилин пела дуэтом с героем картины: «Все знают, что я тебя люблю!» и «Каждой крошке нужен папа».

Фреду Каргеру, заведующему музыкальной частью «Коламбии», композитору, аранжировщику и дирижеру, поручили репетировать с Мэрилин песенки из фильма. Она боязливо напевала перед ним все те же нелепые куплеты.

Эта робкая, косноязычная дебютантка приводила Каргера в отчаяние. Он и сам страдал от своей робости, но робость других он воспринимал болезненно, словно прямое напоминание, личный выпад. Продавшись «Коламбии», он руководствовался девизом слабых: «Приходится выбирать между жизнью и призванием». Отрекшись от призвания из страха испытать нужду, он считал, что сделал здравый выбор, предпочтя жизнь. Он замкнулся в своем отречении. У него был спокойный, усталый голос – голос больного, обращающегося к таким же, как он, больным.

– Вечерами вы будете работать над определенным куском, а по утрам мы будем отшлифовывать этот кусок вместе, – сказал он Мэрилин.

– Не надо бояться... Всему можно научиться.

Провожая ее, он добавил:

– Не имеет цены лишь то, что заложено в нас с вами с самого начала и чему научиться невозможно.

Деловые встречи, регулярно дважды в день, с Фредом Каргером в конце концов повлияли на настроение Мэрилин, и она впала в меланхолию. Она жила тогда, как студентка, снимая комнату на Сансет-Стрип. Она только и делала, что взвешивалась, занималась макияжем и, сидя в ванной, невнятно напевала свои песенки. Других развлечений у нее не было. Жизнь представлялась ей хронической болезнью. Зараженным ею не оставалось ничего иного, как непрестанно мыться, напевая глупейшие куплеты.

Каргер был неизменно любезен, но держался на почтительном расстоянии. Однажды она решила не пойти на урок, надеясь, что произойдет какой-нибудь сдвиг в их отношения?: – так раньше она убежала из приюта, чтобы посмотреть, «чем это кончится». Может быть, дальше дело пойдет на лад. Во время одного из посещений Каргера в его кабинете на студии у нее вдруг екнуло сердце. Окончив расшифровывать партитуру, он повернулся к Мэрилин, не сняв очки, тогда как обычно, едва закончив играть, сразу же снимал их. У него были мутные, утомленные глаза. Он казался усталым и уязвимым. Его взгляд за очками словно звал на помощь. И она почувствовала непреодолимое желание поцеловать его, прижаться к нему. Ей казалось, что она давно ищет именно такого человека, тихого и незаметного.

Итак, Каргер позвонил своей ученице, чтобы справиться о причине ее отсутствия. Она сказалась больной и сразу повесила трубку. Она очень любила притворяться больной, словно один этот факт мог привлечь к ней внимание, внушить уважение, которого она не могла добиться иначе. Быть может, сказываясь больной, она хотела заставить появиться родителей или того, кто смог бы протянуть ей руку, понять ее и утешить.

Удивленный, немного встревоженный Каргер пришел навестить ее. Что у нее болит? Разумеется, она не могла объяснить точно. Она больна, разве этого

недостаточно? На самом деле она страдала от апатии, от тоски. В конце концов она призналась в этом. Но почему у нее такое подавленное состояние? Она тщетно придумывала причину и наконец торжествуя, с успокоительной улыбкой заявила, что ее угнетают долги и ей нечем платить за комнату, даже такую скромную.

Каргер вдруг нашел, что в своем смущении и в своей неловкости Мэрилин очаровательна. Он заявил, что она страдает от одиночества, недуга, знакомого и ему, и что от него легко избавиться. Он посоветовал ей переселиться в женский отель «Голливудская студия» по соседству с «Коламбией». Там она будет окружена другими молодыми женщинами, некоторые из них наверняка находятся в аналогичном положении. Одиночество – скверный советчик, и его любой ценой надо избегать. Только человеческая теплота помогает бороться с одиночеством, так же как горячие напитки помогают успешно бороться с гриппом. Это ничуть не сложнее! Мэрилин восхищенно слушала его. Она поспешила воспользоваться советом Каргера с воодушевлением новобрачной, готовящей свадебные апартаменты.

«Голливудская студия» помещалась на Нью-Лоди-стрит, неподалеку от приюта, в пятиэтажном здании мавританского стиля. Отель принадлежал Ассоциации девушек-христианок, связанных по работе с музыкой, танцами и кино. Хотя номера стоили недорого, они были просторными, светлыми, уютными. Отель располагал вместительным рестораном, гостиной, а также садом с тропическими растениями и фонтаном. Мэрилин перебралась в «Голливудскую студию», захватив свои портативные весы, сушилку для волос, флаконы с духами и книги.

Каждая комната была рассчитана на двоих, но присутствие соседки не изменило привычек Мэрилин. Не обращая на соседку никакого внимания, она подолгу сидела в ванне, расчесывала щеткой волосы, взвешивалась, красила губы. Ее совершенно не интересовало, чем были заняты другие девушки, которые, как правило, стремились только к замужеству.

Кларис Эванс, соседка Мэрилин по комнате, хотела стать певицей. У нее

было контральто, и она все время распевала оперные арии. Однажды она выразила удивление тем, что Мэрилин звонят много мужчин, но она никогда не получает писем. Мэрилин побледнела. Потом она рассеянно ответила, что ее книги – это самая обильная любовная почта, какую вообще можно получать.

* * *

Каргер недавно развелся. Он добился, чтобы ему оставили шестилетнего сына. По его мнению, ни одна женщина не стоит того, чтобы растрчивать на нее свои чувства. Все они в один прекрасный день от вас ускользают. То, что его жена ушла к другому, служило для него, человека со свежей раной, предлогом для сладострастной скорби и одновременно оправданием его инертности. Стоило ли утруждать себя, чтобы завоевывать тени.

Каргер не выносил женщин, за исключением матери и сестры. У него была навязчивая идея – избегать женщин, чтобы они не могли ему изменить. Вот почему, когда Мэрилин закидывала перед ним ногу за ногу или его взгляд задерживался на манерной походке ученицы, он не мог сдержаться, чтобы тут же не съязвить, словно желая отогнать искушение. Он защищался от молодой женщины, нанося ей рану, в надежде таким образом скрыть свою собственную.

– По сравнению с телом ваш ум еще дремлет в колыбели, – бросил он.

Он ходил, опустив одно плечо, словно нес бремя, оказывающее честь его мускулам, утверждавшее силу его тела. Он умел орудовать своей трубкой, как фокусник, пряча ее в ладони, словно защитное оружие.

Однажды вечером, после урока с Мэрилин, проиграв для разрядки несколько тактов Шопена, он снова, вместо того чтобы снять очки, произвольным движением поправил их на носу. И тут он заметил, что его ученица уставилась на него глазами, в которых светился странный блеск. Казалось, ее захлестнула волна счастья. Очки делали его в глазах Мэрилин Монро мужчиной без определенного возраста, человеком из другого мира.

Разумеется, Каргер представлялся ей не таким, как все другие. Его руки музицировали. Он был холоден. Ему было дано то, чего не было у других. Он

был музыкантом, следовательно, знал тайну, куда большую, нежели тайна врача или кудесника.

Но Каргера обманул блеск, подмеченный в глазах Мэрилин. Дело было не так просто. Сердце одинокой молодой женщины внезапно затопила волна влюбленности.

Сняв очки, Каргер сжал ее в объятиях. Нежно водворив очки ему на нос, она ответила на его – поцелуй. Каргер прижал к себе молодую женщину с той судорожной, почти болезненной старательностью, с какой разбирал на рояле произведения.

Мэрилин переселилась из отеля христианской молодежи поближе к дому Каргера. И вот для нее началась некая патологическая идиллия. Она жила словно взаперти, не покидая своей комнаты и своей мечты.

Когда Каргер условленным манером стучался к ней в дверь, Мэрилин казалось, что она падает в обморок. Представ перед ней в пальто и шляпе, он казался ей существом не из плоти и крови, а видением, возникшим в самом светлом уголке ее души. Их любовные встречи сводились к тому, что они подолгу стояли в оцепенении, прижавшись друг к другу. Даже их диалог звучал весьма необычно:

– Я умру, ожидая тебя, – говорила она.

А он:

– Я могу видеться с тобой только дважды в день – по дороге на студию и обратно.

И она опять ждала.

...И снова звучал на пластинке воркующий голос Эллы Фицджеральд. С улицы доносился одуряющий запах жареного кофе, исходивший из кафе, на вывеске которого была изображена кинозвезда с распущенными светлыми волосами: запрокинув голову, она подносила чашку к большому алчущему рту с ярко намалеванными губами. Строительные рабочие отдыхали, уснув на кучке песка, как будто почили вечным сном. По карнизу осторожно расхаживали голуби. И, как всегда, в штате солнца стояла жара. Два негра,

затянутые в темные костюмы, заливались смехом, школьники, водрузив на нос темные очки, гонялись друг за другом с кличем воинственных индейцев из кинофильмов.

Поднимаясь с постели, Мэрилин чувствовала себя бессильной, она была готова на все, лишь бы Фред Каргер на ней женился. Готова отказаться от карьеры, стать продавщицей в закусочной или для привлечения зевак демонстрировать в витрине магазина надувные матрацы.

Но она тщетно ждала предложения Каргера. И наконец была вынуждена заговорить об этом сама.

Он был удивлен и потрясен так, как будто ему напомнили о старом долге или указали на жирное пятно на его галстук.

Она стала утверждать, что не может жить затворницей в ожидании его двух каждодневных визитов, по полчаса каждый. Ей надо знать, что все это значит. Он обязан принять какое-то решение.

– Я не ищу удобных отговорок, – после долгой паузы ответил Каргер, – но я не могу принять решение из-за сына.

– Ну что ж, он станет и моим сыном, – сказала она. – Я подцеплю на один крючок сразу двух мужчин.

Шутка пришлась Каргеру не особенно по вкусу. Она привела его в еще большее уныние. А Мэрилин продолжала свое и говорила, что ее не устраивает мужчина, которого она должна принимать, как капли, – в определенный час, дважды в день.

– Ладно, я вам все объясню, – сказал Каргер. – Если со мной что-нибудь случится, то...

– То что?

Глаза ее уже наполнились слезами. – Вы представляете себе мое горе и хотите заблаговременно меня предостеречь, – сказала она.

– Нет, не в этом дело... Но если меня не станет и малыш останется с вами, что из него выйдет... ведь вокруг вас столько мужчин? Он погибнет.

Мэрилин как-то сразу согнулась вдвое, как будто ее ударили, и начала

тихонько плакать; она стояла поникшая, словно собака, перед которой навсегда закрыли дверь. Она поняла всю низость Каргера. Он был готов смешать с грязью женщину, лишь бы оправдать свой отказ в собственных глазах. Она выпроводила его в коридор и сказала тихим, бесстрастным голосом:

– Вы меня не любите.

Потом вернулась к себе в комнату и заперлась на ключ.

Каргер бормотал за дверью какие-то извинения, но она ему не открыла.

* * *

Все последующие дни Мэрилин ждала звонка Каргера, но он не позвонил. Сама она несколько раз была готова позвонить ему под любым предлогом. Каргер постучался в дверь Мэрилин лишь через несколько недель после их разрыва. Она ему не открыла. И на этот раз друзья сказали Каргеру: «Ты терзаешь самого себя с достаточным мужеством, чтобы не нуждаться в помощи». Она боролась с собой, чтобы ему не открывать. Она знала, что спустя четверть часа он опять станет рассеянным и мечтательным, раздумывая, как бы ему опять отвертеться.

В конце концов она крикнула из-за двери:

– Мы поженимся? Каргер бессвязно бормотал:

– Я... Понимаете...

– Вы бегаєте, бегаєте, но с твердым намерением не прибежать, – сказала она.

Фильм «Эти дамы из мюзик-холла» был забыт через две недели после выхода на экран.

«Коламбия» не возобновила контракта с Мэрилин Монро, срок которого истек 8 марта 1948 года. И она опять стала позировать, снимаясь для легкомысленных журналов.

У Джо Шенка, одного из боссов «Фокс», была племянница, посещавшая ту же школу драматического искусства, что и Мэрилин, – «Актерскую лабораторию». Эта племянница рассказала дяде, что бедную девушку

выставили за дверь «Коламбии», как в свое время за дверь «Фокса». Шенк позвонил Гарри Кону, президенту «Коламбии», чтобы поставить его в известность о непонятном обращении с этой «звездочкой».

Гарри Кон начинал свою карьеру еще в период немого кино тапером. При его отталкивающей внешности работа в темном зале вполне его устраивала. Лысый, с бычьей физиономией, приземистый, он стремился сразу же внушить своим визитерам, что он чудовище, чтобы те в конце концов усомнились в этой совершенной очевидности. Выставление себя таким напоказ облегчало его душу. Сидя в огромном кресле-качалке, он без обиняков заявлял журналистам, которых был вынужден принимать:

– Не пишите обо мне ничего хорошего. Все равно вам никто не поверит.

Желая дать понять, что аудиенция окончена, он нажимал на педаль под письменным столом – прием, заимствованный им у Муссолини, которого он снимал для документального фильма. Видя, что двери распахиваются, посетитель вынужден был уходить, в то время как Кон продолжал возлежать в своем кресле. Он мог ангажировать писателя, нелестно отозвавшегося о нем, заплатить ему несколько тысяч долларов и изолировать в комнатухе, не давая ему никакой работы, просто для того, чтобы поиздеваться над ним в свое удовольствие; так продолжалось в течение месяца, потом жертву выставляли за дверь. На похоронах Кона в 1958 году было столпотворение. Зрелище нескончаемой похоронной процессии, шествовавшей за гробом человека, вызывавшего такую ненависть, напоминало коллегам Гарри Кона его любимую фразу, которую он произносил, приступая к новому фильму: «Дайте людям то, что они хотят видеть, и они потянутся к вам толпами».

Итак, именно к этому Гарри Кону пришла однажды утром на аудиенцию в его огромный кабинет Мэрилин. Даже не сказав ей «здравствуйте», а просто кивнув, словно речь шла о доставленной ему партии товара. Кон ощерился (это был тик), встал и, протянув руку, словно в гитлеровском приветствии, указал на большую картину, украшавшую стену. На ней была изображена яхта.

– Моя игрушка, – сказал он. – Я отдыхаю на ней во время уик-эндов.

– Красивая, – сказала Мэрилин.

Тогда Кон тяжело опустил руку на шею Мэрилин. Так укрепляют ярмо на рабочей скотине.

– Вы побываете на ней в следующий уик-энд.

– Я не люблю сборищ, – высвобождаясь, сказала она.

– Мы будем только вдвоем, – возразил он.

– А ваша жена?

– У нее другие дела! – выкрикнул Кон.

– В таком случае вы будете на своей игрушке один.

– Что ж, – сказал Кон, указывая ей на бульвар за окном. – У меня для вас ничего нет. Но напротив требуется продавщица кукурузных хлопьев. Табличка видна отсюда.

Выйдя от Кона, она перешла бульвар, подошла к стеклянному сосуду, в котором подпрыгивали кукурузные хлопья, похожие на снег. Но табличку с надписью «требуется продавец» уже сняли.

Кредитная компания, которой Мэрилин задолжала несколько взносов, конфисковала ее машину. Она снова почувствовала себя потерпевшей кораблекрушение.

В раю нефти, апельсинов и кино она вдруг стала похожа на тех иммигрантов, которых изолировали – они живут в фургонах под Лос-Анджелесом без права жительство в городе успеха. Ей не хватало пятидесяти долларов, чтобы выкупить свою машину и снова почувствовать себя человеком. В самом деле, как передвигаться по такому множеству предместий, по этим протянувшимся на десятки километров авеню, среди рабочих авиационных заводов, среди слишком красивых женщин, ищущих применения своей красоте, и огромного количества пенсионеров, приехавших умирать в штате? Как жить здесь без машины?

Ветер с шумом срывает ветви с пальм. Там, где торжествует молодость, возвышаются и древние жители земли – секвойи. Померанцевые деревья сверкают в темноте, как золотые копья.

На верхушке часовни вертится светящийся крест. В этих местах астрологи так же богаты, как нефтепромышленники. Реактивные самолеты разверзают небо. Но среди благоухающих холмов, среди зеленых долин, где цветут виноградники и персиковые деревья, вас может постигнуть несчастье: у вас не найдется пятидесяти долларов для очередного платежа за машину, приобретенную в рассрочку. Так к чему же совершенствовать фигуру, отрабатывать дикцию, стараться выглядеть обаятельной и избавляться от наваждения призраков, если у вас отняли машину? Словом, как раздобыть эти пятьдесят долларов честным путем?

Том Келли, фотограф, снимавший Мэрилин для рекламных фотографий, как-то сообщил ей, между прочим, что за снимок для календаря, где каждый месяц года представлен нагой девушкой, платят пятьдесят долларов.

Когда у Мэрилин отняли машину, она позвонила Келли. Она сказала, что согласна позировать для календаря, но только инкогнито.

Она отправилась к нему на Сьюворт-стрит с наступлением темноты, будто какой-нибудь злоумышленник.

Келли жил с женой в небольшой вилле, загроможденной софитами, рефлекторами, искусственными пальмами, диванами, плетеными стульями, картонной ванной и другой бутафорией, позволяющей как-то оживить фон, на котором снимались женщины, передать движение, атмосферу.

Сначала Мэрилин потребовала, чтобы ее сфотографировали в очках, скрывавших глаза, а ля Грета Гарбо, но такая неуместная фантазия заставила Келли прыснуть со смеху. Готовая разрыдаться, она спросила его, что ей надо сделать, чтобы остаться неузнаваемой. На это Келли ответил, что она не настолько известна, чтобы ей беспокоиться. У Келли был рост дровосека. Он всегда был в хорошем настроении. Он посоветовал Мэрилин улыбаться чуть неестественно, чтобы придать лицу выражение, какого в повседневной жизни не увидишь. Улыбка – самая верная маска.

Поддавшись на уговоры, Мэрилин откинула страх и отбросила одежду. Сеанс длился добрый час. Келли сделал множество снимков – молча, с

точностью и подвижностью хирурга. Затем Мэрилин оделась и предстала перед огромным усатым Келли и его тщедушной женой, грустно улыбавшейся рядом с ним, как будто бы в конечном счете она испытала то же, что и натурщица. Мэрилин бросила просветленный взгляд на пальмы, лестницу, софу, ванну и расписалась в получении пятидесяти долларов. Она расписалась чужим именем и не своим почерком: «Мона Монри...»

Потом она удалилась с таким же чувством, как и пришла, – словно она что-то украла. Она получила пятьдесят долларов, к ней вернется ее машина, следовательно, вернется достойное место в штате солнца.

* * *

Почти целые дни проводила она в закусочной Шваба, посещаемой мнимыми и подлинными художниками, газетными хроникерами, репортерами светской хроники, дельцами из мира кино и множеством «звездочек», которые время от времени жевали сэндвичи и, перелистывая журналы, ждали. Как бы то ни было, но между телефонными звонками, за потягиванием апельсинового сока и перелистыванием журналов время проходило быстро. Мэрилин ждала, но не какого-нибудь мужчину, она ждала, когда ей поклонится толпа. Она не слушала христианских девушек из «Голливудской студии», которые предостерегали ее об опасности такого ожидания в публичном месте. Ей объясняли, что женщина, не преуспевшая в кино, непременно опускается до панели. Женщина, не обретшая желанного счастья, утрачивает интерес к тому, чтобы блюсти себя, и «отдается на потребу мужских желаний».

Мэрилин пожимала плечами. Она продолжала пить апельсиновый сок и листать журналы с фотографиями кинозвезд. Каким-то чужим, усталым голосом она заявляла, что не другим, а ей самой решать, преуспела она или нет. Ее успех зависит только от ее собственного решения. Мужчины глубоко заблуждаются, если воображают, что она существует только для них. Она составляла пару только своей мечте.

Здесь-то, в закусочной Шваба, Мэрилин прослышала – слухов тут было

хоть отбавляй, – что компания братьев Маркс ищет для своего нового фильма сногшибательную блондинку. Она позвонила Лестеру Коуэну, продюсеру «РКО» и, заикаясь, заявила ему, едва слышным жеманным голосом, что она блондинка, которая годится для любых амплуа. И особенно в тех случаях, когда сценарию недостает огонька. Коуэн, осаждаемый по телефону сотнями истеричек, усмехнулся и пригласил незнакомку только потому, что его развеселило ее заявление. Однако, уточняя час свидания, он бросил: «Предупреждаю. Эта роль не сделает вам карьеру, она просто выход».

Речь шла о финальной сцене фильма «Счастливая любовь». Блондинка, которую искал Граучо Маркс, должна была, не произнося ни слова, кокетливо пройти через его кабинет. Глядя на ее походку, Граучо тупо таращил глаза поверх очков, испуская свист, напоминающий звук лопающегося воздушного шара.

Это был последний фильм братьев Маркс.

Коуэн пригласил Мэрилин в студию на следующий день в семь тридцать. Она явилась в назначенный час в очень декольтированном облегающем платье с блестками.

– Надо, чтобы вы произнесли хотя бы несколько слов, – сказал Граучо. – Я ничего не предусмотрел, но было бы жаль оставить без всякого текста роль такой женщины, как вы, ну хотя бы ради нашего знакомства.

– Почему бы и нет? – чуть слышно произнесла Мэрилин.

Камера замурлыкала.

– Что я мог бы сделать для вас? – спросил Граучо, когда она вошла в его кабинет, мелодраматично покачивая бедрами. И, не дождавшись ответа, повернулся лицом к камере и прошептал: «Как будто я не знаю и сам!»

Он снова перевел свой пылкий взгляд на Мэрилин:

– Что с вами?

– Меня преследуют мужчины! – сказала она и стала удаляться из поля зрения камеры, как всегда вызывающе виляя бедрами.

Тут Коуэн сказал Мэрилин:

– Мы еще встретимся... И положитесь на меня.

– В чем?

– Да так.

И добавил:

– Положитесь на меня, и вы станете знаменитой!

Несколько дней спустя в светской хронике известной Луэллы Парсонс, одной из голливудских сплетниц, впервые упоминалось имя Мэрилин Монро: «Коуэн из «РКО» уверяет, что открыл новую звезду – Мэрилин Монро. Он намерен заняться ею лично...»

В Голливуде иногда достаточно одного слова журналиста, чтобы кинозвезде было обеспечено счастье и благополучие. Любой репортер, располагающий хоть крошечным местом в печатном периодическом органе, представляет собой силу, чуть ли не равную силе промышленных королей. Люди пера здесь всемогущи. Они могут и создать звезду, и погубить ее. Иногда они могут на ком-нибудь отыгаться за свою неудавшуюся карьеру, с легкостью вынося как смертные, так и оправдательные приговоры.

* * *

На следующий день после появления этих строк Мэрилин окружили в закуской Шваба завистливые соперницы. У нее создалось впечатление, будто ей вдруг предоставили огромный кредит. Ей надо было срочно купить что-то очень дорогое, чтобы обрести уверенность.

Она отправилась в ювелирный магазин на Голливудском бульваре, торговавший в кредит, и, показав заметку, подписанную Луэллой Парсонс, спросила, на какую сумму она может рассчитывать.

– На пятьсот долларов, – ответил ей ювелир.

Прикрывшись болтовней голливудской сплетницы, она стояла в десять раз больше, чем обнаженная на сомнительном календаре неизвестно какого года.

Она выбрала золотые часы и приложила к руке. Но это были мужские

ручные часы. Она чувствовала себя безысходно униженной.

Сплетня Луэллы Парсонс чересчур запоздала. Ей уже пришлось выставлять напоказ свое тело. Она была всего лишь нагой моделью, жалким предметом в руках нескромного фотографа. У резвящегося пуделя и то больше индивидуальности, чем в тот момент было у нее.

«Опустите прядь на щеку», – советовал Келли. Она должна была по команде напускать на себя томный чувственный или сомнительный вид. Ветка искусственной лилии отбрасывает тень на ее живот. Несколько воздушных шаров, слишком короткая рубашка, клетка с канарейками, гитара, служащая фиговым листком, английская шляпа с булавкой, блузка из перкаля, брошенная рядом... И всегда множество воздушных шаров, свечей...

Как устала она быть непристойной моделью.

Она воображала, что по-прежнему влюблена во Фреда Каргера, и донимала его телефонными звонками, меняя голос. Она ждала его перед дверью и у турникета «Коламбии», подобно многим бедным девушкам, которые надеялись встретить здесь кого-нибудь из знакомых, рассчитывая на их протекцию. Наконец однажды она подловила его и схватила за руку. Он смотрел на нее испуганно, будто она покушалась на его жизнь. Мэрилин поспешила застегнуть на его запястье золотые часы с браслетом, стоившие в десять раз дороже ее нагого тела, и убежала, чтобы он не смог ее догнать и вернуть подарок.

Своим подарком Мэрилин хотела доказать этому человеку, что она не пустое место, она зарабатывает деньги и заслуживает уважения; это не был бы брак с какой-то пустышкой.

Принимая покровительственный вид, Лестер Коуэн сулил «звездочкам» «будущее»; так, будучи робким, он надеялся получить желаемое, не домогаясь его в открытую.

Это «будущее», ежедневно сулимое Коуэном, тотчас же было предложено и Мэрилин в виде фильма, который мог принести ей миллион долларов, при этом за полуторачасовой сеанс она не должна была делать

ничего такого, чего уже не делала, мелькая на экране: вилять бедрами и приоткрывать рот, словно вынутая из воды рыба.

Постепенно этот миллион становился для Мэрилин навязчивой идеей. Не то чтобы она предназначала эту сумму на приобретение определенной ценности; просто она хотела потрясать этим состоянием как доказательством своего существования, своей индивидуальности, своей «ценности». Она хотела получить свой миллион долларов с упорством одержимых, потому что этот миллион, думала она, женит на ней Фреда Каргера. Надо было доказать ему, что она не пустое место, вопреки обидному предположению, высказанному им до того, как его выставили из комнаты.

Она донимала Коуэна своими просьбами, но принадлежала ему не больше, чем всем остальным. Наконец Коуэн заверил ее, что придумал для нее беспрецедентный «трюк», который мог стать прелюдией к ее кинематографической карьере. Она совершит оплаченную «Коламбией» поездку, чтобы рекламировать фильм братьев Маркс «Счастливая любовь». Он тут же вручил ей чек, чтобы она могла соответственно одеться.

– Мы заставим думать, что вы героиня фильма, – сказал Коуэн.

– Но ведь я не героиня!

– В Голливуде, детка, надо поддерживать ложь до тех пор, пока она не станет правдой.

– В таком случае, когда же мне выезжать в эту поездку лжи?

– Если можете, завтра.

Рекламный агент, которому поручили сопровождать маленькую женщину с волнующей походкой усадил ее в лимузин, и Мэрилин была доставлена к спальному вагону поезда, направлявшегося в Нью-Йорк. Мэрилин покинула наконец закусную Шваба, и теперь ей казалось, что она отправляется на завоевание мира. После Вермонт-авеню, едва начался испанский Лос-Анджелес с аркадами и внутренними двориками, она уже пришла в восхищение потому, что мир начинается не за горами, и еще потому, что она снова верила в возвращение к ней Каргера. Первый рекламный агент, приветствовавший ее на

платформе, сунул ей в руки размноженный на ротаторе текст с нелепыми, по большей части выдуманными подробностями, предназначенным для рекламы фильма. Он посоветовал ей делать все, чтобы понравиться журналистам, ибо они в таком деле всемогущи.

Во время остановки в Чикаго другой рекламный агент потащил ее в буфет, торопясь рассказать ей несколько историй, придуманных им накануне ночью в расчете растрогать журналистов – ни дать ни взять мать, дающая наставления дочери перед первой брачной ночью.

Наконец, на вокзале Хармон за сорок минут до прибытия в город последний агент сел в поезд, чтобы предложить Мэрилин три только что срезанные белые орхидеи, которые она должна была приколоть на свой голубой костюм.

На ней была белая блузка и бархатный беретик. Она казалась маленькой, чопорной, словно иностранная гувернантка, направляющаяся в семью состоятельных людей. Она была похожа на сироту, идущую в школу. На большом центральном вокзале нанятые Лестером Коуэном фотографы, что-то крича, бегали по платформе – это составляло часть ритуала. Фотографы беспрестанно щелкали блицами. Они были скверно одеты, дурно настроены и полны высокомерия.

Мэрилин с увлечением выполняла их указания. Она кривлялась и ломалась, копируя виденное в кино. Схватив рожок с мороженым, продававшимся на перроне, и облизывая его языком, она улыбалась, оборачивалась, кивала, смеялась, клала ногу на ногу. После этого ее проводили в изысканный отель на Пятьдесят девятой стрит.

Три дня провела она в этом отеле, созерцая находившийся напротив фонтан. А в перерывах позировала – и ничего другого. Она позировала, впадая в крайность, – позировала всюду, где бы ни потребовали фотографы, – на улице, в ресторане, улыбаясь ребенку. За ее внешностью, за красивыми руками, золотистыми волосами, томным взглядом, чувственными, растянутыми в улыбке губами никто ничего не видел...

Так, благодаря своему дару копировать, принимать легкомысленные позы и строить приятные мордочки она получила множество фотографий и интервью, из которых одно послужило ей важной рекламой: интервью с Сиднеем Филдсом из «Нью-Йорк Дейли Миррор» от 27 июня 1949 года. Когда позднее один журналист спросил Филдса, почему он уделил столько внимания этой манерной девчонке, Филдс задумчиво ответил: «В ней чувствовалась сила, старина... Жизнь была в ней ключом...» И смущенно добавил: «По-моему, если человек кажется счастливым, это заразительно... Хочется сделать его еще счастливее».

Еще в школе, желая казаться прилежной, Мэрилин пачкала пальцы чернилами. Теперь ей ничего не стоило симулировать радость жизни, изображая восторженную улыбку.

* * *

Летом 1949 года Мэрилин снова позировала ради заработка для легкомысленных фотографий, не упустив случая заявить фотографу Андре де Дьенесу: «Ведь все это не настоящее. Я вам только для забавы, не правда ли?»

Было это на пляже в Палм Спрингс: она уперлась коленями в выброшенный морем обломок корабля и наклонилась вперед так, будто собиралась снять купальный костюм.

Вскоре после этого сеанса она встретила с Джонни Хайдом, который брался делать кинозвезд из машинисток при условии, что они не будут безразличны к его особе. Он работал в театральном агентстве Уильяма Морриса, был небольшого роста, сутулый, стриженный под ежик, а с его изможденного лица не сходило выражение изумления.

– Вы заражаете своей чувственностью все, – сказал он Мэрилин. – Даже бревно, как это видно по фотографии Андре де Дьенеса.

– Спасибо!

– Не за что! Вы великая Мэрилин Монро, точнее вы станете ею благодаря мне!

– Я ни в ком не нуждаюсь.

– Я не встречал ни одной «звездочки», которой предначертана карьера, которая могла бы обойтись без Джонни Хайда.

– Ну что ж, вот она перед вами. Мне суждено обойтись без Джонни Хайда.

– Оставьте, – сказал он, хватая ее за руку, – вы прекрасно знаете, что поначалу взлет каждой женщины непременно обеспечивает мужчина. Для Греты Гарбо это был Штиллер, влюбленный в нее режиссер.

– Я принимаю кофе, в крайнем случае ужин, но не больше.

– Полноте, деточка, вы нуждаетесь в Хайде, как Хайду нужны вы.

После этого разговора он неотступно преследовал Мэрилин своими предложениями, настоятельно требуя ответа.

– Это решительный час! – повторял он. – Что вы предложите Джонни Хайду в обмен на карьеру кинозвезды? Подумайте как следует, ведь это я сделал Лану Тернер!

Джонни Хайду стукнуло пятьдесят три, тогда как Мэрилин было двадцать три. Его лоб, щеки, шея были изрезаны морщинами. Он с болезненным упорством убеждал девушек, что сделает из них кинозвезд, а деятелей кино – что у него заключены контракты с будущими кинозвездами.

Его настоящее имя было Иван Гайдебур. Он родился в Санкт-Петербурге в семье акробатов. Во время турне в Америку в 1905 году его отец решил остаться со всем семейством в этой благословенной стране. Особенно нравилось ему здесь мороженое. Маленькому Ивану было тогда десять лет. Убедившись, что ему не хватает ловкости, а это пригвождает его к земле и вызывает немилость родных, он все сильнее устремлялся мыслью ввысь. Так ему очень скоро пришла в голову идея торговать чужими акробатическими номерами.

Хайд не переставал заявлять красивым девушкам: «Другие думают об Иисусе Христе, а Джонни Хайд денно и ночью думает о вашем успехе, моя красавица». В конце концов он уверил себя в том, что именно он лепит и

совершенствует их, прежде чем они предстанут перед судом публики. Этот беспокойный мужчина с галстуком-бабочкой воспылил страстью к Мэрилин Монро. Ему надо было спешить хотя бы для того, чтобы уходить в мир иной с чувством уверенности в успехе у женщин в этом мире. В самом деле, в то лето 1949 года врачи дали ему скромную отсрочку – ни больше ни меньше, как несколько месяцев жизни. И он вбил себе в голову идею жениться на Мэрилин Монро.

Как Мэрилин Монро внушила себе и другим, что заикается из-за того, что ее на девятом году жизни изнасиловали, так Джонни Хайд, пытаясь спорить с часовой стрелкой, вообразил себе, что Мэрилин согласится выйти за него замуж при условии, если он добьется для нее значительной роли в кино.

– Чтобы стать звездой, ты должна избавиться от заикания, а у меня есть специалист, который вылечит тебя от этого недуга... это мой друг. Я дам тебе его адрес, когда ты назначишь дату нашей свадьбы. Каждый из нас напишет свое на клочке бумаги, и мы обменяемся ими.

– А где гарантия, что на этом клочке будет что-то написано?

– Ладно, чтобы доказать свою честность, я уже сейчас скажу тебе, как надо лечиться. Читай вслух, разумеется, ты будешь, как всегда, заикаться. А я тем временем начну громыхать кастрюлями. Тебе придется перекричать шум, и таким образом ты перестанешь заикаться.

Они принялись действовать по этому рецепту, пока Джонни Хайд, наконец, не рухнул на софу с угасшей улыбкой.

Тогда он попросил:

– А теперь попытайся, не заикаясь, произнести короткую фразу: «Я согласна через месяц выйти замуж за Джонни Хайда».

– Я... Я... Я не нуждаюсь ни в ком, чтобы стать звездой.

* * *

Лестер Коуэн не отвечал на ежедневные звонки Мэрилин после ее возвращения из поездки с рекламой «Счастливой любви». Не верила она и

обещаниям, которыми ее приманивал Джонни Хайд. Она слушала его с безразличием, раздражением или посмеиваясь. И не хвастливый и беспокойный Джонни Хайд вывел ее на верный путь к карьере в кино, а просто случай, случай – бог, о котором Чарли Чаплин писал в «Мемуарах»: «Несмотря на все свои удачи, я считаю, что и удачи и неудачи обрушиваются на человека случайно».

Это произошло в один из октябрьских дней 1949 года.

В зале «Метро – Голдвин – Майер» просматривали актерские пробы новичков, сделанные на «РКО», – иногда киностудии обмениваются актерскими пробами. В их числе оказался давным-давно снятый немой эпизод с Мэрилин. Каким образом эта проба попала сюда, – непонятно, но тем не менее ее просмотрели на «Метро».

Мэрилин в цвете понравилась одной из представительниц «Метро» Лусил Раймэн. Она навела справки и выяснила, что интересы Мэрилин представляет Джонни Хайд, рыцарь будущих кинозвезд.

Голливудские деятели так иступленно злоупотребляли словом «талант», что ориентироваться в этой сфере коммерческого раздувания ценностей очень трудно. Поэтому, когда Лусил Раймэн заявила Мэрилин, что находит ее талантливой, та разревелась.

– Мне кажется, я никогда не снимусь ни в одном даже самом дешевеньком фильме. Кино – это ловушка, придуманная мужчинами, чтобы заманивать женщин.

– А вы не попадайтесь, – сказала Лусил Раймэн. – Если что-нибудь не так, позвоните мне.

И когда Лусил Раймэн на этих словах рассталась с ней, в памяти Мэрилин всплыло далекое воспоминание. Она вспомнила о своем побеге из приюта. Когда ее привели обратно, она ожидала побоев, а директриса вместо того, чтобы отчитать и побить ее, обошлась с нею, как родная мать, попудрила ей нос и сказала, что Норма красивая и не должна ничего бояться. Лусил Раймэн тоже проявила к ней расположение. Ничего особенного, но Мэрилин была вне себя

от счастья.

Значит, стоит вам зайти в тупик, как появляется человек, который протягивает вам руку, чтобы вывести из него!

Отныне у нее была лишь одна мысль: ей хотелось видеть Лусил Раймэн, чем-то привлечь ее, упрочить ее расположение. Положив руку на телефон, она поглаживала трубку, подыскивая подходящий предлог, придумывая какую-нибудь ложь, чтобы не сказать прямо: «Мне нужна ваша любовь – вот и все». Сделать такое признание так же трудно, как голодному попросить хлеба и чашку чая. Но ведь Лусил сказала на прощание: «Если что-нибудь не так, позвоните мне». Люди приходят к вам только тогда, когда «что-нибудь не так»!

Вечером, укутываясь в махровый халатик, Мэрилин вдруг почувствовала, что ее охватывает страх. Надо скорее позвонить, пока рука, а за ней и плечо не угодили в пасть дикого зверя. Она схватила ножницы и, торопясь, кое-как, стуча зубами от страха, тяжело дыша, прорезала в шторе дыру... Потом позвонила Лусил и сказала, что ей надо тотчас же ее видеть. Она говорила таким прерывающимся голосом, что Лусил немедленно явилась. Мэрилин показала ей дыру в шторе. Она сказала, что за ней подглядывает мужчина, и она не знает, сообщить ли ей в полицию. Ей жутко. Лусил Раймэн передалась ее паника.

– Вам лучше всего перебраться ко мне, – сказала она Мэрилин.

Мэрилин облегченно вздохнула – она и мечтать не могла о подобном счастье. В тот же вечер она поселилась у Лусил, словно дитя, вновь обретшее мать. Она разом получила и жилье, и трехразовое питание, и даже карманные деньги – сто долларов в месяц, и ей уже не нужно было раздеваться перед фотографами, чтобы заработать деньги. Теперь благодаря Лусил все виделось ей в лучшем свете. Калифорния наконец становилась тем штатом солнца, который восхваляли все рекламные щиты. Принимать позы перед зеркалом было уже не необходимостью, а просто констатацией гармонии вещей.

Но вот однажды вечером Лусил Раймэн сообщила новость:

– Немедленно позвоните своему агенту – Хастон ищет для нового фильма

блондинку.

И тут Мэрилин почувствовала, что падает с небес на землю. Надо было снова висеть на телефоне, возобновлять военные действия. Но разве могла она поведать Лусил Раймэн правду, откровенно сказать ей, что никуда не хочет переезжать, что ее не интересует больше работа в кино, что она счастлива и, уж если человек распахнул для нее двери своего дома, ей незачем больше бегать в поисках семейного очага.

* * *

Артур Хастон Хорнблау-младший ждал Хайда и Мэрилин у себя в кабинете. Хастон был худощавым мужчиной высокого роста.

Он молча, сердитым придирчивым взглядом раздевал тоненькую, изящную Мэрилин в облегающем черном платье.

– Вы умеете танцевать? Она кивнула.

– Почему вы хотите сделать карьеру?

– Почему вы хотите сделать фильм?

Лицо Хастона повеселело. Он сказал, что назовет свой фильм «Асфальтовые джунгли». Она сыграет, в нем подружку адвоката, занимающегося темными делишками. Потом Хастон снова стал агрессивным. Он задал Мэрилин грубый вопрос:

– Если бы вы сломали ногу, о чем бы вы пожалели в первую очередь?

– Что уже не смогу дать вам пинка, мистер Хастон.

Хастон рассмеялся, оскалившись, словно шакал, и почесал шею через расстегнутый ворот. Он неизменно ходил в рубашке нараспашку и вельветовых брюках. В его особняке на Беверли Хиллз ему составляли компанию лишь две огромные мартышки в клетке. Люди внушали ему такой ужас, что он выходил из дому только для того, чтобы готовить и ставить очередной фильм. Потрясая перед носом Мэрилин сценарием, он заявил:

– Я хочу, чтобы вы ознакомились с фильмом в целом, а не только ее своей ролью. В фильме вас зовут Анджела! Привет, Анджела!

Она вышла из кабинета вместе с Хайдом, который потащил ее в ресторанчик для влюбленных на Вашингтонском бульваре. Столики тут освещались свечами.

– Ну как, на этот раз решено? Мы поженимся сразу после съемок? – спросил Хайд.

Мэрилин учила роль, растянувшись на диване. В сущности учить было нечего. Все оказалось именно так, как она и предвидела: Анджела была доступной девицей, потаскушкой. Ей нечего было показать, кроме красивой фигуры.

Когда Мэрилин вторично явилась с Хастону в Калвер-сити, на студию «Метро», тот играл со шторой, словно с игрушечной гильотиной. Хорнблау беспричинно улыбался. Джонни Хайд мечтательно выводил, как ей казалось, воображаемую дату свадьбы пальцем то по стене, то по спинке стула. Мэрилин прижала к груди раскрытый сценарий, словно шла к алтарю для первого причастия.

Она искала глазами диван прежде всего потому, что дрожала от страха, и еще потому, что ее Анджела, где бы она ни находилась, всегда искала место, чтобы поудобнее растянуться. И вот, поскольку дивана в кабинете не оказалось, она бросила на мужчин растерянный взгляд и спросила:

– Разрешите?

И так же просто, как берут стул, чтобы сесть, она разлеглась на паркете. Сбросила туфли и начала декламировать текст своей роли. Ей казалось, что она сама находит реплики, что она и есть Анджела. Мужчины в смущении отводили взоры.

– Ну, хорошо, хватит, – оборвал ее Хастон. – Роль ваша.

* * *

Премьера «Асфальтовых джунглей» состоялась весной 1950 года в Вествуд Виллидже. Появление на экране блондинки в шелковой пижаме было встречено рукоплесканиями. Но ее имя не было написано крупными буквами,

Джонни Хайд заявил Мэрилин, что на сей раз он вырвет у «Метро» выгодный для нее контракт. Однако ни у «Метро», ни на другой студии контракта он так и не добился. Продюсеры качали головой. Одной сексуальной блондинкой больше, одной меньше? В Голливуде их и без того хватает.

В то время Джозеф Манкиевич готовил для Дэррила Занука фильм с рабочим названием «Все о Еве». Он как раз искал на эпизодическую роль кокетливую и сексуальную блондинку. Он смотрел «Асфальтовые джунгли». Мисс Кэсуэлл – роль, которую надо было исполнить, – была сродни Анджеле. Он позвонил Джонни Хайду и договорился с ним пригласить его блондинку, игравшую Анджелу. Мэрилин предстояло появиться всего лишь в двух эпизодах «Евы». Речь снова шла – как и всегда – о надуманном образе. В такие образы Мэрилин вживалась смело, с каким-то патологическим энтузиазмом. А между тем он вовсе не соответствовал ее характеру.

В первом эпизоде она появляется на нижних ступенях лестницы с оголенными плечами в слишком декольтированном, облегающем фигуру белом атласном платье. Она почти не участвует в диалоге, а то, что говорит, банально. «Можно я возьму бокал?» – реплика, которой обычно характеризуют штампованный отрицательный персонаж в той среде, где принята светская любезность. Во втором эпизоде она – актриса-дебютантка – проходит пробу. Ее тошнит, и по лицу ее видно, что это вовсе не перепуганная актриса, а потаскушка, не знающая, как скрыть такую неприятность.

Словом, это была такая же посредственная роль, как и в фильме Хастона. В обоих случаях она волновалась из-за ничего. Она отдавалась своей роли, как будто отдавала Богу душу. Она вкладывала в нее горячность, пафос, который можно было принять за страдание, но не наигранное, а естественное, подсмотренное телеобъективом, точно так же, как при съемках где-нибудь в пустыне объектив следит за предсмертной агонией дикого зверя.

И зрители увидели приоткрытый рот, приспущенные веки, почти скрывающие взор, и восприняли это как признаки сладострастия, тогда как вероятнее всего это было признаком постепенно нарастающей асфиксии.

Чрезмерная экзальтация и смертельные болезни лепят сходные маски.

Во время съемок фильма «Все о Еве» у Мэрилин произошла странная встреча. В перерыве она болтала с молодым актером Камероном Митчелом, игравшим на Бродвее одного из персонажей пьесы Артура Миллера «Смерть коммивояжера». Мэрилин была в пушистом свитере, облегающем и обрисовывающем ее формы, и волочила за собой горжетку из лисы. Изнемогая от усталости, словно умирая, она ждала момента, когда работа возобновится, чтобы воскреснуть и вскочить на ноги. –Кем бы вы стали, если бы не были актрисой?

– Психиатром.

– Очень странно! – сказал Камерон. – А вы таскаетесь с этой горжеткой!..

– Если знаешь о себе, кто ты на самом деле, это украшает лучше всякой горжетки.

– Вы много читаете?

– Да, я хочу разделаться с сидящим во мне зверем и обращаюсь с ним, как с этой лисой, хотя она и согревает меня в прохладные вечера.

По дороге в столовую Камерон увидел, что Мэрилин замерла на месте. Казалось, она близка к обмороку. Она взяла его за руку, и он посмотрел в ту сторону, куда был устремлен ее взгляд. Указав ему на двух мужчин, которые о чем-то спорили, прислонившись к стене, Мэрилин, заикаясь, спросила, кто они такие. Один был высокого роста, в очках, тощий, с липом ящерицы. Она сразу вспомнила Картера и, похоже, снова ощутила прилив нежных чувств. Высокий стоял почти спокойно, тогда как его собеседник – маленький, нервный – возбужденно размахивал руками.

– Я их знаю – сказал Камерон. – Маленький – это режиссер Элиа Казан. А высокий – Артур Миллер.

– Он очень похож на Авраама Линкольна, – сказала Мэрилин.

– Пожалуй. Я могу вас познакомить, – предложил Камерон.

Она расплакалась – беззвучно, застыв на месте. Она оплакивала худобу этого человека, его очки, из-за которых взгляд казался невыразительным и

бесцветным. Этот человек всегда казался грустным, робким и незаметным, быть может, потому так и привлекал к себе его быстрый взгляд, взгляд ящерицы, бесстрастно заглатывающей свои крошечные жертвы живьем. «Писатель должен быть именно таким, потому что он наблюдает, фиксирует», – сказала она громко. И тут же загадочно добавила: «Он все понимает».

Поскольку ей надо было объяснить свои слезы, сразу после церемонии представления она объявила, что у нее недавно умерла очень близкая подруга и на ее эмоции не стоит обращать внимания.

МУЖЧИНА С БИТОЙ

С этого времени в комнате Мэрилин появилась фотография Артура Миллера, переснятая из газеты и увеличенная. Увидев фотографию. Хайд приписал это интеллектуальному снобизму Мэрилин.

Мэрилин афишировала своих любимых авторов, и Миллера – так же, как Достоевского или Шекспира. Она постоянно говорила о своих любимых писателях. Единственную роль, которую она действительно хотела сыграть, – это одну из героинь романа Достоевского. В надежде получить ее согласие на брак Хайд тщетно хлопотал об уже давнишнем проекте «Метро» – экранизировать «Братьев Карамазовых». Но в Голливуде тысячи проектов рождаются ко всеобщему восторгу и проваливаются при всеобщем безразличии.

И вот Хайд, потеряв голову, стал посылать к Мэрилин своих знакомых с вестью о том, что ему очень плохо. Он хотел заставить ее уступить *in extremis*¹. Он прибег к давно ей известному аргументу: «Будьте моей. Я долго не протяну. И все мое состояние перейдет к вам. Вы смените «Шваба» на «Трокадеро». В «Трокадеро» собирались люди преуспевшие. А закусочную Шваба, у которого завсегда были люди безнадёжные и безвестные, шутки ради прозвали «Швабадеро», Но Мэрилин ничего не хотела от Хайда. Ее богатством теперь

¹ В последний момент (лат.)

был портрет Артура Миллера, вставленный в блестящую рамку. Отныне свои жетончики для автомата она расходовала на звонки в Бруклин Хейтс, где жил Миллер.

В декабре 1950 года, когда Джонни Хайд томился под солнцем Пальм Спринте, сетуя на то, что Мэрилин тянет с решением, его срочно поместили в клинику «Ливанские кедры». В течение трех дней, которые он там пролежал, прежде чем его жизнь угасла, он продолжал засыпать Мэрилин посланиями одинакового содержания: «Я долго не протяну. Выходите за меня замуж».

Мэрилин даже и не заметила, что со смертью Джонни Хайда она потеряла миллион долларов. Теперь она владела чем-то значительно большим: мечтой о человеке, по-отечески скупно улыбающемся с портрета, висевшего возле ее кровати.

Ей было двадцать пять, и она все еще грызла сэндвичи на табурете в «Швабадеро».

Что делала она целыми днями? Ждала телефонного звонка мужчины с портрета.

Она спала теперь на полу, опасаясь, как бы не упасть ночью с кровати. Она раскрасила стены в разные цвета – во время бессонницы ей казалось, что она не различает двери в этом сером пространстве, куда заточена безо всякой возможности выбраться отсюда. Она убегала на открытую ветру автостраду вдоль побережья Тихого океана, но и это ничуть не успокаивало ее мозг, разгоряченный навязчивой идеей. Она пыталась безо всякой необходимости выучить наизусть пьесу «Смерть коммивояжера». Теперь на вопрос, с кем она знакома, она выпаливала: с Толстым, Достоевским, Вулфом, Миллером. Иногда она добавляла к этому списку Джерри Льюиса. Она выводила на зеркале губной помадой изречения, которые либо вычитала, либо придумала: «Не ждать большего, чем можно достичь». Или: «Не волноваться, а волновать». И когда она одевалась перед зеркалом, афоризмы проступали на ее отображении, они были важнее для ее жизни, чем фигура, линии ее тела.

С тех пор как она встретила Артура Миллера, она не переставала мечтать

о прекрасной роли, написанной для нее настоящим писателем. Писатель представлялся ей целителем и вдохновителем людей. Она относилась к большому писателю с благоговейным чувством. Существует два разряда книг: книги, которые отягощают вам руки и не будят сердце, будто роешь землю, не находя ни зерна, ни клада, и редкие, настоящие книги, в которых чувствуется биение жизни. Это книги о людях, книги, возвышающие вас, и, даже когда они трагичны, они заставляют вас слышать журчание ручейка.

После встречи с Миллером Мэрилин говорила с ним по телефону только два или три раза. Он сказал, что занят очень важной работой. Она послушно ждала, пока он закончит. Проснувшись поутру, она даже не упражнялась с гантелями, лежавшими рядом с кроватью. Она ждала чудесного звонка, как, бывало, звонка Говарда Хьюза, потом звонков Каргера. Зная номер телефона Артура Миллера, она чувствовала себя обладательницей сказочного «Сезам, откройся!», открывающего ей доступ к чудесам жизни.

В связи с предстоящей работой над сценарием картины «На водном фронте», в которой предполагалось показать банду гангстеров, орудующих в доках Бруклина и эксплуатирующих докеров, Миллер объявился на студиях.

Язвительное выражение лица, как бы уведомлявшее, что ему уже невозможно причинить боль, потому что его длинное тело давно обескровлено, удивило Мэрилин, а не оттолкнуло. Хотя он был женат и имел двоих детей, сущность его жизни составляло только творчество.

Двенадцать лет назад Артур Миллер женился на Мэри Слаттери, бывшей тогда студенткой и издательским корректором, – его устраивало, что, поскольку жена работала, «он мог спокойно заниматься своей литературой». Самым счастливым периодом жизни Миллера были кризисные тридцатые годы, когда за доллар в день можно было жить в университете под видом нерадивого студента. Он работал как одержимый и писал по пьесе в месяц и вот наконец написал «Все мои сыновья» и «Смерть коммивояжера» – произведения, удачно построенные, насыщенные содержанием, крепкие.

Он дал свой телефон незнакомке, не придавая этому значения. Потому

что с утра до вечера его занимали только вымышленные персонажи. Он избегал женщин, чтобы не утратить душевного равновесия. Бывало, Мэри Слаттери подсовывала ему под дверь записочки, чтобы узнать, когда он выйдет из своей комнаты. Артур Миллер считал, что он посвящает Мэри в свою жизнь: ведь он читал ей каждую написанную страницу. Но этим чтением вслух ограничивался весь его интерес к жизни и личности своей жены.

Как могла Мэрилин догадаться, что Миллер, портрет которого она повесила в спальне, жил в мире своих вымышленных персонажей! Думал только о них, и если он допускал, чтобы ему звонила малознакомая блондинка вроде нее, то лишь забавы ради. Это приятно ласкало слух и давало мимолетное ободряющее ощущение жизни.

* * *

В этот период на вопрос, что она делает, Мэрилин отвечала: «Жду ответа». Думали, что она говорила о киностудиях, но в мыслях у нее был Бруклин Хейтс.

Под чужим и звучным именем Мэрилин оставалась завсегдаем «Швабадеро», грызущим на высоком табурете сандвичи. Листая киножурналы, она время от времени со вздохом вопрошала: «Когда же тут напишут про меня?»

А потом началась война в Корее, и, как обычно при отправке «парней» в далекий край, потребовалось огромное количество фотографий, несколько фривольных, какие прикалывают к стене в казарме. Именно война спасла Мэрилин от тягости ожидания, граничившего с разрушением – медленным, но верным.

Выпуск фривольных фотографий, распространенный в Лос-Анджелесе и в обычные годы, с началом войны в Корее сразу стал поистине массовым. Любовь шагает в ногу со смертью – воображаемая любовь и реальная смерть. Женщина всегда была важным элементом при изготовлении патриотического снадобья. «Девушка на фотографии» щекочет нервы, а если надоест, от нее

легко избавиться; она все позволяет и ничего не требует. За нее уплачено раз и навсегда. Она не требует ежедневного вознаграждения.

И Мэрилин повезло: сама того не ведая, она получилась на таком фото эффектнее любой другой. На фото ее тело словно тянулось к вам, замирало под вашими пальцами. Можно было принять за любовный экстаз то, что на самом деле свидетельствовало о страдающей душе, будто это была фотография не привлекательной натурщицы, а девушки, на которую кто-то посягает.

Отделы писем на киностудиях вели еженедельный учет спроса на фотографии больших и малых звезд. В конце 1951 года «XX век – Фокс» получала тысячи писем, запрашивающих фото Мэрилин.

Дэррил Занук подумал было, что данные подтасованы ее поклонниками, и приказал представить ему точные сведения. Но вскоре после этого на приеме, устроенном для директоров кинотеатров, когда в зале, где находились Тайрон Пауэр, Ричард Уидмарк, Энн Бэкстер, Джун Хэйвер, появилась Мэрилин, ее сразу же окружили толпы людей. Молодая женщина стала знаменитой по фотографиям, не став еще ничем в кино. Она приобрела известность своими прозрачными пеньюарами, развевающимися на ветру волосами, приоткрытым ртом. Все спрашивали, в каком фильме она собирается сниматься, а она отвечала, что ей никто ничего не предлагает. Кончилось тем, что слухи о мисс Монро дошли до Спироса Скураса – главного босса «Фокс», и он осведомился, в каком фильме она будет играть. Ему ответили, что ни мистер Занук, ни мистер Шенк для нее ничего не предусмотрели. И тогда Скурас распорядился, чтобы «сексуальную блондинку Мэрилин Монро» ввели в фильмы, находящиеся на производстве. «И как вы могли до этого обходиться без столь волнующей актрисы?»

Занук велел ответить, что у Мэрилин Монро нет актерских данных и сделать из нее кинозвезду невозможно. Хотя «Фокс» и возобновила на семь лет контракт с агентством «Уильям Моррис», не оставляя Мэрилин Монро совсем без внимания, дает ей крошечные роли – так называемые выходы, но ее большая популярность объясняется только тем, что она известна как

фотомодель.

Мэрилин появлялась на вечеринках в Голливуде не как актриса или обычная женщина, а как сексуальная приманка, фотомодель для шаржированных автопортретов. Она столько раз повторяла, что «служит только для забавы», она не настоящая, а подделка, что это привело ее к утрате себя. Она проходила по студии без чулок, с развевающимися волосами под шумные приветственные оклики сотрудников. Одно ее появление порой вызывало у других женщин ощущение, что им нанесено оскорбление. В самом деле, она распространяла сексуальное возбуждение, запах будуара. Журнал «Кольерс» опубликовал о ней статью, озаглавленную «Фотомодель образца 1951 года в Голливуде».

Такой ее и показали в фильмах «Верните мне мою жену», «Гнездышко любви» и «Давай поженимся», где она появлялась исключительно в купальном костюме, теннисных шортах или в вечернем туалете, слишком декольтированном.

Занук совершенно не представлял ее себе в другом амплуа. Надо сказать также, что Мэрилин никогда не упускала случая заявить, что ничего другого и не умеет и при ее ужасном дефекте речи ей остается одно – предоставить говорить телу. А тело ее было достаточно выразительно, чтобы заинтересовать широкого зрителя.

* * *

Сидней Скольски, журналист, постоянно торчавший у «Шваба», чтобы собирать сплетни о жизни «звездочек» и о кинодеятелях, прослышал, что продюсер Джерри Уолд ищет блондинку для фильма Фрица Ланга «Демон просыпается ночью»². Ланг хотел экранизировать пьесу Клиффорда Одетса, которая в 1941 году провалилась после первых же представлений на Бродвее.

Скольски рассказал Джерри Уолду о некой Мэрилин Монро, женские прелести которой неподдельны. Уолд тут же позвонил агенту «Фокс»,

² В прокатном варианте «Ночная стычка»

упрашивая его уступить ему сексуальную блондинку. Ее уступили на три съемочные недели за три тысячи долларов. Такая скромная компенсация за «кинозвездочку» убедила Уолда, что речь идет об уцененном товаре, за который его владельцы не рассчитывают получить хорошие деньги.

Джерри Уолд, в прошлом мелкий служащий одной телефонной компании, мог без устали болтать на любую тему. Добиться высокого положения в кинопромышленности ему помогло его краснбайство. Это был всезнайка, привратник, занявший господские покои исключительно благодаря словесной виртуозности.

Джерри Уолд предложил Мэрилин встретиться в ресторане. Разумеется, она пришла с опозданием. Ей было двадцать пять, но в белой кофточке и в клетчатых брючках, с алой розой на груди она выглядела лет на шестнадцать.

Уолд, ничуть не смущенный подобным маскарадом, объявил ей, что ее имя будет стоять в шапке до названия фильма рядом с именами трех знаменитых актеров – Барбары Стэнвик, Роберта Райана и Пола Дугласа.

Все трое – ветераны кинематографа – восприняли это известие с кислой миной. Они страшились совсем юной незнакомки, как войны. Но когда Уолд представил им Мэрилин, они явно успокоились. В самом деле, им говорили о блистательной, волнующей блондинке, а увидели они лепечущего подростка с растерянным взглядом. Их новая партнерша была скромна, боязлива, смущенно потупляла взор.

В пьесе Клиффорда Одетса роли для нее, по сути, не было. Сценаристы ввели ее по приказу продюсера, который хотел привлечь в кино молодежь, так как в это время телевидение уже стало отвлекать зрителей от кинотеатров. И вот на съемочной площадке вокруг Мэрилин Монро собрались операторы. Признанные актеры, подававшие ей реплики, испытывали горестное изумление. Дуглас, кажется, даже вскричал по этому поводу: «Она же самая обычная потаскушка, эта блондинка!»

К тому же зачем ей стараться растрогать всех рассказами о своем сиротстве? Это удивляло красивую Барбару Стэнвик. Несчастья, которые

Мэрилин испытывала в детстве? Нашла о чем говорить! Мать Барбары, беременную пятым ребенком, пьяный столкнул с трамвайной площадки, – ее зарезало насмерть. Отец, обезумев от горя, бежал из Америки на строительство Панамского канала. Своих четверых дочек он рассовал по приютам. Сколотив немного денег, он возвращался на родину, но в пути умер на корабле. Его опустили в пучину Карибского моря. Неизвестная танцовщица Барбара медленно взбиралась по ступенькам, прежде чем стать известной актрисой. Она никогда не рассказывала журналистам о своем тяжелом детстве.

И еще эта страшила Наташа Лайтес с ее позами индусского идола, которая оккупировала съемочную площадку. Подобно укротителю, знаками руководящему животным на расстоянии, Лайтес непрестанно обращалась с Мэрилин, кивая головой в знак одобрения или выражения недовольства.

Если Фриц Ланг закончил сцену, которой был доволен, то Мэрилин, перехватив у Лайтес знак неодобрения, требовала пересъемки – до тех пор, пока не заслуживала похвалу укротительницы.

Раздраженный Ланг потребовал, чтобы Лайтес выдворили с площадки. Мэрилин была в истерике, она заявила, что при таких обстоятельствах сниматься больше не станет. Уолд выступил посредником. Он добился, чтобы Наташа Лайтес осталась на площадке, но при условии, что она прекратит подавать Мэрилин знаки.

Мэрилин, исполняющая роль служащей фабрики рыбных консервов, вопреки всякому правдоподобию, не переставала демонстрировать купальные костюмы, облегающие свитера и обтягивающие брючки.

Несмотря на ничтожность фильма «Демон просыпается ночью» и никчемность персонажа, который она воплощала, но благодаря своим купальникам, свитерам и брючкам Мэрилин наконец получила у «Фокс» главную роль в фильме.

Она должна была играть в облегающей фигуру белой блузке сумасшедшую гувернантку, которая жила в нью-йоркском отеле с крошечным ребенком. Она хотела убить младенца, потому что вдруг приняла за его отца

летчика рейсового самолета, жившего в этом отеле во время отпуска. Хилые зародыши сценария, скрещенные с дешевым психоанализом, стали в крови Мэрилин фильтрующимся вирусом. Она уже больше не была сексуальной блондинкой. Она была больной, страдающей манией разрушения.

Постановщику Рою Бэйкеру не удалось преодолеть скованность исполнительницы главной роли. Она казалась парализованной. «Мне до того страшно, – говорила Мэрилин, – что кажется, будто у меня обе ноги левые». Этот кошмар, казалось ей, каким-то таинственным образом связан с ее жизнью. Похоже, она только и ждала, когда ее присутствие станет ненужным и она сможет покинуть съемочную площадку, как покинула бы и саму жизнь. И если прежде она бесила Фрица Ланга своими требованиями, как капризный ребенок, «еще хоть одну фразу, пожалуйста...», то теперь она не могла справиться с диалогом. Она с удовольствием согласилась бы остаться вовсе бессловесной.

10 марта 1952 года, когда фильм заканчивался и Мэрилин уже написала прощальные письма Наташе Лайтес и Артуру Миллеру, окончательно решив, что не вынесет провала фильма, не удавшегося из-за ее болезненной робости, ее вызвали в дирекцию «Фокс».

– Вы знаете, что загубили этот фильм, – сказали ей, не успела она переступить порог дирекции.

– Да, – призналась она, – я в этом фильме ничего не стою, и все-таки это моя первая роль героини.

– Нет, здесь вы получились чуть лучше, чем прежде. Зато на некоем календаре...

Тут она, побледнев, опустилась в кресло. Она не чувствовала себя вправе жить. Она похитила имя у одного из президентов Соединенных Штатов. Студийный швейцар не поздоровался с нею. Поставив у ног большую сумку, где лежали ее косметические принадлежности и пеньюар, она слушала приговор, произносимый сидевшим напротив мужчиной.

– Сейчас, – говорил он, – вас можно увидеть совершенно обнаженной в любом гараже. Одна журналистка предупредила нас о скандале. Вас опознали.

Ее собеседник швырнул на письменный стол календарь. Он был в ходу с первого января 1952 года.

Ее тело принесло пятьдесят долларов Мэрилин и миллион долларов тому, кто издал календарь. Джерри Уолда, готовившего к прокату фильм Фрица Ланга с участием Мэрилин Монро, стали шантажировать. Однако Норман Красна, один из продюсеров фильма, заявил: «Вы считаете, что этот календарь нас разорит? Я думаю, совсем наоборот. Этот скандальный календарь сделает из мисс Монро кинозвезду! Пусть себе его распродают, и не отрицайте, что она позировала для него, а трубите об этом на всех перекрестках! Этот календарь сработает на нас»

Перри Либеру, руководившему рекламой «РКО», было поручено распространить новость: актриса на роль героини картины Фрица Ланга несколько лет назад позировала обнаженной, «чтобы уплатить за квартиру».

Так через посредство «Юнайтед пресс» 13 марта 1952 года Америка узнала хорошую новость: Мэрилин только что родилась для славы – обнаженная, наивная, как дитя, которое позирует, чтобы порадовать родителей.

* * *

Под изображением Мэрилин на календаре стояла подпись «Золотая мечта». Теперь ей постоянно звонили, она получала тысячу брачных предложений в неделю, а от предлагавших свои услуги незнакомых «отцов» и «матерей» не было отбоя. То были мошенники, искавшие, где бы пожить. Но Мэрилин с неотступно следовавшей за ней Наташей Лайтес, теперь уже гордившейся своим покровительством кинозвезде, торопилась на эти бессмысленные свидания в надежде найти среди проходимцев своих настоящих родителей. Так вот что такое успех: чек на крупную сумму, с которым не знаешь, что делать – есть и пить тебе больше не хочется, и преследования толпы безумцев. «Отцы» и «матери» объявлялись во всех концах Америки в таком количестве, что этими косноязычными и наглыми самозванцами можно было заселить несколько небоскребов. Кто был очередным отцом? Выходец из

Северной Европы, немец, итальянец или задрапировавшийся в конституцию американец? Работал ли он в закусочной, гараже или в вертепе стриптиза под названием «Поднять паруса», должно быть из уважения к предкам-пионерам!

В ту весну 1952 года все слои общества кишели мнимыми родителями Мэрилин Монро.

Психиатрические больницы Лос-Анджелеса были переполнены душевнобольными, выдававшими себя не за Наполеона, Линкольна или Аль Капоне, а за матерей, отцов, братьев и сестер популярных кинозвезд. Этой весной у сироты Нормы Джин Бейкер, известной под именем Мэрилин Монро, были на этих крошечных территориях за глухими заборами сотни «матерей» и «отцов», «братьев» и «сестер», которые настойчиво звали ее, громко крича и испуская страшные стоны.

* * *

Мэрилин переехала, по-прежнему одна, со своими книгами и килограммами косметики, в новый дом на Беверли Хиллз – холмы славы, где жили только кинозвезды и где свежий ветер смягчал тлетворную тропическую жару и разгонял фабричные газы, которыми дышали люди во всех других районах Лос-Анджелеса; он находился на Догени драйв.

Мэрилин познакомилась с Дэвидом Маршем, агентом по продаже недвижимости, который преследовал ее, предлагая квартиры. Теперь она стала непоседой и была готова переезжать каждую неделю. Так ей казалось, что она постоянно на людях и вовсе не одинока. Но внутренний мрак переселялся вместе с нею, преследовал ее повсюду.

И вот она переехала в апартаменты отеля «Бел Эйр», окна ее комнаты выходили в сад, устроенный террасой. «Фокс» пригласила ее сниматься в фильме «Дорогая, я чувствую себя помолодевшим», но во время съемок первого эпизода у нее поднялась температура и ее отвезли в карете скорой помощи в клинику «Ливанские кедры». Думали, что это аппендицит или кишечное заболевание, но она жаловалась на столько недомоганий, что

поставить точный диагноз было невозможно.

На самом же деле она страдала от бесцельности существования. Она чувствовала себя одинокой и беспомощной. Случалось, она приглашала агента по недвижимости поужинать с нею, «чтобы узнать, не может ли он предложить ей другую квартиру». Ни с кем больше она не зналась.

Однажды Марш решил представить ей одного из своих друзей, жаждавшего познакомиться с нею. Это был Джо Ди Маджио, бейсболист, человек столь же известный, как и президент Соединенных Штатов. Она согласилась – не потому, что представляла, о ком идет речь, или интересовалась бейсболом, а просто чтобы доставить удовольствие своему агенту.

Джо Ди Маджио пришел в итальянский ресторан «Вилла нова» на Сансет-Стрип первым. Он был в прекрасном настроении. Его покорила фотография Мэрилин в кофточке из джерси и каскетке бейсболиста. Приоткрыв рот, она размахивала битой так, словно отбивала не мяч, а бросала в толпу свое сердце.

Мэрилин не любила посещать рестораны. Она питалась тертой морковью, сырыми яйцами и кипяченым молоком. Джо Ди Маджио заказал вина. Он чувствовал, что его сердцу так же тесно в груди, как ногам в обуви сорок седьмого размера. Он то и дело поглядывал на автостоянку – не удрать ли? С потолка свисали бутылки кьянти. Тут были интимные уголки, неизвестно откуда доносились таинственные звуки музыки.

Наконец пришел агент по недвижимому имуществу с какой-то неизвестной актрисой. Ди Маджио, разгоряченный охлажденным вермутом, встретил их радостной улыбкой. Поняв, что ошибся, и прождав больше часа, он, вытягивая длинные ноги, трагически заявил: «Монро не придет...» «Не беспокойся, – сказал Марш, – она наряжается». Ди Маджио изобразил улыбку и принялся трясти бокал, словно стаканчик с игральными костями.

В конце концов, с опозданием на два часа явилась Мэрилин. На ней был голубой костюм и белая шелковая блузка. Она уселась с таким видом, как

будто страшно утомлена, потом одарила всех вокруг детской улыбкой и глубоко вздохнула.

– Я очень счастлив, что вы сегодня с нами, – встав, заявил Ди Маджио церемонным и одновременно подавленным голосом.

Потом он оробел и замолчал. Весь вечер он таращил глаза на Мэрилин и молча качал головой. Он орудовал вилкой и ножом с предосторожностями хирурга. Когда подносили очередное блюдо, он рассыпался в благодарностях. Смущенная такой робостью, Мэрилин не отрывала глаз от галстука Ди Маджио. Она искала тему для разговора, считая и пересчитывая на нем белые горошинки в надежде досчитаться до волшебного числа.

Наконец, чтобы рассеять ужасную атмосферу, она вдруг объявила каким-то пронзительным голосом:

– На узле вашего галстука только одна горошинка. Вы сделали это нарочно?

– Ну что вы, – ответил Маджио, радуясь, что ему бросили спасательный круг, – это получилось у меня совершенно случайно.

* * *

Джо Ди Маджио звонил Мэрилин ежедневно под тем предлогом, что хочет показать ей свои спортивные трофеи. Она отклоняла его приглашения. Он развелся с актрисой, от которой имел сына. После очередного безрезультатного звонка он чертыхнулся и повесил трубку. Больше никаких признаков жизни он не подавал.

Такую же шутку сыграл с Мэрилин Артур Миллер. Однажды он грубо швырнул трубку, попросив оставить его в покое. Он творил и остерегался всякого волнения – женщин, вина, друзей – всего, что могло привести его к разбазариванию слов.

Напрасно Мэрилин колесила по Лос-Анджелесу среди улыбчивых негров, морщинистых фермеров, мнимых ковбоев, теребящих свои широкополые шляпы, и крикливых школьников, виснувших на серых автобусах. Она ездила по

дорогам, ведущим в пустыню, их окаймляли причудливые кактусы или же скалы с высохшей на солнце растительностью. Ни малейшего ветерка, который бы рассеял хлопковые облака. Америка представляла здесь не что иное, как длинный ряд пустынь, бензозаправочных колонок, оптовых рынков и нагромождение календарей с голыми женщинами. Лос-Анджелес не создавал впечатления города, где живут люди, он напоминал скорее серию декораций тошнотворной, скучной Европы и слащавого Востока. Английские замки, полинезийские рестораны, мавританские особняки, индусские храмы и полярные иглу – вплоть до футуристических фонтанов – ни одного свежего веяния, никакого желания жить...

Бывало так, что, повиснув на телефоне с раскрытой записной книжкой, Мэрилин звонила всем подряд. Она звонила всему миру, со стоном призывая на помощь. Так, сама не зная почему, она позвонила Джо Ди Маджио.

ДОРОГОЕ ТЕЛО

У Джо Ди Маджио было восемь братьев и сестер, и сам он был предпоследним сыном рыбака, ловившего сельдь в заливе Сан-Франциско. Он жил в старом доме неподалеку от Причала рыбаков. За пятнадцать лет, с 1936 года, он стал профессиональным бейсболистом, чемпионом страны. Но в 1951 голу повредил ногу и ему пришлось распрощаться со спортом. Он уже не зарабатывал больше по сто тысяч долларов в год, но по-прежнему оставался звездой телевидения. У него сохранились альбомы, заполненные фотоснимками победителя, которые он перебирал в минуты сомнений.

Мэрилин заинтересовали рассказы Джо Ди Маджио о его большой семье. Ее привлекал не столько мужчина-атлет с битой, сколько многочисленный улыбчивый выводок семьи рыбака Ди Маджио. Джо Ди Маджио не мог предложить Мэрилин ничего оригинального, разве только автомобильные прогулки на бешеной скорости. В штате солнца изнывали от жары, на пляжах можно было видеть женщин в бюстгальтерах и юбке, а мужчин в рубашках, завязанных узлом на животе. Старые дамы, одетые под девочек, вегетарианцы,

приверженцы йогов, мужчины в белоснежных сапожках и сомбреро, девушки, изящно покашливающие в тумане, пропитанном смогом, отходами промышленности... Они усталым движением снимали обувь, словно собираясь стать на мягкий гипс Сида Граумена. Они жили с одной целью – чтобы о них написали хоть три строчки Хедда Хоппер или Луэлла Парсонс.

Но Мэрилин Монро, сидя рядом с Джо Ди Маджио, не мечтала ни о деньгах, ни об успехе; странное дело, она думала лишь о тех мужчинах, женщинах и детях, которые ожидают Ди Маджио у Причала рыбаков.

– Сколько же, наверное, поцелуев выпадает на вашу долю, когда вы приезжаете домой?

– Да, они обчмокивают мне все щеки! Пока перецелуешься со всей оравой, уходит целых полчаса.

На съемочной площадке фильма «Дорогая, я чувствую себя помолодевшим» Мэрилин сфотографировали вместе с Ди Маджио.

Мэрилин исполнилось двадцать шесть; Джо был старше ее на одиннадцать лет. Встречи актрисы с Джо поощрялись на студии. Они были неплохой рекламой. Подобные идиллии искусно использовались, в особенности когда фильм должен был выйти скоро в прокат. В руках кинодельцов звезда экрана была всего лишь средством наживы.

Они продолжали вместе прогуливаться, и не более того. Завершая трапезу в таверне, Джо бормотал что-нибудь вроде:

– У меня есть приятель по имени Джордж Солотэр; я плачу ему только за то, чтобы он избавлял меня от докучливых женщин.

– Что касается меня, вашему приятелю не придется трудиться, – отвечала Мэрилин.

Очень скоро после знакомства, быть может, недельки через две, они дошли до того, что начали подкалывать друг друга. Это помогало делать их взаимное присутствие более ощутимым. Калифорнийское небо было раскалено от зноя. Камера подкрадывалась к Мэрилин, словно змея. Кран таинственно прогуливался в воздухе. Юпитеры бросали на актеров снопы света. Мэрилин

знала, что стоило какому-нибудь писателю или актеру почувствовать себя несчастным, ему повышали оклад, и он становился еще более несчастным за высокими стенами студий.

Наконец Джо дождался приглашения к Мэрилин в отель «Бел эйр». Сразу же включив телевизор, он уселся перед экраном. Он смотрел телепередачи до ужина, во время его и после. И с одинаковой невозмутимостью слушал последние известия, рекламные объявления, смотрел какой-нибудь вестерн, детектив или внимал речи сенатора. Казалось, телевизор отгораживал его от мира, словно звуковая крепостная стена.

* * *

Первые кадры фильма «Ниагара» показывают спящую Мэрилин. Камера подкрадывается к ней, ищет ее под простыней, подступает буквально к горлу. Это потому, что ее ждет, жаждет, желает вся Америка. Мэрилин не играет. Она лежит в постели. Ее волосы рассыпались по подушке, как у утопленницы.

После подушки, смятых простыней зритель видит голые плечи героини. Мэрилин обладает художественным чутьем: она потребовала, чтобы ее сняли хотя и укрытой, но нагой. Раз надо, так надо. Режиссер Генри Хэтауэй в конце концов согласился, что это необходимо.

В «Ниагаре» нагота женщины терзает мужчину, словно разбушевавшаяся стихия. После сцены в постели, не имеющей параллели в истории кино, прием: похотливая камера нападает на женщину. Она гоняется за ней, применяя акробатические трюки. Мэрилин снимают со спины, показывают от талии до колен. Ее бедра обтянуты красным атласом. Она идет по каменистой дороге к железному мосту. Неровная дорога затрудняет походку, она сильнее виляет бедрами. Наконец слышится угрюмый рев водопадов Ниагары. Чувственное все время сочетается с образом нависающей смерти. Героиня решает убить мужа, который также хочет уничтожить ее. Муж в прошлом солдат, потерявший на войне разум и живущий в постоянном страхе, что его могут обмануть. А на заднем плане – Ниагара, без усталости низвергающая свои грохочущие, грозные,

карающие потоки.

Мэрилин идет танцующей походкой, а за ней по пятам гонится смерть. Наконец-то Америка может полностью отождествить себя с героем картины (актер Джозеф Коттен), солдатом с помутившимся рассудком, который одной рукой обнимает жену, а другой судорожно сжимает револьвер.

Разумеется, Наташа Лайтес оккупировала съемочную площадку, Хэтауэй смирился с тем, что она общается с героиней знаками глухонемых. Не унимался один Занук. Популярность Мэрилин, которую надо было использовать, его бесила. Потрясая сигарой, словно смертоносным лезвием, он браковал одну сцену за другой. Он любил «звездочек» послушных, как пудели, позволяющих кормить себя с ложечки, всегда готовых поверить в басню о Зануке – боге-отце, короле космонавтов, церемониймейстере, творце богинь экрана. Поэтому Мэрилин, отдававшая предпочтение собственным диким фантазиям перед фантазиями продюсера, являла собой, на взгляд этого преуспевающего сына администратора отеля, нечто вроде национальной потаскушки.

Невзирая на протесты сценариста Брекигга и режиссера Хэтауэя, Занук, расвирепев из-за стремлений Мэрилин придать своей роли большую значимость и иных проявлений независимости по отношению к нему, продюсеру, воспринимал все это как личное оскорбление и при монтаже изрядно подсократил сцены с участием Мэрилин. При этом он вырезал лучшие сцены. Американские же кинозрители полюбили Мэрилин Монро и вовсе не требовали, чтобы папаша Занук, восстав ото сна, повел ее в церковь.

Каким нужно будет делать следующий фильм с Мэрилин? Может, просто напосто показывать ее в постели все полтора часа? Публика это примет, но какую придумать причину – столько времени держать героиню в кровати? Роженица?.. Нет, только не это! Зритель предпочитает невинность, даже если она шита белыми нитками, как в некоторых странах Востока. Не держать же ее в постели из-за болезни! А что, может, душевной?! Пожалуй, это подойдет.

Для успеха Мэрилин Монро не нужны ни сценаристы, ни писатели. Надо лишь уложить ее в постель или в ванну. Эта Ниагара ужасно шумит. Поместим

ее в спокойную воду, в шикарную ванну. Вода и Мэрилин, Мэрилин и вода, пока она не захлебнется!

Занук вертел в руках сигару, вздрагивая и дергаясь, словно восточный танцор. Он стряхивал пепел на фотографии белокурой Америки, американки номер один...

В «Ниагару» вложили миллион долларов. В скором времени фильм принесет доход, в шесть раз превышающий затраты. И кукле с неестественной походкой больше не придется ждать славы, приоткрыв рот и оголив коленки.

Теперь Мэрилин обступали на улице, от нее добивались автографа, улыбки, слова. Она притягивала толпу. Именно поэтому Джо Ди Маджио и не мог расстаться с Мэрилин, несмотря на одолевавшее его порой дурное настроение. Мэрилин вернула ему любовь толпы, потерянную им с тех пор, как он повредил ногу.

Мэрилин делалось дурно от криков незнакомых людей, когда ее узнавали. Эти крики не были выражением любви. Скорее то была мрачная ярость, будто эти люди хотели растерзать ее на части. Слава не принесла желанного облегчения, а наоборот, наваливалась на несчастную, словно еще одна кара...

* * *

Для рекламы «Ниагары» решили направить Мэрилин участвовать в конкурсе «Мисс Америка», проходившем ежегодно в Атлантик-Сити. По этому случаю она смогла несколько дней отдохнуть в Нью-Йорке. Она проводила время в ресторане Шора среди спортсменов, приятелей Джо. В своем платье с круглым декольте Мэрилин без стеснения зевала, прикрывая рот пальцами, посреди этого сборища людей с огромными ручищами и челюстями. Ее одолевали телефонные звонки журналистов, предлагавших ужины и встречи. Она принимала приглашения, Джо Ди Маджио доставляло большое удовольствие сопровождать ее, тогда на его долю тоже выпадало несколько комплиментов.

В самолете, доставлявшем Мэрилин в Атлантик-Сити, она надела свое

красное платье с очень глубоким вырезом, то самое, в котором снималась в «Ниагаре». В аэропорту ее ожидало множество полицейских мотоциклов, между которыми метался шериф. Вой сирен моторизованной полиции сопровождал ее до вокзала, где на платформе собрались официальные лица и толпа любопытных: ожидали, что она придет по железной дороге, но на поезд она опоздала.

Между прежними опозданиями – систематическими, в которых она была виновата, навлекавшими на нее упреки, и опозданием сегодняшним была разница. Последнее было извинительным – полицейские сирены с трудом пробивали ей путь, о ее приближении возвещали, словно о пожаре. Мэр города ждал Мэрилин с букетом. Он должен был приколоть на груди актрисы значок. Она с восторгом слушала приветственные крики, а также протесты женщин из армии спасения и матерей семейства, потрясавших транспарантами, на которых ее клеймили за непристойность.

Мэрилин усадили на капот открытого кадиллака. Официальные лица, сидевшие в машине, расплывшись в улыбке, увозили столь желанную молодую женщину. Улицы Атлантик-Сити были запружены толпой, народу собралось гораздо больше, чем при встрече Эйзенхауэра, когда тот приехал в конце войны возвестить о возвращении «парней». Сегодня руки людей поднимались, образуя живой лес. Они тянулись к этой новой невесте Америки. А она тем временем мелодраматично обрывала лепестки роз и бросала их в толпу, словно великодушно раздавала свои сокровища.

* * *

В первые дни нового, 1953, года Мэрилин, спрятав глаза за темными очками, подобно тысяче других блондинок, разыгрывающих из себя кинозвезд, делала покупки на бульваре Сансет: шарфик, халат, новую сумочку. Ее машина была завалена свертками. Эти покупки на скорую руку чем-то напоминали принятие противоядия.

К ее «ягуару» устремлялись поклонники богинь экрана, протягивая

клочки бумаги, фотографии детей, проездные билеты. Их жесты уже менее любезны, приветствия похожи на гримасы. Эти незнакомые люди требуют автографа как доказательства существования богини. Пользуясь ситуацией, Джо Ди Маджио ставит на нескольких клочках бумаги и свою подпись. Он перешел от скромности к высокомерной требовательности. Он намерен использовать Мэрилин в своих интересах. Он уже не предлагает ей брак – он требует его, приказывает.

Мэрилин перестали удовлетворять уроки Наташи Лайтес. Она мечтает о школе, учеба становится для нее навязчивой идеей. Она записалась на курсы одного из многочисленных «творцов чудес» в Голливуде – Михаила Чехова, который раскрывал своим ученицам тайны Московского Художественного театра. Лайтес, не отстававшая от Мэрилин, прослышав об этом «предательстве», разбушевалась:

– Чему вам еще учиться, я вас всему научила.

– Искусству, – ответила Мэрилин. – Я не хочу больше выставляться на съемке, словно демонстрируя купальные костюмы!

– Дорогая, Чехов вас погубит! У вас появится тик.

Тем временем Джо изводил ее так же, как и Наташа Лайтес. Мэрилин вернула ему вкус к его страсти – славе. Он использовал Мэрилин не на десять процентов, а на все сто. Не допуская, чтобы Мэрилин часами лежала в ванной или сидела перед зеркалом, он выпроваживал ее на улицу к тесным рядам почитателей, к визгливой толпе. И от сладостных обещаний Михаила Чехова, и от перебранок с Джо Ди Маджио Мэрилин, казалось, теряла трезвость ума, а ее походка становилась все более и более неровной.

Ей оставалось лишь одно: покупать, сорить деньгами. У нее появилось новое пристрастие – аукционы, где она, даже не интересуясь предметом ставки, действовала вслепую с единственной, сверлящей ее мыслью, что он стоит денег, больших денег, а ей достаточно только выписать чек. Она посещала эти аукционы, до предела декольтированная, как будто вздувала цену на саму себя. Газеты издевались над этим ее пристрастием, иронически писали о «Мэрилин и

культуре». Фотографы снимали ее, когда она, выпятив бюст, рассматривала древний манускрипт, приобретенный ею за четыре тысячи долларов. Это было так трогательно, как будто ребенок, еще не умеющий читать, что-то лепечет над книжкой, чтобы подумали, что он все в ней понимает.

Хотя Мэрилин и стала кинозвездой, в мае 1953 года она получала лишь тысячу пятьсот долларов в неделю. Она добилась высшей суммы, предусмотренной контрактом с «Фокс», подписанным за нее Джонни Хайдом, а срок его действия истекал через пять лет. Она рассталась с агентством «Уильям Моррис», и теперь ее интересы представляло «Артистс Эдженси» Чарлза Фельдмана. Этот последний, добиваясь пересмотра контракта, смехотворного для звезды, исчерпал все доводы, но Занук оставался непреклонным. Наконец-то он проучил «капризную курочку», как он любил называть Мэрилин.

* * *

В то время как Мэрилин жила надеждой на настоящую роль, Занук только и думал, как бы показать ее в ванне. Сценарий фильма «Дорогая, я чувствую себя помолодевшим» специально дополнили для Мэрилин сценой в бассейне. Обтянуть спину этой Мэрилин материей, чтобы создать впечатление, что она в мокром купальнике. Губы пусть блестят, словно она постоянно их облизывает. Волосы собрать в конский хвост, причесать а ля помпадур или завить, как у пуделя, – не все ли равно, нужно только, чтобы они были в беспорядке, как у женщины, только что вставшей с постели. Ведь один критик сказал, что уход Мэрилин Монро со сцены всегда волнует: зрители видят ее спину. В песенках, которые принесут ей успех, будут строки, или даже они будут так называться: «Вас кто-то любит» и «А ну-ка повтори еще раз».

Занук искал режиссера, который сумел бы наилучшим образом использовать типаж Мэрилин Монро. Он пригласил Говарда Хоукса, постановщика известного фильма «Лицо со шрамом». Хоукс был очень стеснительным и всегда смущался, если слишком расхваливали какой-нибудь из его фильмов. О нем и вспоминали лишь тогда, когда он выпускал очередную

картину, поскольку все остальное время Хоукс чурался компаний. Занук сказал Говарду Хоуксу:

– Мы хотели бы добиться окончательного признания Монро. Всякий раз, когда мы пытаемся подать ее в каком-нибудь сюжете, от нас ускользает либо сюжет, либо Мэрилин. Какие у вас соображения на этот счет?

– Ошибка заключается в том, – без заминки ответил Хоукс, – что вы пытаетесь преподнести Мэрилин Монро как реальный персонаж, в то время как она совершенно не создана для этого. Я вижу только один способ сделать ее приемлемой – снять в музыкальной комедии.

– Неужели вы считаете ее способной петь? Ведь она с величайшим трудом открывает рот, чтобы выговорить хоть несколько слов.

– Я слышал, как она поет, – сказал Хоукс. – Ей надо дать в партнерши сильную актрису, не страдающую никаким комплексом. К примеру, мисс Джейн Рассел. И мне кажется, что «Джентльмены предпочитают блондинок» и есть тот розовый сюжет, который создан как раз для нее.

– Вам никогда не заполучить мисс Рассел! – сказал Занук.

– Посмотрим, – ответил Хоукс и, сняв трубку с телефона на письменном столе Занука, позвонил звезде «РКО».

– У меня есть для вас фильм, – сказал Хоукс.

– Когда начало съемок? – спросила Рассел на другом конце провода.

– Вы ничего не спрашиваете про сюжет? – поразился Хоукс.

– Это не имеет значения. Раз я нужна вам, я согласна.

– В фильме снимается актриса, роль которой значительнее вашей, – сказал Хоукс.

– Это меня не волнует, – сказала Джейн Рассел. Занук подытожил:

– Я хочу добиться от Мэрилин высшей степени сексуальности.

Кино прибегало к введению откровенных эротических сцен, чтобы устоять в борьбе с телевидением. Но Хоукс не воспринимал Мэрилин как женщину-вамп в красном платье с чувственным ртом, точно так же как не считал Джейн Рассел кокеткой, добившейся славы в фильме «Вне закона» тем,

что выставляла напоказ пышный бюст. Джейн Рассел была для Хоукса разумной женщиной с располагающим лицом, умным взглядом и пухлыми губами. Что касается Мэрилин, Хоукс разделял мнение Шамроя – того самого Леона Шамроя, который первым снял ее для пробы на цветную пленку. «Кто это выдумал, что она мечтает о мужчинах?! – вскричал он. – Да они ее совершенно не интересуют!». Эти слова забылись, так же как и другие остроты, связанные с Мэрилин.

Вот почему Хоукс задумал основное внимание сосредоточить не на фигуре Мэрилин, а на ее ребячливой, детской душе. Поскольку же боссу требовалась эротика, Хоукс решил подать эту эротику в комическом плане.

Он стремился создать сказку, как можно более далекую от реальной жизни. От пьесы, с успехом шедшей на Бродвее, не осталось ничего, кроме четырех песенок. Переработал он и первый вариант сценария – настолько, что не сохранил даже сюжета, – рассказ о том, как девушка, мечтавшая о браке по любви, соблазняется богатством, а искавшая богатство познает любовь. Хоукс восстанавливает равновесие и дает возможность обеим героиням достичь желаемого. Мэрилин в реалистической роли волновала его не больше призрака. В нереалистической он находил ее совершенной.

Подавленная страхом, кое-как одетая, Мэрилин ожидала на съемочной площадке, стуча от волнения зубами. Когда наконец слышался приказ: «Мотор!», она, словно воскреснув, начинала разыгрывать голубую сказку.

Однажды Хоукс по-дружески сказал ей:

– Никогда не снимайтесь в реалистических картинах.

Мэрилин странно улыбнулась. После краткого раздумья она ответила:

– Я была бы рада сняться хотя бы в одной... Чтобы освободиться от того, что меня терзает.

* * *

Просмотрев отснятый материал и услышав, как Мэрилин распевает своим сладким, тоненьким голоском «Женщина не может без бриллиантов», Занук

прикусил сигару. Он понял, что напал на золотоносную жилу.

Каким бы ни был талант режиссеров, каким бы блеском ни отличались сценаристы, какую бы роль не играл в кино цвет, оно могло делать большие деньги только благодаря сырью – живой плоти богинь экрана. Бетти Грейбл, неприметная танцовщица с заурядным лицом, принесла «Фокс» кучу денег, потому что ее ножки «зажигали» американских парней на фронте. После окончания войны ее забыли так же быстро, как и вознесли на пьедестал.

Занук, который заявлял, что он всегда жил как на трапедии, даже если она раскачивается под потолком «Уолдорфа», знал, что кинематография существует не только как вид индустрии, но и как своеобразное чудо. Не руки человека создают кинозвезду, так же как улыбку нельзя изобразить на лице с помощью кисточки и скальпеля.

Старик Мак Сеннетт разгадал секрет успеха кино. Купающиеся красавицы фигурировали в его фильмах вне зависимости от сюжета. Тот, кого друзья прозвали «кладезем гармоний», с одного взгляда распознавал актрису, которая может скрасить его грубоватые шутки. Человек, заключавший контракты путем рукопожатия, ибо «с ворохом юридических бумаг не разобраться до самого судебного дня», знал, что счастливый взгляд неотделим от счастливого сердца. Говард Хьюз выражал такое же мнение, хотя и не задумывался над этим, как его отец; он швырял немалые деньги, добытые бурением нефтяных скважин, на уплату штрафов дорожной полиции за превышение скорости.

Слушая, как Мэрилин поет «Женщина не может без бриллиантов», Занук понял, что «Фокс» не обойтись без Мэрилин и что ее искусственная улыбка в сочетании с более чем естественными формами может принести не меньше дохода, чем изобретение бура или целые шеренги очаровательных купальщиц на экране.

За время съемок фильма «Джентльмены предпочитают блондинок» Мэрилин дважды меняла квартиру. Из отеля «Бэл эйр» она перебралась в отель «Беверли Хиллз», а оттуда в элегантную квартиру на Нью-Донеги драйв, 882.

Она навязала съемочной группе Наташу Лайтес.

Несмотря на постоянные опоздания и бесконечные капризы, съемки шли своим чередом. Ее все снова и снова охватывало отчаяние, но Джо Ди Маджио, который не понимал, что с ней творится, качал головой и не находил другого утешения, кроме слов: «Получай деньги и помалкивай».

Под гнетом усталости, отчаяния она чувствовала себя совершенно опустошенной. Иногда она была не в состоянии даже включить пылесос или снять с плиты кастрюлю спокойно, без криков и попреков. Стоило ей покинуть съемочную площадку, как мужество покидало ее, она сникала, теряя всякий интерес к жизни, в отличие от многих актеров, продолжавших радоваться ей и вдохновенно играть даже тогда, когда камера прекращает свое гудение. У тех, кто в это время обращался к ней, – у Ди Маджио, Хоукса и других, – создавалось впечатление, будто они разговаривают с духом во время спиритического сеанса.

Мэрилин несвязно поведала о своем состоянии Джейн Рассел и спросила, чему она посвящает свободное от съемок время. Джейн, физически крепкая и жизнерадостная дочь фермеров Миннесоты, из которой Хьюз создал своеобразный сексуальный символ, как это ни парадоксально, интересовалась Библией. На вопрос Мэрилин: «Чем же все-таки заниматься, что делать в этой жизни?» она не моргнув ответила: «Творить добро. Нет, на самом деле это хороший выход!»

Джейн была замужем за футболистом. Она всегда приходила вовремя, всегда улыбалась, никогда не переигрывала, никогда не выглядела усталой. Она носила декольтированные платья или брючки, но это не было вызывающе. Она была красивой женщиной, а ее нежность и безыскусственность как-то ассоциировались с пшеничным колосом.

– Скажите, выходя замуж, женщина ничего не теряет? – спросила ее Мэрилин.

– А что она может потерять?

– Не знаю... Мечту, самостоятельность, веру?..

– Можно потерять это и не выходя замуж. Лично я, возвращаясь вечерами домой, выбрасываю работу из головы.

И вот подошли последние съемочные дни. Каждый раз, выходя из студии, Мэрилин заставляла Джо усаживаться в кадиллак, подаренный ей телевизионной компанией за участие в десятиминутной передаче. Она заталкивала Джо в машину, как швыряла на сковородку диетические котлеты. Ее машина превратилась в свалку, где вперемешку валялись блузки, дамские брюки, флаконы, туфли, вазы, огромные пачки писем от почитателей, перевязанные по пятьсот штук, а поверх всего этого квитанции об уплате штрафа за превышение скорости. В конце концов выйдя из себя, Джо Ди Маджио поддал ногой парижские бюстгальтеры и стукнул кулаком по стопке «умных» книг, приобретенных за день, так что они разлетелись во все стороны.

В июле 1953 года Мэрилин Монро, сопровождаемая Джейн Рассел, оставила отпечаток своих ладоней на влажном гипсе у Китайского театра Сиды Граумена. Телеоператоры зафиксировали этот момент признания славы. Потом обе актрисы погрузились в гипс голыми ступнями. Джо Ди Маджио отказался присутствовать при этой классической церемонии. В самом деле, Мэрилин по-прежнему не решалась выйти за него замуж, а их дружба слагалась из буйных ссор и бесплодных примирений. В сущности, им было не о чем говорить, и они могли просидеть в ресторане два часа, не обменявшись ни одним словом. Однако стоило появиться фоторепортерам, и губы того и другого складывались в заученную улыбку.

– Зачем тебе надо, чтобы я вышла за тебя, Джо? – спрашивала Мэрилин с притворным равнодушием. – Я принадлежу «Фокс», Зануку, Скурасу, Хедде Хоппер, зрителям. Я стала принадлежностью нации. Зачем тебе жениться на памятнике?

«Фотоплэй», голливудский журнал, обязанный своей популярностью фотографиям красоток на вощеной бумаге, провозгласил Мэрилин кинозвездой Америки 1953 года.

В связи с этим в ее честь был устроен банкет. К своему апофеозу

Мэрилин заказала вечернее платье, расшитое золотом. Оно сверкало на ней, как чешуя сирены. К тому же, когда она передвигалась на высоких каблуках, ее ноги путались в этом экстравагантном одеянии, и создавалось полное впечатление, что она перемещается, подпрыгивая на хвосте русалки.

На этот раз неврастеничный Ди Маджио отказался сопровождать ее. Тем самым он набивал себе цену, доказывая, что он не падок на подобные церемонии. Когда Мэрилин входила в банкетный зал, ее руку поддерживал Сидней Скольски, журналист, ставший навсегда «Швабадеро». Разумеется, она опоздала на два часа, и гости приступили уже к десерту. Присутствовавший среди них Джерри Льюис вскочил на стол, бурно приветствуя Мэрилин. Но кинозвезды, репортеры и высшее общество Лос-Анджелеса не одобрили этого беспардонного запоздалого появления. Вызывающий бюст, который она так вульгарно выставляла напоказ! Двадцать пять миллионов долларов, которые она заимела от проката трех фильмов! Да кто, собственно, такая эта особа, позволяющая себе оскорблять других известных актрис, других женщин? Разве у нее есть талант, что могло бы оправдать столь возмутительное и вызывающее поведение? На следующий день Джоан Кроуфорд заявила перед корреспондентом одной нью-йоркской газеты: «Мэрилин Монро понятия не имеет, где начинается и где кончается реклама. Ей известно об этом не больше, чем мартышке!»

Прочитав сие высказывание, передававшее мнение всех присутствовавших на банкете «Фотоплэя», Мэрилин разрыдалась и долго не могла унять слез. Она побывала на студии, в барах, кабинетах и повсюду трагическим голосом заявляла, что эти нападки миссис Джоан Кроуфорд, усыновившей четверых детей, право же, совершенно неуместны – ведь она, Мэрилин, круглая сирота.

Мэрилин достигла наконец своей цели. Так чего ей теперь не доставало? Она оставила отпечатки ладоней и ступней на мягком гипсе у театра Сида Граумена. Ведь это была мечта ее детства, внушенная ей взрослыми. Но что от этого изменилось? Стала ли она теперь счастливее? Ей вспомнились прогулки с

тетей Грейс перед этим рестораном, когда та искала отпечатки, которые подошли бы к ее детской ступне. И тогда и теперь это было страшное, непоправимое заблуждение!

Театр Граумена на заре, когда там нет ни души, – странного вида здание, украшенное слегка очеловеченными драконами и фонарями на тонких ножках. Отпечатки ступней, ладоней, губ перед его фасадом кажутся зловещими слепками, необходимыми при изготовлении протезов для калек, но разве слава не своего рода протез, свидетельство того, что вам чего-то недостает и требуется заменитель? Затвердевший гипс исчерчен следами рук, ног и губ людей, которых уже нет больше в живых...

* * *

В 1953 году широкий экран оказался единственным средством, с помощью которого кинопромышленность еще могла бороться с вторгавшимся повсеместно телевидением. До этого на широком экране демонстрировались только сцены путешествий с грандиозными и величественными пейзажами и всего лишь один фильм «Туника» – экранизация эпизода из Евангелия.

Широкий экран, считавшийся пригодным исключительно для эпопеи, был впервые использован для комедии «Как выйти замуж за миллионера» с участием Мэрилин Монро. Мэрилин должна была играть в нем блондинку, постоянно попадающую впросак из-за близорукости. «Фокс» выбрал в режиссеры фильма румына Негулеско, бежавшего в Голливуд, который разговаривал вежливым шепотом и кичился тем, что он художник.

Прочитав сценарий, Мэрилин заявила, что никогда не согласится сниматься в очках, поскольку это исказит ее облик. Автор сценария Нанелли Джонсон, высокий, худощавый, обходительный, заявил, что чувственность ощущается во всем облике актрисы, а не является атрибутом какой-то одной части ее тела. А очки могли бы послужить дополнительной приманкой. «Это будет как бы стриптиз лица, – сказал он. – Медленным движением вы снимаете очки... Держите их в руке... Это словно приношение, которое заставит вашего

зрителя трепетать».

Мэрилин на этот раз согласилась перевоплотиться в предложенный персонаж, тот, который она с горькой усмешкой называла «чем-то годным для забавы», изображать роковую женщину, чьи интересы сводились к приобретению дорогого головного убора, а юбка, очень узкая, должна не скрывать, а подчеркивать формы. В этой истории с очками она по-прежнему должна была играть очаровательную, забавную, легкодоступную женщину с куриными мозгами, всегда готовую приятно удивить мужчину либо рубашкой, которая рвется, либо туго облегающими формы джинсами. Где же, когда она будет, та роль, которую она мечтала сыграть хоть раз, один-единственный раз для своего удовлетворения?

Не доказав, что ношение очков разрушит символ сексуальной женщины, каким она стала для Америки, Мэрилин начала плакаться Жану Негулеско, утверждая, что ей осточертело все время лежать в фильмах, как валяются на простынях в известного рода заведениях. Ведь она терпеть не может кинозалов, куда входят и откуда выходят, когда кому вздумается, оставляя после себя под креслами пустые бутылки или кукурузные хлопья, и где сидят, кашляя, почесывая или распуская потные руки. Желая утешить ее и доказать, что считает ее существом благородным, Негулеско пришла в голову хитроумная мысль пригласить Мэрилин к себе позировать, разумеется, застегнутой по шею. Результат превзошел все ожидания. Мэрилин заявила о своем согласии сниматься в его фильме без предварительных условий.

Осветители, сценаристы, продюсер и режиссер ходили вокруг Мэрилин на цыпочках, словно врач возле тяжелобольной. Мисс Мэрилин нельзя волновать; условились соглашаться со всеми ее прихотями и при каждой резкой выходке признавать, что она права.

Фильм «Как выйти замуж за миллионера», история охоты бедных девушек за богатым женихом, разумеется, не дал мужа-миллионера девушкам, мечтающим о нем в жизни, но дал двенадцать миллионов долларов киностудии «Фокс», вложившей в него всего лишь два.

* * *

На юго-востоке Голливуда, на углу бульвара Уилшир и Синег-авеню, стоит громадный кинотеатр «Уилшир». Так должна была состояться премьера фильма «Как выйти замуж за миллионера».

За несколько дней до премьеры Ди Маджио улетел в Нью-Йорк, что было для него единственной возможностью выразить свое недовольство. Мэрилин так и не вышла за него замуж. И у него не было никакого основания находиться рядом с ней в этот знаменательный день. Он улетел, чтобы не чувствовать себя оскорбленным. Он больше не мог видеть рук, тянувшихся к Мэрилин. Он отказывался слушать обращенные к ней крики экстаза.

Утром в среду, четвертого ноября 1953 года, Мэрилин Монро в бежевой кофточке и гавайских брючках едет в открытом кадиллаке по бульвару Пико, который тянется на три километра. Чтобы прогнать усталость, она долго лежала в ванне, приняла несколько таблеток. Но и после этого ощущала какое-то мучительное безразличие. Отдел писем студии «Фокс» получает на ее имя пятьсот писем в день. Она живет в сердцах миллионов мужчин и женщин. В ее сердце – пустота, она чувствует себя опустошенной, и какой-нибудь мышонок или утенок из мультипликаций Уолта Диснея кажется ей более одушевленным, более живым, чем она. Она – силуэт, сбежавший из рисованного фильма.

Она стала предметом мечты. Один напрашивается к ней в садовники, выращивать в ее саду сорт роз, еще никому не известный. Другой хочет подарить прирученную голубку с ее именем. Третий в обмен на встречу предлагает кинотеатр, который будет называться «Мэрилин Монро». В общем, она стала плюшевым мишкой, игрушкой для всех этих мужчин.

В то утро Голливуд выглядел мрачно. Она очень быстро проезжает деревянные особняки, принадлежавшие в 1900 году лос-анджелесской аристократии, а теперь похожие на пустые, разоренные гнезда. Мэрилин ставит свою машину перед павильоном кинозвезд «Фокс». Ей выделена артистическая уборная, до этого принадлежавшая Бетти Грейбл, прежней звезде «Фокс».

Бетти Грейбл, тоже занятая в демонстрируемом сегодня фильме, даже не приедет на премьеру – так решили директора студии. Не стоит омрачать праздник.

Проходя в свою уборную, Мэрилин едва отвечает на заискивающие приветствия персонала студии. Она мучается со своими туфлями, платьем – как с жизнью. Она не знает, как ей со всем этим справиться. Мисс Расмуссен – парикмахер и Снайдер – гример ожидают ее. Она отбрасывает чувство подавленности и скуки и принимает надменный вид, как положено актрисе, имя которой написано крупными буквами через всю афишу.

Час дня. Одной из лос-анджелесских журналисток благосклонно разрешили присутствовать при церемонии подготовки кинозвезды к вечернему апофеозу. Парикмахер спрашивает Мэрилин, какой цвет придать волосам? Платиновый – в этот момент она думает о металле и о женственности, чистоте, хрупкости. Того же цвета она хочет ногти, и вот уже маникюрша хлопочет со своими кисточками и лаками.

Журналистка болтает о всяких пустяках. Она спрашивает Мэрилин, с кем из знаменитостей та знакома. Мэрилин спешит замаскировать свое одиночество. Без запинки отвечает, что дружит с Марлей Дитрих. Она уже как-то заявила то же самое корреспонденту «Тайм». Но это вопиющая ложь. Она видела Марлей только дважды, и оба раза они просто-напросто поздоровались. Кинозвезда сохранила манию, сомнения, фантазию никому не известной девочки, которая воображала себя знаменитой. «Смотри, Норма, твои маленькие ступни уже оттиснуты в Китайском театре». Она придумывала себе родителей. Придумывает великую любовь. Мечтает умереть в собственном углу. Она наивная чувственная девственница, продаваемая под целлофаном. Благодаря ей успешно проходят благотворительные вечера, избирательные кампании, а косметические кремы, бюстгальтеры, духи, холодильники, имеющие на марке ее имя, распродаются моментально. Она – «этикетка мечты», гарантирующая продажу всего что угодно.

В комнату едва слышно стучатся рассыльные. Они вносят изящные белые

коробки. В одной из них туфли, во второй – платье, в третьей – белые перчатки.

Появляются две костюмерши, потом посыльный под охраной двух вооруженных стражей. Он принес футляр с бриллиантовыми серьгами – они принадлежат студии и служат украшением очередного модного идола.

Мэрилин в полусонном состоянии мигает глазами. Снотворные таблетки почти не помогают Мэрилин, она засыпает поздно ночью, но из-за них она живет как бы в тумане, словно взбирается на облака. Меха, в которые она должна закутаться в этот вечер, ждут в кресле. Из них лично ей принадлежат только муфточка из песца да горжетка.

Появляется Рой Крафт из пресс-центра «Фокс» и с важным видом объявляет, что сегодня город Монро в штате Нью-Йорк один день будет называться Мэрилин Монро.

– Ну а завтра утром я снова стану смертной, не так ли? – спрашивает Мэрилин.

* * *

Поступают телеграммы. Она их медленно распечатывает и роняет. Слава – лепестки увядшего цветка. Проявления дружбы подозрительны. Они всегда обращены к королям и королевам дня. Они одурманивают, как наркотик. Они лишены искренности, поэзии. Все объяснения в дружбе и любви фальшивы, в них подспудно затрагивается будущее «заинтересованных лип». Потом – телефонные звонки. Все желают победительнице счастья. Гример Снайдер, вертясь вокруг актрисы, невольно топчет телеграммы. Он не перестает улыбаться, как будто очаровательная Мэрилин – творение его кисточки. Его самодовольная улыбка отражает вполне определенный смысл: он радуется, как творец, швыряющий на землю безделушку из плоти и крови.

– Скажите, Снайдер, я только для забавы?

– Простите, мисс?

Он трясет огромной розовой пуховкой, рассыпая по плечам Мэрилин душистое облако пудры. Потом красит губы молодой женщины специальной

помадой. Костюмерши с раболепной улыбкой разворачивают белое кружевное платье с серебряными блестками. Оно окаймлено светлым крепдешинном.

Мэрилин с трудом поднимает свою неузнаваемую голову. Ей тяжело стоять на ногах. Из-под позолоченного пояса спускается нелепый шлейф белого бархата – пуповина, связывающая ее с голливудским, американским раем. Она натянула за локти длинные перчатки. Перекинула шлейф на левую руку. Шесть часов она просидела неподвижно, пока ей придавали парадный вид.

После этого Мэрилин, потащив за собой и журналистку, направилась к Нанелли Джонсону, сценаристу фильма. Журналистка не переставала докучать ей своими высокопарными, стандартными вопросами. Счастлива ли она? Думала ли она о каком-либо мужчине больше, чем о всех остальных? Мечтала ли о таком вечере, который ей предстоит? Чувствует ли она, наконец, что все ее желания исполнились, или у нее еще остался какой-то осадок от прошлых лет сиротства? «Но ведь я только для забавы, – спокойно говорит она и вполголоса добавляет: – Я нужна, чтобы возбуждать миллионы американских мужей».

Перед кинотеатром «Уилшир» движение транспорта приостановлено. Для проезда нужен специальный пропуск. Вокруг запретной зоны выстроен мощный полицейский кордон. Прожекторы, установленные на грузовиках, непрерывно вращаются. Они образуют в небе пучки лучей, как при воздушной тревоге в ожидании налета вражеских самолетов. Для встречи с сексуальным символом Америки пришлось создать обстановку военных лет.

А чтобы, к общему удовольствию, усилить еще больше это сходство, трибуны, построенные вокруг кинотеатра «Уилшир», заполнены толпами зрителей, крикливых и сосредоточенных, апатичных и жаждущих сенсаций. Полицейские кордоны отгораживают эти трибуны, предназначенные для любопытных, от кинотеатра и ведущей к нему аллеи. После объяснения о приближении черного кадиллака с драгоценной платиновой блондинкой слышатся возгласы экстаза, исступленные крики. Тысячи разинутых ртов скандируют имя Мэрилин. Мэрилин осторожно покидает кадиллак. Она близка к обмороку. Она движется, словно привидение, поддерживаемая с обеих

сторон. Великие боссы, окружающие актрису, улыбаются за нее во весь рот – они лишены каких-либо комплексов.

От всего этого у нее появляется горький привкус во рту, какая-то пустота в голове. Ей кажется, что она достигла славы незаконным путем. Ведь она только демонстрировала свое тело – и ничего более. Она только выставляла себя напоказ тем, кто покупал билет в кино. У нее нет абсолютно никакого права называться актрисой! И боссы «Фокс» вдруг показались ей барменами, с притворным великодушием горячо рекомендующими клиентам девушку, которая может их развлечь.

В полночь она ускользнула от истерической суетни и вернулась на студию переодеться. Она таращила усталые глаза, чтобы не уснуть. Пальцы, которыми она так долго сжимала микрофон, свело, В ушах стучал скандируемый толпой призыв, с которым к ней обращались тысячу раз. Они заполучили ее, она им принадлежала.

На студии стояла тишина, в гримуборной пахло застывшим гримом. Тут не было ни души. Она заметила лестницу, тяжелые драпировки, уголок бара, бутылки с подкрашенной водой, элементы декораций, безжизненные, разбросанные там и сям. Она вдруг почувствовала и себя чем-то вроде бутяфорки, деталью того же бара или часовни.

Со щемящей сердце болью она сняла платье, сбросила «лодочки», отколола драгоценности. Все было возвращено на место. Вооруженные дежурные вахтеры проводили ее к машине. Почему они не оставили и ее на хранение здесь до момента, когда она потребуется снова?

Она очень быстро доехала до дома, ее пугала мысль, что она не сможет уснуть или что у нее отнимется левая рука, так она онемела. Едва переступив порог дома, она буквально бросилась к снотворным таблеткам. Она проглотила одну, две, целую горсть. Но от такой спешки они не успевали раствориться. Нембутал превратился у нее во рту в зеленоватое, клейкое месиво. Той ночью смерть, как студенистый кулак, пыталась пробить себе дорогу к ее сердцу, миновав преграду горла.

В паническом ужасе, шатаясь, она дотащиась до раковины, открыла рот, и ее вырвало зеленой слизистой массой.

Потом, открыв кран холодной воды, она не переставала плакать и плевать, пока зеленая вода, которой ее рвало, постепенно не стала водой, такой же чистой водой, которая струится с чудесным журчанием в лесном ручейке.

СИРЕНЕВАЯ КОМНАТА

Мэрилин опять предстояло сниматься на лоне природы. Только теперь фоном была не Ниагара, а скалистые горы. На сей раз в фильме «Река, с которой не возвращаются» она снималась в джинсах и яркой кофточке. Приехав на пустынные песчаные равнины, где режиссер Отто Преминджер намеревался орудовать своей камерой со строительного крана, Мэрилин сразу почувствовала себя помолодевшей. Тут вокруг были сплошные пропасти, водопады, скалы, и это вытеснило из ее сознания мысль о таблетках, обеспечивающих ей опасный сон.

Расхаживая враскачку и насвистывая, Мэрилин искала, чем бы развлечься в этом рае из воды, неба и гор. Она с подчеркнутой любезностью здоровалась со всеми подряд. Она завязала на шее маленький шелковый платочек. Она позаботилась о том, чтобы ее комната в отеле, в шестидесяти километрах от места съемок, была вызывающе веселой. Слишком яркие краски ее одежды казались взрывом неестественного смеха.

Мэрилин играла с ребяташками, сновавшими по лагерю, где располагалась съемочная группа, искала, чем бы досадить Преминджеру, который обращался с ней, как со школьницей. На нее обрушивался порывистый ветер. Над головой трещали сучья. А внизу шумела бурная горная река. Эта стихия рождала в ней умиротворение. У нее не было ни малейшего желания висеть на телефоне и приглашать спасительных друзей, друзей сомнительных или ленивых.

Между тем Отто Преминджер проникся дикой ненавистью к Наташе

Лайтес, которая взяла на себя функции посредничества между ним и кинозвездой и не давала Мэрилин выполнять его распоряжения. Мэрилин играла неубедительно, она еле двигалась перед объективом, пренебрегала указаниями режиссера, который не хотел считаться с ее прихотями, мигренями и желанием поразвлечься. При виде «этой наглой машинистки, возомнившей себя кинозвездой», Преминджера охватывала холодная злоба. Его настроение день ото дня ухудшалось от одного вида Мэрилин. Он только и делал, что снимал пейзажи, словно для того, чтобы преуменьшить, принизить, сделать совсем ничтожной роль человека в джинсах.

Мэрилин торчала под тентом, устраивая заговоры с Наташей Лайтес, парикмахершей и гримером Снайдером. «Я хочу развлекаться», – заявляла она. Одолжив велосипед, она уезжала и приезжала, швыряла камешки в реку Атабаска и беззастенчиво нарушала все порядки. Поскольку здесь она не могла систематически опаздывать на съемки, надо было придумать что-нибудь другое. «Если ты будешь баловаться, – угрожала Глэдис маленькой Норме Джин, – придет папа и тебя накажет». Значит, нужно заболеть, потерпеть аварию, быть раненной, чтобы, поскольку нет родителей, сбежались на помощь те, кто вас любит, о вас печется.

Преминджер решил снять заход солнца на дальних снежных вершинах. Когда оно пряталось за горы, загоралось пламя, одна из вершин словно воспламенялась, другую обволакивала голубая дымка, и на ней сверкали, как драгоценные бриллианты, мириады снежинок. Лысый, коренастый, со сдержанной улыбкой, размашистыми жестами и громоподобным голосом Преминджер ждал момента божественного явления света. Целый день он репетировал с Мэрилин и Робертом Митчумом сцену, которую он хотел заснять на фоне этого великолепного заката. Рабочие, ассистенты, осветители – все ждали сигнала «Мотор!». Преминджер сжимал в кулаке люменометр, определяя силу света. Наконец все запылало. Воцарилась необыкновенная тишина.

Камера загудела.

Преминджер подал Мэрилин знак подойти к Митчуму. Но вместо того, чтобы послушаться этого безмолвного приказа, Мэрилин смотрела на режиссера затуманенным взглядом, оскалив зубы и не двигалась с места.

– В чем дело, Мэрилин? – почти беззвучно спросил режиссер.

– Мистер Преминджер, мне необходимо отлучиться... – И на глазах у всей группы она побежала к секвойям, за которыми были оборудованы туалеты. Преминджер побагровел, но смолчал. Он высказался лишь семь лет спустя, выступая по телевидению. Когда его спросили, хотел бы он еще раз снять фильм с Мэрилин, он ответил:

– Нет, если даже мне предложат миллион долларов.

Есть предел и тому, что человек может делать ради денег.

* * *

Одна из сцен снималась на плоту, уносимом течением. Митчум и Мэрилин удирали от индейцев. Мэрилин, наверняка желая лишний раз позлить Преминджера, упала в воду. Она ушиблась о выступ скалы. По диагнозу медсестры съемочной группы, а затем и врача, она порвала себе связки. У нее распухла лодыжка.

Джо Ди Маджио каждый вечер звонил из Сан-Франциско. Он не упускал ни одного случая спросить ее, не приняла ли она решение выйти за него замуж. Вечером того дня, когда произошел несчастный случай, услышав ее смущенный, взволнованный голос, он подумал, что все в порядке.

Рыдая, она сказала ему, что повредила ногу и наверняка будет хромать очень долго, возможно, всю жизнь. Еще она сказала, что Преминджер хотел ее погубить. Ди Маджио с трудом улавливал смысл слов, прерываемых стонами. При словах «серьезно пострадала» он заявил, что немедленно прилетит, что привезет ей лучшего доктора, какой только есть в округе.

Фильм был закончен – оставалось доснять в Голливуде несколько павильонных сцен. Врач наложил на ногу гипс, и Мэрилин, опираясь на руку Ди Маджио, отправилась в Сан-Франциско, словно ища передышки от

преследующих ее злоключений.

Впервые она состарила компанию Ди Маджио перед телевизором. Временами с улицы врывались крики бродяг или пьяных матросов, с рыбацких лодок доносилось пение тенора-любителя. У итальянцев с потолка свисала оплетенная бутылка с вином; в китайском квартале – лакированный цыпленок. Некоторые итальянцы проводили отпуск на родине, китайцы же попадали на свою родину только после смерти, когда покойников перевозили тайком. Трамваи разного цвета позвякивали колокольчиками, продвигаясь сквозь толпы гуляющих, которые, казалось, впервые в этой моторизованной Америке захлестывали потоки машин.

Мэрилин любила Сан-Франциско, но этого было недостаточно, чтобы заставить ее выйти за Джо. Решиться на этот шаг ее заставило несчастье – смерть.

Во время ее визита утонул в заливе Бодега один из братьев Джо – рыбак, как и их отец. Его вытащили из воды в красной куртке, которую он носил только по воскресеньям, но в тот день надел в честь знаменитой гостьи.

Джо был убит горем. Его широкие ладони не успевали стирать со щек слезы. Даже его галстук горошком утратил от слез веселый вид и стал похож на мокрую тряпку. Мэрилин сделала утешительный вывод, что у Джо доброе сердце. Она давно уже искала мужчину с отзывчивым сердцем. Похороны брата и объявление о предстоящей женитьбе Джо состоялись на одной неделе.

Свадьба была назначена на 1 января 1954 года, но Мэрилин оттянула ее еще на две недели.

В сущности, сдержать обещание ее вынудила ссора с «Фокс». Ей предлагали роли, которые ее не устраивали. Наташа Лайтес подбивала ее ни на что не соглашаться без ее одобрения. Она больше чем когда-либо воображала себя «его серым преосвященством». Перед Рождеством Мэрилин хотели навязать музыкальный фильм «Дьяволица в розовом трико». Но Мэрилин утверждала, что ее унижает уже одно название фильма. Она решила также, что ставка в размере тысячи пятьсот долларов в неделю теперь для нее

неприемлема.

Студия дважды отчисляла ее. Мэрилин находилась в Сан-Франциско и отказывалась даже разговаривать по телефону с «Фокс». Съёмочная группа «Розового трико» тщетно ожидала прибытия героини фильма. Каждый день простоя обходился студии в двадцать пять тысяч долларов, но Мэрилин никак не соглашалась.

История учительницы, ставшей танцовщицей в притоне, была ей не по душе, роль девицы легкого поведения внушала ей отвращение. «Понимаете, – повторяла Мэрилин всем и каждому, – Занук затеял это специально назло мне. Учительница, которая доходит до того» что показывает ляжки... И все почему? Потому, что он знает, как я обожаю классиков!» «Но в конце концов, – возмущался Занук по другую сторону баррикады, – учительница или не учительница, что же еще, кроме этого, собирается Мэрилин показать своему зрителю?»

Джо Ди Маджио, вмешиваясь в спор, хотел разрешить его в свою пользу.

– Давай совершим свадебное путешествие в Японию.

– Можно поехать в Японию и не выходя замуж, – возражала Мэрилин.

– Чувство собственного достоинства не позволяет тебе сыграть девицу в розовом трико, а поехать со мной в такое долгое путешествие, не будучи моей женой, ты можешь!.. Да это было бы все равно, что разгуливать нагой на глазах у всей Америки, когда все следят за каждым твоим шагом, – глупость во сто крат большая, чем сыграть учительницу в розовом трико!

Наконец Мэрилин согласилась.

Услышав «да», Джо бросился к директору своего ресторана и поручил ему все устроить. Директор ресторана сел за телефон и поднял всех на ноги.

Джо волновался, как перед матчем. Теперь в его ресторане не будет отбоя от клиентов. Присутствие Мэрилин и известие о его женитьбе так увеличат спрос на эскалопы и кьянти, что все конкуренты взвоют.

Джо подарил невесте браслет, на котором висело золотое сердечко с выгравированным именем «Джо»

* * *

Мэрилин нервно позвякивала им.

Джо и Мэрилин вылетели самолетом из Сан-Франциско в Гонолулу. На аэродроме толпа окружила зал ожиданий, и Мэрилин испытала первое удовлетворение – все жаждали прикоснуться к ней. Несмотря на четырех полицейских, охранявших ее, людям удавалось дотянуться до нее, ее дергали за волосы так, что она расплакалась.

Новобрачные пересели в самолет, летевший на Токио. В аэропорту Мэрилин представился американский генерал и со всей серьезностью предложил ей посетить корейский фронт, чтобы поднять воинский дух солдат. Она посмотрела на Джо, тот пожал плечами. Медовый месяц мог обернуться месячником фронтовым. Кто бы мог подумать? Но намечался и еще один маршрут». Фанатичные поклонники Мэрилин в Токио, стремясь получить и свою долю блаженства, ни за что не желали отпустить кинозвезду, не обласкав ее своим вниманием и не возвеличив ее. Восхищенная, визгливая толпа запрудила улицы, отели, кабинеты – она всюду преследовала Мэрилин. Стоило ей показаться – и бешеные овации возникали, как вихрь.

Мэрилин убегала через служебные выходы. К чему прилагать столько усилий, добиваясь того, от чего впоследствии приходится спасаться бегством? Во время одной такой встречи где-то треснула стеклянная дверь. Мэрилин услышала стоны, увидела на тротуаре кровь. Ну а Джо довольствовался тем, что составлял часть ее свиты. Он либо придерживал двери, либо бросался их открывать, неприлично соперничая со швейцарами. Он еще не полностью усвоил мысль, что спальня Мэрилин – общественное место.

16 февраля Мэрилин прибыла самолетом в Сеул. Порывистый ветер развеивал ее волосы и юбки. Ей тут же предложили одеться в форму американского солдата: кожаную куртку, брюки, ботсы. Вертолет взял направление на восточный фронт. Где-то назойливо гремели пушки. На земляной насыпи поставили эстраду. С одной стороны ее задрапировали

парашютным шелком. Было холодно. Мэрилин переделась в палатке. Сменив военное облачение на декольтированное вечернее платье, она вышла на эстраду. В ее ушах раскачивались огромные золотые серьги. Мэрилин простудилась. У нее был хриплый голос. Тысячи солдат ритмично хлопали в ладоши.

Мэрилин пела: «Меня кто-то любит» и «А ну-ка еще!». Она млела, приоткрыв рот. Американские парни жмурились и рьяно аплодировали. За два дня она выступила перед сотней тысяч мужчин.

* * *

По возвращении из Кореи Мэрилин Монро, теперь уже миссис Ди Маджио, поселилась в Сан-Франциско в двухэтажном доме квартала Маринас. Ди Маджио был доволен. Он стал мистером Мэрилин Монро, а это великолепная, небывалая реклама. Он был готов терпеть те маленькие неприятности, которые доставляла ему Мэрилин. Например, он ничего не находил на месте, Мэрилин всюду учиняла беспорядок, и ее даже нельзя было за это упрекнуть, в таком случае она поднимала страшный крик.

Джо Ди Маджио больше не был спортсменом, но он был по уши занят рестораном в Причале рыбаков, другим недвижимым имуществом и телепрограммами бейсбола. Он надеялся, что Мэрилин ради него оставит кино, у него было на что ее содержать. Он поручил своим родственникам окружить Мэрилин защитным кордоном. Для всего клана Ди Маджио, включая детей-малолеток, Мэрилин стала живым развлечением, игрушкой, которую подарил им дядя Джо. Дети этого клана и ребятишки всего квартала приходили к Мэрилин за автографами, которые служили предметом обмена в школьных дворах. Что касается ресторана Ди Маджио, то теперь в нем всегда было многолюдно. Люди рассчитывали позубоскалить и лишний раз, вне программы, увидеть Мэрилин.

Неожиданно, и именно в этот период, Ди Маджио заметил, что его Мэрилин была вовсе не той, которую он видел на страницах «Плейбоя». В этом

журнале, созданном преподавателем университета Хью Хеффнером, помещалась где-нибудь в середине огромная фотография нагой девушки, сложенная втрое. На других страницах журнала эту же девушку показывали за ее обычным занятием – студентки, служащей или секретарши.

Фото Мэрилин и прежде часто появлялось на страницах «Плейбоя». Но с той поры она утратила инкогнито и стала своего рода национальной достопримечательностью, наподобие Ниагарского водопада, гейзера в Йеллоустоне, бойни Чикаго и «Золотых ворот» Сан-Франциско. Трудно шутить с женщиной, вызывающей всеобщую страсть.

Ди Маджио начал подкалывать ее и просто потому, что у него сдавали нервы и, быть может, с тайным намерением разбудить куколку из «Плейбоя».

Но у Мэрилин не было намерения стать для Ди Маджио куколкой – она хотела учить. За пределами съемочной площадки, где ее уже не гипнотизировали объективы кинокамеры, ум значил для нее больше, чем тело. Она ощущала себя учительницей в точном значении слова, и, конечно, ей было ни к чему розовое трико – ее костюм в некоторых фильмах. Она была столь наивна, что намеревалась приобщить мужа к литературе, и уже на следующий же день после свадьбы заставила беднягу читать классиков.

Ди Маджио это было не по душе, и кончилось тем, что он порвал несколько книг. Она обозвала его иконоборцем и еретиком. После свадьбы Мэрилин подарила Джо брелок с выгравированными на нем словами Сент-Экзюпери: «Видеть можно только сердцем...» Джо рассердился. Он сказал: «И зачем нужно было портить вещь этой надписью?»

Мэрилин стала спать с Ди Маджио в разных комнатах. Он ночевал этажом ниже, когда Мэрилин была особенно не в духе, проводил ночь на диване в своем ресторане. Два живых аттракциона Америки – сексуальный символ и чемпион по бейсболу – избегали общения. Так продолжалось до тех пор, пока Мэрилин не выдерживала и ей было необходимо вновь почувствовать хоть немного человеческого тепла в том холодном мире, в котором она жила. Ведь в ее жизни не было иного тепла, кроме того, что исходило от юпитеров

при съемках.

* * *

В мае 1954 года Мэрилин вернулась «на круги своя» в Лос-Анджелес. Ей сразу же предложили фильм «Веселый парад» – музыкальную комедию из закулисной жизни актеров. Мэрилин должна была играть певичку кабаре, кстати и некстати дрыгавшую ногами. Роль эта не была ни более интеллектуально насыщенной, ни более утонченной, чем в фильме «Дьяволица в розовом трико», но Мэрилин дала согласие.

Желая вознаградить Мэрилин за ее согласие, студия пообещала ей роль в фильме Билли Уайлдера «Семь лет раздумий».

Ди Маджио снял великолепный коттедж на Беверли Хиллз, холме кинозвезд. При нем был внутренний дворик, бассейн, большой розарий и даже веранда, а также специальное приспособление для того, чтобы зажарить тушу быка целиком, замаскированное среди фруктовых деревьев. В доказательство любви Ди Маджио нужны были «хорошо прожаренные бифштексы». Он легко, без переживаний и комплексов переключился на пиво, и теперь перед телевизором выстраивались, словно кегли, десятки бутылок.

Наташа Лайтес часто посещала их дом; вернее, она жила у них чуть ли не безвыездно. Такая же страшная, как и прежде, эта неудачница с помятым, сплюсненным лицом, с кругами под глазами, с волосами, завитыми до самых корней, усаживалась в гостиной и начинала вещать что-нибудь умное, вроде теории о драматическом искусстве.

Еду подавали Наташе первой, а Джо был низведен в ранг слуги. Наташа играла в доме двойную роль: роль тещи и одновременно мужа. Мэрилин требовала пронзительным голосом: «Джо, сходи в сад за букетом роз для Наташи...» Наташа, глупо хихикая, нежно гладила прелестную ручку Мэрилин.

Мэрилин сообщала:

– Сын Джо будет жить с нами... Мы уже оборудовали комнату... для маленького гостя.

Только что весело болтавшая Мэрилин вдруг закутывалась в свое недавно купленное норковое манто. Ее знобило, как будто ребенок уже жил с ней – этот маленький гость. Казалось, она вся как-то съеживалась, свертывалась в комочек, чтобы не застудить свою маленькую надежду. Самой красивой мебелью в коттедже была кровать. Мэрилин пожелала, чтобы она была очень широкой и массивной. Она как бы служила ей съемочной площадкой. Возлежа на ней, Мэрилин выкрикивала реплики своей роли.

Случалось, когда Наташа и Джо оставались одни в гостиной, до них вдруг доносился ее крик с постели. Они прибежали в испуге – одна с чашкой кофе и сценарием, другой с бутылкой пива. Мэрилин подтрунивала над ними, лежа под простыней, натянутой до подбородка, чужая им и далекая, как некто потерпевший кораблекрушение, на плоту, среди океана.

Она была счастлива – на ее крик прибежали люди. А это значит: она обрела семейный очаг.

* * *

На съемочной площадке «Веселого парада» Мэрилин столкнулась с мастерами музыкальной комедии: Дональдом О'Коннором, Этель Мермэн, Дэном Дейли. Рядом с этими с легкостью танцующими и поющими актерами она сразу почувствовала себя тяжеловесной, неуклюжей, разочарованной. Роберт Альтон, крупный хореограф Бродвея, был встревожен тем, что Мэрилин, казалось, была более готова пройти курс обучения танцам, чем сниматься в музыкальном фильме. С неуверенностью калеки, вытаращив глаза, она с застывшей маской боли на лице безнадежно пыталась подражать другим.

Она несколько раз падала на площадке в обморок, и дошло до того, что она стала мишенью насмешек голливудского журналиста Харрисона Кэролла, которого то ли из-за того, что артисты ему не нравились, то ли из садизма интересовали лишь неудачи кинозвезд.

О Мэрилин Монро уже не ходили пикантные анекдоты, которые обычно

возникают на съемках очередной музыкальной комедии, – фильм продвигался от одного бюллетеня о состоянии здоровья к другому. Казалось, Мэрилин пробуждалась ото сна, только чтобы пропеть: «Когда получаешь, что хочешь, тебе это уже не нужно». Оператором «Веселого парада», который ставил Уолтер Ланг, был славный Леон Шамрой – тот самый оператор, который снимал Мэрилин для пробы.

Однажды вечером он сопровождал Ди Маджио и Мэрилин в китайский ресторан Уонга, что на бульваре Синегга. За два часа, пока длился ужин, Джо почти не открывал рта, только один или два раза он нарочито заявил: «Эта Мермэн бесподобна!» Мэрилин пожалала плечами. За весь вечер он больше ничего не произнес. На следующий день Шамрой шутливо отозвался Мэрилин о красноречии ее мужа. Мэрилин ответила: «Вот уже десять дней, как он со мной не разговаривает».

Результатом такой войны нервов было обострение язвы двенадцатиперстной кишки у Джо. Мэрилин же первый и единственный раз в жизни начала было пить. «Дева любви должна смачивать горло», – говорила Мэрилин. Так, потягивая виски, чтобы скрасить одиночество, она перешла от фильма «Веселый парад» к фильму «Семь лет раздумий». Режиссер Билли Уайлдер милостиво согласился с присутствием рядом с Мэрилин Наташи Лайтес.

Джо Ди Маджио, смирившись, проводил время за игрой в покер или бильярд, за рыбной ловлей или за игрой в гольф. Вечерами бывал с приятелями. Он повсюду, спокойно, с видом философа говорил, что женщины – ничто, лучше холодный душ или телевизионная передача. Он заявлял не без юмора: «Ну, допустим, вы сжимаете в объятиях сверток с костями, мясом и шелком – и что это вам дает?». А подвыпив, тыкал пальцем в свои ботинки и хныкающим голосом добавлял: «Опять я чистил их сегодня утром сам!»

Теперь Мэрилин являлась на съемочную площадку с таким же чувством, с каким ходят в школу.

Став звездой, она уже не ждала от своей работы откровения, сюрприза,

спасения, любви. Работа актера перестала быть для нее и проникновением в трепетную тайну будущего. Она стала привычной неприятной обязанностью. Хотя Билли Уайлдер вел себя с ней весьма терпимо, по-отечески, Мэрилин с первой съемки начала все переворачивать вверх дном. Поэтому с каждым днем усиливались насмешки в ее адрес. Она опаздывала. Ни с кем не здоровалась. Без всякого повода приходила в ярость. Ее не устраивала ни одна сцена. Уайлдер никогда не выходил из себя, не старался ее обуздать, принимал ее критические замечания спокойно.

Натурные съемки предполагалось провести в Нью-Йорке в Манхэттене. Ди Маджио против своей воли в конце концов возненавидел Наташу Лайтес и заявил, что поедет в Нью-Йорк, если туда не поедет эта «говорящая пиявка». Мэрилин ответила ему, и уже не в первый раз, что без Наташи она не способна ни на что хорошее... Даже если Наташа и не давала ей полезных указаний, ее присутствие необходимо для Мэрилин, как «ребенку, который не может играть в саду, если рядом нет матери».

Мэрилин появилась на аэродроме в Айдлуайdle в восемь утра в бежевом трикотажном платье, с горжеткой из песка на плече и без чулок. В ответ на аплодисменты зевак и обслуживающего персонала она сказала улыбаясь: «Я только что с постели!». Она шла, раскачиваясь на своих высоких каблуках.

В одном из эпизодов картины она прогуливается со своим поклонником по Лексингтон-авеню. Стояла жаркая августовская ночь. Рядом оказалась вентиляционная решетка метро. Чтобы освежиться, героиня становится на решетку, и, когда проезжает состав, сильное дуновение воздуха высоко поднимает ее юбку. Чтобы избавиться от зевак, Билли Уайлдер решил снимать эту сцену в половине третьего ночи. Он выбрал место перед театром «Транс Люкс» – на улице, обычно безлюдной даже днем. Но, прослышав про съемки с участием Мэрилин и про то, что ее платье по ходу действия будет развеиваться на ветру, сюда глубокой ночью сбежалось тысячи четыре зевак. Толпа любопытных, решивших не упустить такой сенсации, запрудила место съемок.

Большой электрический вентилятор, поставленный возле Мэрилин,

создавал ветерок, задиравший •ей юбки. Съемки этой сцены длились четыре часа, и девяносто четыре раза повторялось одно и то же. Каждый раз толпа вопила, и каждый раз Мэрилин бессмысленно смеялась. И каждый раз Билли Уайлдер, словно ангел, не теряющий надежды на пришествие судного дня, сладким голосом призывал в рупор толпу к спокойствию. Как раз в момент, когда заработала камера, в конце улицы возник пожар, к которому рекламные агенты «Фокс» были непричастны. Огонь полыхал вовсю. Пожарники усиленно сигналили клаксонами, а затем пустили в ход брандспойты. Уайлдер что-то шептал. Юбка Мэрилин развевалась от ветра. Толпа гудела.

Джо Ди Маджио приехал в Нью-Йорк еще накануне. Он не смог противостоять уговорам известного журналиста, назначившего ему по телефону свидание в его излюбленном ресторане Шора. Уинчелл расспрашивал Ди Маджио. Он хотел подробнее узнать о его супружеской жизни. Только владение бейсбольной битой давало робкому Джо, отпрыску бедной семьи, не блиставшему умом, чувство достоинства. Одинокому мальчику, над которым смеялись в классе и на улице, подростку, страдавшему от отсутствия культуры, наконец удалось вызвать восхищение, потому что он умел бросать мяч. Таким путем он обеспечил свое положение и завоевал уважение себе подобных.

Итак, в тот вечер этот здоровяк с неизменной жалкой улыбкой согласился последовать за известным Уолтером Уинчелом на Лексингтон-авеню и посмотреть, что же там происходит. В конце концов, Мэрилин была его женой, как напомнил Уинчел.

Прежде всего Джо увидел мятущиеся по улице лучи прожекторов. Они создавали впечатление катастрофы, как бывало во Фриско, когда какая-нибудь лодка терпела бедствие в открытом море напротив Причала рыбаков и ее искали прожектора. Он увидел также железные лестницы, сохранившиеся в некоторых кварталах Нью-Йорка на случай пожаров. И толпу – толпу, трясущуюся от непристойного раскатистого смеха. Джо сжал кулаки. Он не мог смеяться вместе с другими над тем, что у этой женщины каждые три минуты задиралась юбка, не мог притворяться, что не знает ее: ведь это была его жена.

Всеобщий смех придал ему решимость.

Он задвигал локтями и вытащил из карманов свои карикатурно огромные руки. Его шаги отдавались по тротуару, как падение пушечных ядер. Он почувствовал себя снова ребенком, над которым все насмеваются, который слишком рано вырос, путешественником, потерявшим дорогу.

В ту ночь Мэрилин заставила его впасть в детство в буквальном и трагическом смысле слова.

Чуть слышно, нечленораздельно простившись, он скрылся, подгоняемый порывом ветра, поднимавшего в очередной раз юбку Мэрилин под всеобщий хохот толпы.

* * *

Развод состоялся 7 октября 1954 года. Мэрилин Монро была в черном шелковом вечернем платье с глубоким вырезом. Джо Ди Маджио сопровождал управляющий его рестораном в Сан-Франциско. Покидая мирового судью в Санта Моника, Джо заявил осаждавшим его журналистам, что намерен уехать, чтобы заниматься своим давно запущенным садом, и удалился в своем траурном кадиллаке. Что до Мэрилин, то она, тоже в кадиллаке, вернулась к себе переодеться.

Беспечные и циничные, шпионящие и равнодушные репортеры следовали за ней по пятам. Они ждали случая, чтобы взять ее под обстрел своими неизменными и пустыми вопросами.

Мэрилин натянула джинсы и распустила волосы.

Газетчики заметили, как она отшвырнула лежавшую на веранде забытую Ди Маджио спортивную сумку с клюшками для гольфа – все с позолоченными ручками. Потом зашагала по дворику, закрыв лицо руками и сотрясаясь от рыданий. Она плакала в опустевшем коттедже так же горько, как тогда, когда здесь был Джо, который мешал ей это делать. Она вновь повесила на стену портреты Авраама

Линкольна, Достоевского, Артура Миллера и Наташи Лайтес, которые

однажды в порыве гнева Джо сорвал и запер на ключ в ящик. Он считал их всех своими соперниками.

Голливудские сплетники были вне себя от того, что не только не сумели предвидеть столь шумевшего развода, но даже после разговора по телефону с Мэрилин неоднократно опровергали подобные слухи. Она их вводила в заблуждение, отвечая равнодушным голосом: «Джо играет дома в покер» или «Сегодня вечером мы ужинаем вдвоем при свечах, с хорошими французскими винами». Сплетники не могли простить подобного обмана.

Они организовали успех Мэрилин на страницах светской хроники; они могли тем же способом и уничтожить ее. Луэлла Парсонс, в частности, неоднократно хвалилась, что Мэрилин для нее все равно что родная дочь. Накануне развода она заверяла, что семейная размолвка между Монро и Ди Маджио – это слух, распространяемый злобствующими элементами и лишенный всякого основания. В доказательство она давала руку на отсечение. Поскольку рука была отсечена, она собиралась теперь нанести неблагодарной Мэрилин смертельный удар культей.

Светские ворожеи решили объединиться против «бездарной потаскухи», злоупотреблявшей своим положением в Голливуде. Журналисты продолжали наблюдать за домом 508 на Палмер-драйв. Адвокат, оформлявший развод, считался в Лос-Анджелесе специалистом по криминальным делам.

Кумушки начали судачить, что Мэрилин привлекла специалиста по преступлениям, связанным с наркотиками, не иначе как с целью раздуть даровую рекламу, какой оказалось для нее это событие. Поговаривали также, что фильм с участием Мэрилин Монро, который выходит на экраны, ничего собой не представляет. Какой еще неприличный трюк придумает она, чтобы удержаться на волне успеха?

Лишь один человек, казалось, радовался этому разводу – Наташа Лайтес. Каждому, кто ее расспрашивал, она отвечала: «Мне давно все это надоело! Из-за Джо стол превратился в ринг, а кровать – в больничную койку».

Впрочем, с этим разводом для Мэрилин почти ничто не изменилось. За

девять месяцев, что она была замужем за Джо, он двести семнадцать ночей провел на первом этаже перед телевизором, а Мэрилин тем временем тщетно пыталась заснуть на втором в своей слишком широкой постели.

Спустя несколько дней журналисты, оцепившие коттедж в ожидании сенсационных событий, покинули свой наблюдательный пункт. Повредив розы, они набросали вокруг мирного гнездышка любви пустые бутылки и окурки. Кончился праздник для импровизированных туристов. Обивая пороги, копаясь в душах тех, кто приобрел известность, они обрушили на Мэрилин град вопросов, но так и не поняли главного. Не поняли, что Мэрилин наняла для развода адвоката-криминалиста, потому что испытывала чувство вины, выставляя себя напоказ ночью на Лексингтон-авеню, и Джо бросал ее как виновную...

За то, что она подняла юбку на тротуаре Нью-Йорка перед четырехтысячной публикой, она опять была осуждена на одиночество. Она начала уже отбывать свое наказание. Конечно, она и раньше систематически принимала снотворное, но все-таки, когда, лежа в постели, она звала Джо, тот прибегал, как верный пес.

* * *

Мэрилин снова сменила квартиру в надежде избавиться от своей меланхолии и душевного беспокойства. Но она просчиталась. Эти тягостные чувства не оставляли ее и в роскошном двухэтажном особняке на углу авеню Лонгпре и Харпер, близ Сансет-Стрип. Она расставила тут свои трудные для понимания книги, громоздкие сушилки и многочисленные флаконы.

Вечером она бродила по бульвару Сансет. Она снова заходила в «Швабадеро», заказывала, как когда-то, кефир. Перелистывала журналы. Но теперь на обложке было ее фото. Значит, она одержала победу. И все же ее одолевала смертельная тоска.

Фильм Уайлдера был закончен. В Лос-Анджелесе, как всегда, стояла жаркая погода. Птицы никогда не покидали здешних мест, и растительность не

обновлялась. Приходилось выносить это нещадное солнце.

Желая отпраздновать завершение работы над фильмом, Фельдман из агентства, представлявшего интересы Мэрилин, устроил в ее честь вечер «У Романова». Пришли все боссы и звезды кино. Они принимали Мэрилин Монро как хорошенькую младшую сестру.

На сей раз она явилась без опоздания, благоразумно одетая, как молодая вдова, в черный тюль, без откровенного декольте. Она хотела походить на других женщин и изображала свеженькую, веселую американку.

* * *

После банкета «У Романова» Мэрилин зажила спокойно. Она бродила по улицам, паркам и дому так, словно, распроставшись с прошлым, хотела лучше понять жизнь, прежде чем вернуться к ней снова. Она уже не торопилась поглощать еду, а ложась спать, не впадала в отчаяние от страха, что скоро рассвет. Она не снималась в фильме. Не расточала силы на ссоры с супругом, который каждый день просил ее позволить ему еще раз попытаться счастья, то есть все начать сначала, – такая отсрочка неизменно оборачивалась против Мэрилин.

Она не желала больше такого брака, когда в муже видишь противника. Она открыла для себя удовольствие просто легко дышать, когда ни беспокойство, ни сожаления, ни сведение счетов и никакие другие раздражители не омрачают прилива радости.

Этот период раздумья, благотворного переучета сил. этот итог, предшествовавший вступлению в новую жизнь, это перемирие, заключенное где-то в глубине души с самым вредным в себе, длилось ровно пять недель – период между банкетом «У Романова», на который Мэрилин явилась без опоздания, не дав повода себя оговорить, и прибытием визитера из Нью-Йорка, посетившего ее 16 ноября 1954 года.

То был фотограф Милтон Грин. Он всегда носил с собой трубку, которая иногда начинала скрипеть у него в зубах, – это означало, что он задумался. На

лице его дежурила своеобразная улыбка, скорее оскал. Это означало, что его, мол, не проведешь, он не поддастся на удочку и иену себе знает. Он был всегда болтливым, улыбающимся, деятельным.

Мэрилин познакомилась с Милтоном Грином ровно год назад. Он работал фотокорреспондентом в журнале «Лук». 17 ноября 1953 года в журнале были опубликованы сделанные им фотографии Мэрилин. С того дня Грин вообразил себя гением. Ему было тридцать два года. Он постоянно, словно пропуск, вынимал из карманов сделанные им фото – Мэрилин в толстом свитере с гитарой, прикрывающей живот, или Мэрилин в черном платье на черном фоне. Он не расставался в эти дни с этими снимками, словно день, когда он их сделал, был днем рождения Мэрилин. Он утверждал, что именно он вознес ее. Прослышав о разводе Мэрилин с Джо Ди Маджио, он подскочил, как если бы он был соблазнителем-авантюристом, держащимся начеку, чтобы в надлежащий момент явиться за вожаделенной добычей.

Но Милтон Грин не собирался соблазнять Мэрилин. У него были другие планы. Он видел в Мэрилин не женщину, а курицу, несущую золотые яйца. Отныне она должна нестись под его присмотром. Грин критиковал альбом «Немых фотографий» Мэрилин, но главное – разговаривал «гипнотизирующим интеллектуальным языком», которому актриса внимала с благоговением, так как ее привлекало все необычное. Для нее это был язык священный, язык избранных, дававший ей надежду разом перестать быть «несерьезной» и превратиться в «человека понимающего».

Год назад, когда тщеславный фотограф затягивал сеанс позирования только для того, чтобы подольше держать Мэрилин в своей власти, актриса пожаловалась ему на Занука, который упорно заставлял ее играть идиоток, выставляющих напоказ «ножки и все прочее». Милтон Грин, выдававший себя иногда за служителя чистого искусства, не пропустил этих слов мимо ушей. Он вскричал; «Вы настолько известны, что можете играть роли по своему выбору. Например, героинь Достоевского, без всяких там «розовых трико». Она восхищенно захлопала в ладоши, как маленький ребенок. Тогда Грин добавил,

что все боссы кино похожи друг на друга, они ни в чем не разбираются и проворачивают большие дела по воле случая, а их «гуманность» сродни гуманности Луи Б. Майера из «Метро – Голдвин – Майер». Однажды к нему в кабинет вошел Роберт Тейлор и категорически потребовал повышения гонорара. Он вышел от Майера со слезами на глазах. «Вы своего добились?» – спросили Роберта Тейлора. «Нет, ничего не вышло, но он сказал, что хотел бы иметь такого сына, как я».

Грин сказал, что приехал для переговоров о задуманном им альбоме «звуковых» фотографий Мэрилин. Однако это был только предлог. На самом деле, когда Мэрилин приняла его, он без обиняков перешел к сути мучившей его проблемы, прибегнув к «психологическому воздействию».

– В чем вам предлагают сниматься в настоящий момент, Мэрилин?

– В «Бунгало для женщин»!

– Это история Мэми Стоуэр, потаскухи, жалкой неудачницы в Голливуде, разбогатевшей на Гавайях, где она продается американским солдатам? Неужели вы согласитесь сниматься в этом позорном фильме?

– Конечно, нет!.. Но им всегда удается меня уговорить... Понимаете, Милтон, кончается тем, что я соглашаюсь не из-за денег... а чтобы не одолела скука, чтобы не быть одной... И еще потому, что, говорят, работа – лучшее лекарство от ипохондрии... а поскольку ничего другого делать я не умею...

– Вы должны порвать с Голливудом, – сказал Милтон Грин. – Вы могли бы работать... не связывая себя с этими шакалами. Помните слова Гарри Кона, босса «Коламбии»: Кино не бизнес, а рэкет». Вы не должны участвовать в рэжете! Сейчас подходящий момент уйти... Сегодня вы еще фигура, понимаете?!

Грин вынул изо рта трубку и раскрыл свои карты. У него был наготове целый план. Речь шла не об альбоме звуковых фотографий кинозвезды, а о всем ее будущем – ясном, безупречном, огромном...

– Вы станете интеллектуалом в обществе таких же интеллектуалов, – сказал Грин.

Эта формулировка убедила Мэрилин, и он добился ее согласия. Наконец-то, добавил он, вы ощутите радость творчества. Продолжая играть бесцветных персонажей, похожих друг на друга, неинтересных, вы подписали бы свой смертный приговор. Занук и ему подобные – это торговцы пленкой, эксплуатирующие кинозвезд, а никакие не творцы и не знатоки человеческих душ.

Мэрилин смеялась и плакала.

– Человеческое достоинство, – сказал в заключении Грин, – обязывает нас жить в согласии с самими собой. Горе тем, кто идет на уступки из-за своего бессилия, по расчету или из-за отвращения. Они расплачиваются за эти уступки собственной плотью и кровью.

Мэрилин постепенно уступала этому словесному натиску, поддаваясь льстивым комплиментам ее уму. Пока Грин излагал свой проект, она уже начала рисовать себе шестиэтажное учреждение – сплошь из железобетона – «Монро продакшнз». Эра сиротки Джин Бэйкер заканчивалась. Ее фирма начнет как равная соперничать с другими, самыми крупными – «РКО», «Метро – Голдвин – Майер», «XX век – Фокс». Она не была больше одинокой женщиной в затруднительном положении. Она вся была поглощена той разумной, многосторонней, бурной деятельностью, которая закипит на шести этажах ее фирмы. Она уже не была просто Мэрилин. Она была президентом – генеральным директором административного совета «Монро инкорпорейтед». Она станет отдавать распоряжения подписывать чеки, выбирать, в каких фильмах ей сниматься... Она привлечет к работе самых крупных писателей, здравствующих и усопших. Она освоит наконец свою профессию, чтобы подняться до уровня Гарбо, а не оставаться фальсифицированной Монро.

– А что, если Занук, не согласится пересмотреть условия контракта?

– Что ж, – сказал Грин, – *мы не будем сниматься три с половиной года, пока не истечет срок вашего контракта.*

– Он, Занук, может принять такой вызов. Он-то продержится. А вот я?.. На что стану я жить это время, чем буду платить за квартиру? – спросила она

прерывающимся голосом, с расширившимися от волнения глазами. – *Чем я расплачусь за квартиру?*

Грин просиял, – настал момент, когда он нанесет последний удар этой очаровательной, трагичной, наивной Мэрилин. Грин аккуратно положил трубку в пепельницу и наставительно сказал:

– Вы с полным доверием можете подписать бумаги, которые я подготовил. В одном из документов сказано, что я, Милтон Грин, обязуюсь обеспечивать ваше существование до истечения срока контракта, связывающего вас с «Фокс». Я обязуюсь оплачивать вашу квартиру, питание, туалеты и даже косметический кабинет.

Она расплакалась от радости в его братских объятиях. У нее было такое чувство, будто она вновь обрела – и очень скоро после бегства Ди Маджио – столь желанный семейный очаг.

* * *

Мэрилин начала все чаще выходить по вечерам в общество, она тащила за собой и Милтона Грина, бумаги которого она все еще не подписала, – он стал для нее верным рыцарем, будто она покорила не опытного дельца, а умного ухажера, для которого она была незаменимой.

Она одаривала чаевыми метрдотелей, швейцаров, посыльных, чтобы своими расшаркиваниями и улыбками они придавали ее жизни видимость значимости, в которую ей так хотелось верить. А по утрам ее слава ускользала от нее так же, как и деньги. Снова наступал день, который был для нее ненавистным, потому что днем никто ни на кого не обращает внимания, нет больше ни вина, ни музыки, ни руки, на которую можно опереться. При мерцающем свете зари ей случалось видеть нищего, обшаривающего мусорные ящики. Он листал раскопанный среди отбросов свежий номер журнала и гладил толстыми потрескавшимися пальцами женское фото.

Рестораны «Чирос», «Мокамбо», «Крещендо» закрывали свои двери. Короли ночи становились обездоленными днем. Каждому из них приходилось

опять влезать в свою шкуру, возвращаться к стихийному бедствию – ко сну, обязанностям, еде – к жизни.

Грин, оставивший жену в Нью-Йорке, звонил ей в течение всей ночи, из каждого ресторана, чтобы успокоить ее, приглушить ревность, сообщить, что дело «зреет», что Мэрилин для него не женщина, а самая потрясающая статья дохода, о какой только можно мечтать. Он твердил, что каждая ночь, проведенная где-нибудь с Мэрилин, приближала их – миссис Грин и мистера Грина – к великому дню.

Тем временем «Веселый парад» вышел на экран, критики, авторы светской хроники и сплетники неистовствовали. Мэрилин открыто критиковали, ее обвиняли в вульгарности и неразборчивости, ее бедра, бюст, походка тоже вызывали упрек. Критиковали бессодержательность фильма, в котором она согласилась сниматься, безнравственность героини, в образ которой она перевоплотилась с такой легкостью.

Именно это и послужило толчком, заставившим Мэрилин принять решение выбрать бегство. Все они тысячу раз правы: она мерзкая, она должна спрятаться, сгинуть, она виновата, она должна искупить свою вину. Решение, с которым она не могла бы согласиться, рассуждая спокойно, было принято ею в состоянии душевного кризиса. Раз ее не любили, она не может больше любить себя. Ей не оставалось ничего иного, как тотчас же ухватиться за протянутую руку и слепо последовать туда, куда ее поведут, не раздумывая. Она подписала бумаги.

Милтон заехал за ней поздно вечером, чтобы не привлечь внимания. Как злоумышленники, добрались они до международного аэродрома в Лос-Анджелесе. Эту пару можно было принять за убегающих любовников – совращенная девушка, ступающая нетвердой походкой, молчаливый и взволнованный возлюбленный. «Итак, Мэрилин, вам предстоит одной свершить то, что в 1919 году, объединившись, сделали большие актеры, – избавиться от губительного влияния студий. Так Чарльз Чаплин, Мэри Пикфорд, Дуглас Фербэнкс и знаменитый режиссер Гриффит создали свою

собственную кинокомпанию «Юнайтед артистс». Разве вы не поступаете так же, как они, в этом новом, 1955 году? Вы идете по стопам великих».

Мэрилин соглашалась со всеми его доводами, вздыхала, хныкала или заливалась смехом. Она надела черный парик, черное платье, черные очки. Она добровольно состарила себя. Она не ощущала больше своего тела, не ощущала ничего, кроме работы мозга.

– Я назовусь Зельдой Лихтенштейн, – неожиданно заявила она. И добавила: – Правда, так будет благоразумнее?

– Почему Зельдой?

– Зельдой звали жену Скотта Фицджеральда. В своем безумном воображении она создала себе крошечное королевство. Возвращаясь ночью домой, пьяная, она залезла на уличный фонарь, как мартышка, затерявшаяся в мире людей.

– А почему Лихтенштейн?

– Это самое маленькое государство в мире. И я тоже стану маленьким государством. Тогда мое имя будет хоть как-то оправдано.

В аэропорту Айлдуайлд, близ Нью-Йорка, их встретила торжествующая миссис Грин. Она прикидывалась школьницей-шалуньей, конский хвост, вздернутый носик, детское подпрыгивание при выражении восторга. На кудахтанье Мэрилин она отвечала своим кудахтаньем, но не таким же естественным, а заученным. Надо было приручить редкую птицу.

Грины улыбались так же блаженно и обезоруживающе, как и их семимесячный младенец Джош. Перед Мэрилин предстала картина безоблачного семейного счастья, о каком она так мечтала сама. Ничего, кроме очаровательного ребячества! Опьяненные жизнью родители казались такими же глупенькими, нетвердо стоящими на ногах, как и крошка Джош. Мэрилин в ее экзальтированном состоянии и в голову не приходило, что все это показное и притом временное. Грины еще не надели свои боевые доспехи.

На следующий день после «интеллектуального умыкания» Голливуд еще не знал, где скрывалась Мэрилин, но адвокаты, работавшие на Грина, уже

начали закидывать удочку. Они заявили, что очень скоро в жизни Мэрилин произойдет метаморфоза, что в ее карьере совершается настоящий переворот, что ее не увидят больше в роли легкомысленной очаровательной простушки и она наконец вступит в ранг настоящей кинозвезды. Одно время даже опасались, как бы какой-то «подпольный» хирург-косметолог не уговорил Мэрилин сделать пластическую операцию, чтобы придать ее священному лицу другой вид. Но Мэрилин вверяла Гринам вовсе не лицо, она вверяла душу, открываясь им с полным доверием, жадно порываясь ко всему трио Гринов – чистенькому Милтону, его жене, прикидывающейся девочкой, и их малышу, прелести которого усердно подчеркивались, так как и он участвовал в операции шантажа и захвата звезды из чистого золота.

Грины упрятали Мэрилин на первом этаже в комнате для прислуги, где никому и в голову бы не пришло ее искать. Она открывала дверь только на условный стук. Мэрилин нравилась эта детская игра. Ее комната называлась очень странно – «сиреневой» – по цвету стен. Мэрилин чувствовала себя в этой приятной тюрьме превосходно. Она была покорным призраком, во всем слушавшимся своих хозяев.

Их дом находился близ Уэстона, в Коннектикуте, и, собственно говоря, представлял собой искусно перестроенный сарай. Когда собирались гости – друзья Грина, они и не подозревали, что Мэрилин Монро находилась здесь, в двух шагах от них. Во время их визитов, частых в уик-энд, Мэрилин, совершенно обессиленная, любезно – «для собственного блага» – позволяла просто-напросто запирать себя на ключ. И пока гости, оккупировав весь дом, смеялись, пили, веселились, Мэрилин должна была сидеть в сиреневой комнате, боясь пошевелиться, чтобы не обнаружить своего присутствия.

Милтон Грин пришел к убеждению, что, коль скоро всемирно известная актриса так легко подчинилась его безоговорочной власти, значит, богатство ему обеспечено, ведь он считал себя искусственным соблазнителем и одновременно опытным бизнесменом... Ему было и невдомек, что для бывшей приютской девочки из Соутелля решетки на окнах были лучше пустынного

дома с распахнутыми настежь дверьми, где нет ни души.

Занук отказывался реагировать на исчезновение Мэрилин. Занука волновал только Занук. Сначала журналист, потом сценарист, не сумевший добиться признания, он наконец, движимый лишь собственным неистовством, в тридцать три года стал вице-президентом «Фокс». Он велел построить себе кабинет такой же, как у Джорджа Вашингтона, с восточной баней наверху, с акустикой, как в соборе, и потолком, разрисованным фресками, изображавшими его во время охоты на льва, носорога и слона. Он держал свои длинные сигары, словно скипетр, ежечасно обращающийся в пепел; где-то в глубине души он сожалел, что должен рекламировать других, а не собственную персону.

ЛАССО

Заточенная у Гринов, притворно заверявших ее в своей нежной привязанности, Мэрилин Монро, звезда международного класса, великая Мэрилин снова стала оторопелой и послушной сироткой, временно взятой на иждивение семьей, ищущей побочного дохода. Подобно тому как она в детстве, лишенная ласки, называла мамой и папой родителей-кормильцев, рискуя быть за это наказанной, так теперь она считала дорогих Гринов своей семьей: хозяйку дома – сестрой, хозяина – старшим братом, младенца Джоша – своим сыном.

Поцелуи, которыми Мэрилин осыпала Милтона, когда тот возвращался из Нью-Йорка, его ребенка и жену, эта последняя терпела с трудом. С Гринами все было так же, как с родителями-кормильцами близ Лос-Анджелеса двадцать лет назад. Грины тоже вскармливали Мэрилин искусственно и ожидали за это «возмещения», как поступали деклассированные безработные в 30-х годах, принимая в дом лишенного родителей ребенка. Ни те, ни другие не вкладывали в это души.

День представления настал. Адвокат Фрэнк Дилени, помогавший Милтону Грину юридически оформить его махинацию, разработал мизансцену

возвращения Мэрилин на публичную арену. Он пригласил репортеров к себе на коктейль в нью-йоркскую квартиру на 64-й Ист-стрит. То было массовое нашествие любопытных. Дилени произнес речь, все время призывая присутствовавших набраться терпения. Он объявил, что сейчас перед ними предстанет новая Мэрилин. Увлечшись красноречием, новоиспеченный балаганный зазывала добавил, что новая Мэрилин навсегда отбросила тяжеловесную голливудскую мишуру, что отныне она отказывается воплощать фальшивые и вредные образы женщин, добывающих на жизнь своими прелестями. Мэрилин наконец освободилась от опостылевшего ей рабства. Она появится на сцене в полном расцвете своих сил и таланта.

Дилени медленно перешел на другое место, бархатный занавес в глубине комнаты зашуршал, и Мэрилин предстала глазам присутствующих. Мыслящая актриса, мечтающая о серьезных ролях? Нет, все та же, какой ее сформировал Голливуд! Великолепный зверек, выходящий из клетки. Она была затянута в платье из белого сатина. Никогда еще ее грудь не обрисовывалась так подчеркнуто и откровенно. Это было хорошо знакомое тело солдатской мадонны. Губы намалеваны экстравагантно, до неестественности. Волосы по-прежнему прекрасны – «платиновые». Пока взгляды присутствующих были прикованы к идолу толпы, Дилени продолжал декламировать: «Я объявляю вам, леди и джентльмены, о создании кинокомпании «Мэрилин Монро продакшнз», 51% акций – за мисс Монро, а остающиеся 49% – у мистера Милтона Грина». Мэрилин беспрестанно меняла позы и улыбалась, как бы давая ручательство за сделку, но не как бизнесмен, а как сексуальный символ. Она была спокойна. Она больше себе не принадлежала. Занук держал ее контрактом, а Грин держал в клетке. Ничего другого она не требовала.

После этой жалкой церемонии она возвратилась в сиреневую комнату, где пробыла до тех пор, пока Милтон Грин не разрешил ей совершить второй выход, не менее важный, чем первый, и тоже под его полным контролем. Мэрилин должна была участвовать в телепередаче с небезызвестным Эдвардом Морроу, который на глазах у миллионов телезрителей брал интервью у

знаменитых людей. Он подвергал их допросу, приветливо жестикулируя, подмигивая, как сообщник, и вздымая руки вверх, будто защищался от двусмысленных посягательств. При особо каверзном вопросе он нацеливал сигару на сердце того или той, от кого ждал ответа.

Миссис и мистер Грин сопровождали Мэрилин, словно директор и директриса пансиона, давшие согласие продемонстрировать одного из своих питомцев-вундеркиндов, но не выпускающие его из-под контроля.

Интервью было рассчитано на четверть часа. Милтон Грин расположился на съемочной площадке, как хозяин. Он даровал Мэрилин американцам после ее и их длительного поста и требовал благоговейного отношения к себе, беспрекословного следования его советам и указаниям. С вдохновенным видом, перекатывая трубку с одного угла рта в другой, он руководил всем, подправлял освещение, определил место для Мэрилин, для себя и жены. Мэрилин, которую супруги Грин вели с двух сторон под руку, казалась вялой, апатичной. Она улыбалась, как фотомоделль, какой была в начале своей карьеры, когда, обнажив коленки, позировала на обломке потерпевшего крушение корабля. Она сама стала теперь таким обломком. Она ждала указаний и старалась, едва шевелясь, сообразоваться с ними. Потом включили юпитеры, и передача началась. Милтон Грин, зажав в кулаке трубку, горячо представил себя адвокатом духа, выступающим против профессиональных растлителей. Мэрилин Монро, сказал он, читает Бальзака и упивается им. Затем миссис Милтон Грин, насмешливая и желчная, как всякая директриса пансиона, если она видит, что все взоры обращены на ее маленького питомца, без умолку трещала перед телекамерами, как будто поставив себе целью помешать Мэрилин обрести дар речи. С ямочками на щеках и искривленным ртом, Эми Грин выставляла себя напоказ, еще более тщеславная и наглая, чем ее супруг. Казалось, она хотела привлечь на свою сторону публику и доказать ей, как она ошибается, превознося национальную шлюху, а не ее – юную, очаровательную и остроумную молодую американскую мать.

Эми ядовито поносила Голливуд, словно это ее пригласили почетной

гостьей Эдварда Морроу, а Мэрилин сопровождала ее с единственной целью подчеркнуть, до чего умна эта миссис Грин. Обезоруженная Мэрилин продолжала неестественно улыбаться. Все это было совершенно не похоже на выступление звезды. Можно было подумать, что она сама выставляла себя на публичный суд миллионов телезрителей. Голливудцы, хорошо знавшие Мэрилин, ее просто не узнавали. Она была такой покорной и вялой, какой никогда еще не представляла ни перед одним режиссером. Судорожная улыбка искажала рот. Казалось, она выступала перед всем миром тяжелобольная.

После передачи, столь же отвратительной, сколь экстравагантной, прятать Мэрилин в сиреновой комнате уже не было оснований; ее можно было наконец продемонстрировать гостям. И вот они собрались. Мэрилин предстала перед ними такой же оцепеневшей и жалкой, снедаемой страхом, какую они, горестно изумляясь, увидели на телеэкране. Гости Гринов были поражены нерешительностью, непоследовательностью в поведении знаменитой актрисы Эми Грин не переставала откровенно насмехаться над Мэрилин, ставить ей ловушки: «Ведь вы все прочли, вы помните эту книгу?» Мэрилин смущенной краснела, отрицательно качала головой. Эми Грин разоделась, навешала на себя драгоценностей, должно быть, желая принизить Мэрилин, одетую более скромно, доказать гостям, что настоящая звезда – это она, Эми. Она трещала без умолку. Быть может, ее задело поведение Милтона по отношению к Мэрилин – его притворно влюбленные взгляды и деланно почтительные жесты. Быть может, она подумала, что Милтон все же равнодушен к Мэрилин, хотя тот поступал лишь как ловкий делец. Обманщики, дергая своих марионеток за ниточки, рано или поздно спутывают их и запутываются в них сами.

Эми начала обращаться с Мэрилин уже не так как с подругой, а как со служанкой. В присутствии гостей, пришедших ради Мэрилин, она отсылала ее готовить сэндвичи и кофе. Гости с изумлением смотрели, как Мэрилин покорно покидала комнату и возвращалась с подносом, не только не смущенная, а, наоборот, довольная скромным местом, которое ей теперь отвели, и тем, что больше не требуется выказывать хозяевам излишнюю нежность.

* * *

Чтобы окончательно вырвать Мэрилин из Голливуда и превратить в свою беспроектную лошадку, Милтон Грин приступил к третьей фазе операции. Он поселил Мэрилин в отеле «Уолдорф». Он пошел на это не только потому, что кинозвезды обычно жили там. Милтону было важно другое – доказать Зануку, что ему следует поскорее вступить с Грином в переговоры. Мэрилин есть на что продержаться в этой войне на истощение.

Итак, ради успеха «дела» кинозвезду заточили в самый большой отель Нью-Йорка. В голове фотографа прочно укоренилась идея сделать Мэрилин неисчерпаемым источником дохода. Ради этой цели Грин мог пожертвовать жалованьем в журнале «Лук», загородным домом – всем, вплоть до последней соски своего сынишки Джоша. Он отклонял самые выгодные предложения, которые ему все время поступали от Занука. Он хотел все или ничего. Он требовал, чтобы Мэрилин не соглашалась ни на какие компромиссы, все более и более выгодные для нее, но отбрасывающие тщеславного Грина назад, в неизвестность. Мэрилин слушалась его беспрекословно. Она отклонила и последнее предложение Занука – сто тысяч долларов за фильм и право ежегодно сниматься в одном фильме другой студии.

В своем номере «Уолдорфа» Мэрилин занималась лишь одним – на этом Грину настаивать не приходилось, – она наводила красоту, подправляла волосы, наклеивала ресницы, докрывала лаком ногти. Она принимала только парикмахера, массажистку, педикюршу, маникюршу. Им она доверяла свое тело и лицо.

Весной 1955 года Грин преподнес ей новые туалеты. «Фокс» ежегодно терпела убыток в миллион долларов из-за того, что Мэрилин не желала сниматься. За три года убыток должен был составить три миллиона долларов, тогда как Грин за это время потерял бы только жалованье за три года, то есть сто пятьдесят тысяч долларов. Даже если бы «Фокс» упорствовала все три года, Грин понес бы минимальный ущерб. Зато по истечении трех лет он получил бы

за утраченные сто пятьдесят тысяч долларов Мэрилин Монро, в новой славе, и она наверняка бы принесла ему более миллиона долларов в год. Грин заранее потирал руки и трубкой выстукивал на всех столах ритм победного марша.

Несмотря на всю роскошь «Уолдорфа», Мэрилин вновь, как и в начале своей карьеры, впала в расслабленное состояние ожидания. Ее снедала скука. Она опять осталась без занятий и без друзей. Казалось, она снова ждала, чтобы ей выпала удача, но со студий ей уже не звонили. На нее не было даже спроса как на фотомоделю для фривольных фотографий. Прежде она выполняла и такую работу, чтобы заработать на жизнь, и это вынуждало ее хоть немного действовать. Теперь у нее не осталось даже мечты, надежды познать вкус славы. Она снова стала заикаться. Ее, безраздельно владевшую зрителями, ежедневно заполнявшими все кинотеатры Америки, вновь охватила маниакальная мысль найти «свою специальность».

* * *

Как-то на ужине, где она присутствовала, как всегда под опекой Милтона Грина, Мэрилин встретила с Черил Кроуфорд, одной из основательниц Актерской студии. Актеры, прошедшие эту школу, играли как во сне. Они всячески старались казаться на сцене немыми, не владеющими своим дыханием и глупыми. Зато в свободное время они страдали недержанием речи, как под действием особого наркотика.

Они считали себя уже не служителями, а солдатами Искусства. Эта концепция импонировала Мэрилин, в ней, казалось, был какой-то элемент тайны. Мэрилин попросила представить ее Ли Страсбергу, разработавшему этот метод, сутью которого было умение актера впадать в детство.

Ли Страсберг жил по-буржуазному шикарно, в восьми комнатах, которые он загромоздил вещами, чтобы придать своему жилищу отпечаток интеллектуальности. Бархат, мебель, книги – все свидетельствовало о хорошем тоне усталости и разочарованности. Школу Страсберга прошли Джеймс Дин, Марлон Брандо, Пол Ньюман, Монтомери Клифт, Джули Харрис, Шелли

Уинтерс. Он кичился их карьерой.

Это был хилый, небрежно одетый человек с пронырливыми черными глазами, смотревшими на вас так, словно они видели все ваши слабости. Вначале его физиономия отпугнула Мэрилин.

Страсберг заявил Мэрилин, что ему не нравятся ее фильмы. Он всегда прибегал к такому приему: чернил того, кто к нему являлся, чтобы потом вознести до небес и создать у человека такое чувство, будто он всем обязан ему, Страсбергу.

– Я просмотрел все фильмы с вашим участием, мисс Монро, мои друзья настаивали на том, чтобы я их посмотрел. Как правило, я не даю индивидуальных уроков. Но вам, возможно... Я попытаюсь разобраться в том, что в вас происходит. Мы будем искать, будем искать вместе. Быть может, нам повезет, и мы добьемся результата, потому что вам надо много, много учиться...

Он был еще навязчивее, еще непримиримее в мелочах, еще более властным, чем Наташа Лайтес. Впрочем, у него, как и у нее, был один и тот же комплекс: отвергаемые людьми из-за их внешности, недостатка теплоты и сердечности, они решили превратиться из обвиняемых в судей, пусть маленьких. И чтобы укрепиться в чувстве собственной значимости, им нужно было иметь под рукой кукол, живых марионеток, актеров – учеников и учениц.

Ли Страсберг похлопал Мэрилин по плечу с фамильярной серьезностью прелата.

– Значит, во второй половине дня по средам и пятницам, – сказал он.

Мэрилин сразу же пришла в восторг от терминологии Актерской студии: сосредоточенность, контакт, подгонка, оправданность, одиночество на людях... Чтобы научить своих последователей обращать на себя внимание, Ли Страсберг разработал несколько приемов. Например, вскакивать обеими ногами сразу на табуретку, распевая при этом во все горло. Еще он любил закричать, а его ученики должны были представить себе в связи с этим целую историю. Он дрессировал их, заставляя сжимать челюсти, вызывать судороги шеи, таращить глаза.

Когда Билли Уайлдер, самый глубокий, самый пылкий и обаятельный из современных режиссеров, узнал, что Мэрилин Монро попала в вертеп Ли Страсберга, он заявил: «Какой бред! У Страсберга обучение актерскому мастерству заключается в том, чтобы во что бы то ни стало изуродовать себя, несомненно по образу и подобию учителя, и тем самым актер перестал стыдиться за тех, кто его окружает. А главное правило этой школы, на мой взгляд, сводится к следующему: когда в комнате стоит с полдюжины стульев, надо садиться на пол».

Мэрилин сошла со своего трона мировой кинозвезды и уселась на пол...

* * *

Теперь она посещала галереи абстрактной живописи, выводила каракулями стихи о шоферах такси, присутствовала на сборищах у Страсберга, где шли нескончаемые споры о социальном и антисоциальном, деятельности и бездействии. Она неизменно носила черные бархатные брюки и белую кофточку. Она называла себя счастливой, потому что теперь ее мозг работал как маятник, а желудок сократился до размеров пудреницы. Она уже перестала быть обнаженной девушкой из календаря и даже международной кинозвездой, машиной, фабрикующей наслаждения для самого широкого зрителя и деньги для нескольких продюсеров. За какие-нибудь месяцы она осунулась и исхудала, и как от актрисы от нее остался только скелет. Она ожидала, что учитель оденет его плотью и вернет ей жизнь.

На одном из таких кликушеских сборищ у Страсберга Мэрилин стояла в стороне от всех окружающих в простом белом платье, прислонясь к стене, и тянула апельсиновый сок. О чем она размышляла – неизвестно. Похоже, ей удалось обособиться, не привлекать к себе взглядов, оставаться незамеченной. Среди этих людей, как правило безвестных, но с большим самомнением, она наконец стала никем. Она снова была одна.

Тут она увидела, что к ней приближается тот, о ком она уже перестала и думать, – Артур Миллер. Он был своим человеком у Страсбергов, поскольку

дружил с Элиа Казаном, одним из адептов Актерской студии. Мэрилин стояла как пригвожденная к месту. Она так оторопела, что не знала, как вести себя с человеком, которому столько времени безответно (ведь в ту пору она была актрисой без имени), непрерывно звонила по телефону, чью вырезанную из какого-то журнала фотографию повесила у изголовья. Тогда Артур Миллер легко отделался от нее, вручив ей бесценный подарок – «рекомендательный список литературы».

Теперь драматург работал над пьесой «Вид с моста». Он забрел сюда, чтобы слегка рассеяться. Этот робкий, всегда избегающий компании человек, столь упорный в работе, при случае мог развлекать дам. Он попытался заставить Мэрилин стать разговорчивей. Но от нервного возбуждения усилия Мэрилин показаться Миллеру веселой выливались в застенчивое хихиканье.

В такие моменты он обретал – как и в тот вечер рядом с Мэрилин – смелость робких, настойчивость мужчины, который все равно вернется прямо к себе домой, который всегда упускает свою единственную в жизни, и еще десять, и тридцать женщин. Он оживленно болтал с Мэрилин, стоя возле стены, к которой она прислонилась, и его сверлила навязчивая, себялюбивая и мальчишеская мысль, что он мог бы увести ее за собой хоть сейчас. После стольких лет упорного молчания, после того, как он оттолкнул ее от себя, он может сейчас также без особых церемоний привлечь ее к себе, просто потому, что у него нашлось для этого время.

* * *

Две недели спустя после встречи у Страсбергов с Мэрилин, теперь уже не со «звездочкой», а звездой мировой известности, но все столь же неприметной и робкой, как безвестная дебютантка, Артур Миллер позвонил Пауле Страсберг, жене Ли, и спросил телефон Мэрилин, которого он не нашел в справочнике.

Паула Страсберг была безмерно счастлива сообщить ее номер Миллеру – интриги были ее стихией. Пока муж превращал актеров в медиумов, требуя,

чтобы они все затаивали в себе, держали в уме, словно заговорщики, Паула, смешно вырядившись либо кумушкой-полячкой, либо лыжницей-финкой, разыгрывала из себя значительную и всем довольную персону, женщину, у которой есть время позаботиться о счастье и других людей.

Артур Миллер позвонил Мэрилин Монро, как будто он решился наконец, с опозданием в несколько лет, ответить на ее телефонные звонки. Он назначил ей встречу у Нормана Ростена, одного из своих приятелей журналистов. У Мэрилин все было «в порядке»: дважды разведена – 2 октября 1946 года с Джимом Доуэрти и год назад – с Ди Маджио. Последний, привыкнув, что Мэрилин по меньшей мере раз десять на дню захлопывает перед его носом дверь, а потом мирится, не переставал теперь докучать ей чуть ли не ежедневными звонками и мольбами о свидании. Он засыпал ее букетами. Он никак не мог примириться с разводом, после которого его жизнь стала легче... и скучнее. Он никак не мог осознать, что удар по столу деревянного молотка судьбы положил конец комедии. Пусть Мэрилин его ни во что не ставила, целыми днями не обращалась к нему ни с единым словом – теперь ему недоставало этой пытки. И потом, она доставляла ему пьянящий, будоражащий запах славы. Ради такого допинга он был готов сносить выходки Мэрилин.

Теперь неотвязные звонки Миллера и Ди Маджио перемежались. Выплыл из забвения даже Джим Доуэрти. Его, полицейского агента в Ван Наисе, пригороде Лос-Анджелеса, женатого, отца троих дочерей, разыскал некий журналист. Джим сохранил о Мэрилин не весьма приятное «обонятельное» воспоминание: вечно у нее пригорала морковь.

Артур Миллер все еще был женат на Мэри Слаттери, подруге трудных лет, той, которая работала, чтобы дать ему возможность не поступать на службу, а терпеливо и с большим трудом написать первые стоящие пьесы «Смерть коммивояжера» и «Все мои сыновья».

1 июня 1955 года в нью-йоркском кинотеатре «Лью» состоялась премьера последнего фильма с участием Мэрилин Монро «Семь лет раздумий». Тщетно Ди Маджио просил разрешения быть на премьере возле нее. Он просто умирал

от тоски! В честь своей бывшей жены он заказал ужин в ресторане Шора. А Артур Миллер ждал ее у Ростенов. Покончив с ужином Ди Маджио, она помчалась на свидание с Миллером.

У Ростенов Миллер и Мэрилин вели себя очень чопорно, они смущались. Здесь не было Ли Страсберга, который мог бы дирижировать этим балетом глухонемых.

Мэрилин многие годы испытывала такой духовный голод, что готова была часами оставаться рядом с писателем, слушать его речи. А он, польщенный, растроганный, осмелев от внимания и почтительности, проявляемых к нему сексуальным символом Америки, был неистощимо красноречив.

Она хотела все понять. У нее было ощущение, что в жизни возможно лишь одно или другое – либо ясность ума, либо смерть. И вот она хотела получить у Миллера ключ к тому, что происходит в душах людей, чтобы рассеять мрак в своей собственной душе.

Для Артура Миллера Мэрилин Монро была теперь девой красоты, которую вся Америка мечтала заключить в свои объятия. Он видел в ней только то, что бросалось в глаза. Благоговейное внимание, которое ему оказывала Мэрилин, он толковал как женское обожание. Наконец-то, хоть раз в жизни, он может быть уверен – увы, каждому прославленному интеллектуалу нужна такая вера, – что и он также может быть Дон-Жуаном, способным покорять женщин не умом, а своей внешностью.

Жена, дочь шестнадцати лет и двенадцатилетний сын не были ему ни помехой, ни радостью, помехи и радости он знал только перед листом бумаги, который ему предстояло исписать. Скаковая лошадь тоже не видит ничего, кроме скаковой дорожки. Мэри Слаттери предложила Миллеру свое сердце, тело и жалованье, чтобы он мог, ни о чем не беспокоясь, писать, как валит деревья одержимый дровосек, – по пьесе каждые три недели. Миллер согласился с присутствием этой женщины. Мэри Слаттери – это означало столько-то долларов, которые в свою очередь означают столько-то написанных

страниц.

Семья Миллера не приняла великодушную Мэри, потому что Мэри была католичкой. Сам Миллер в Бога не верил, но он разлюбил Мэри, если вообще когда-либо любил ее, поскольку в его глазах она была виновата перед ним. Во-первых, она, будучи католичкой, разобщила его с матерью, фанатически верующей еврейкой, во-вторых, она его кормила, содержала его, опекала, оскорбив тем самым его мужское достоинство. Он был вроде как домашняя хозяйка, в то время как она, женщина, уходила на работу, обеспечивая ему материальные условия для творчества.

С Мэрилин Монро он вновь обретал свое мужское достоинство. Более того, он брал реванш за то прошлое, когда он был одинок, много трудился и спасался бегством от женщин, чтобы они не помешали ему вознестись, и не тянули его на грешную землю.

Америка наградила его премией критиков, премией Пулитцера; заполучив Мэрилин Монро, он как бы получал Нобелевскую премию особого рода, выплачиваемую женским телом. Ему как мужчине будут завидовать во всей Америке, во всем мире!

* * *

Лето 1955 года. Артур Миллер все еще не решался порвать с Мэри. Он хотел бы соединиться с Мэрилин, не потратив ни цента, так как финансовое положение актрисы вызывало у него сомнения. Его, кто еще не оплатил ни одного ресторанного счета, всегда экономил и как из бережливости, так и из заботы о здоровье собственноручно мастерил себе стулья, стол, чинил крышу, копал грядки, ухаживал за садом и ремонтировал водопровод, страшила мысль о том, чтобы снять квартиру «в соответствии с положением в обществе». Поэтому он считал более целесообразным встречаться с Мэрилин в уик-энды у Гринов в Уэстоне, штате Коннектикут, где неподалеку находился и его загородный дом в Роксбюри.

Грин был в восторге от внимания Артура Миллера к Мэрилин, курил ему

фимиам и охотно потакал их встречам. Они были дополнительным рекламным козырем в затеянной им махинации. Он с напряжением и радостью предвкушал капитуляцию «Фокс», которая сделает ему выгодное предложение, чтобы выкупить Мэрилин и вернуть свою блудную дочь. Из дома Милтона Грина в Коннектикуте, где его принимали как знатного вельможу, Миллер перебирался с той же сладостной беззаботностью и с той же экономией средств в дом Ростенов в Порт Джефферсон на Лонг-Айленде. Он завершал маршрут в шале Страсбергов на Фью-Айленде, где его всегда принимали как принца. Всем доставляла удовольствие атмосфера таинственности, которой Миллер окутывал свою связь с Мэрилин.

Мэрилин очень нравились эти переезды, перешептывания, заговорщические *tete-a-tete*, безмолвные объятия, льстившие ее ребяческому, романтическому уму, доносившие до нее дуновение неизвестности, весточку с земли, где она сможет начать новую жизнь, в которой познает себя до конца.

В этой атмосфере внутреннего праздника Артур Миллер ждал осени, когда начинались репетиции его пьесы «Вид с моста». Мэрилин давно уже жила не в «Уолдорфе», а на Саттон-плейс, 2, так как Грин считал благоразумным прекратить свою дорогостоящую «операцию роскошь», проводимую с целью добиться капитуляции Занука. Миллер никогда не появлялся с Мэрилин в обществе. Актер Эли Уоллах, его преданный друг, с его лицом-маской, которой вдруг вздумалось гримасничать, и неиссякаемым запасом непристойных слов, служил им надежной ширмой. Он и его жена ехали с Мэрилин туда, где у нее была встреча с Миллером, а потом провожали ее домой. При этом Уоллах получал полное удовлетворение: он оказывал услугу своему закадычному другу Миллеру и дурачил репортеров скандальной хроники. Наконец-то о нем заговорили – такая честь ему еще не выпадала, так как актер он был истеричный и однообразный. При своих внешних данных он подходил только на амплуа элодея. В конце концов он так вжился в эту роль, что играл ее не только на экране, но и в жизни, потому что, становясь самим собой, оказывался пустым и бессодержательным.

Миллер наслаждался идиллией – он избежал необходимости раскошелиться на оплату расходов по экстравагантной жизни Мэрилин и либо покинуть свою волчью берлогу, либо впустить туда постороннего. Эти расчеты, игра в прятки на глазах у всех свидетельствовали о том, что встреча с Мэрилин Монро – кинозвездой и сексуальным символом Америки – породила в его сознании величайшую путаницу. Миллер воображал, что любит ее, тогда как на самом деле испытывал лишь чувство гордости – мужской гордости. Ему уже не надо было добиваться, чтобы его признали как драматурга. Он утвердился. Его пьесы ставились по всему миру.

Тайна, неопределенность, совместные уик-энды в чужом доме были для Миллера лучшим выходом. Но Милтон Грин исчерпал свои резервы. Он был готов капитулировать. Он растратил свои доллары, а «Монро продакшнз» осталась тем, чем только она и могла быть, – махинацией мелкого интригана, стремившегося сорвать куш покрупнее. На выручку Грину с его прожектами нежданно-негаданно пришел случай. Дэррил Занук полетел с поста президента «Фокс». В Голливуде такое бывало сплошь да рядом. Король умер, да здравствует король!

Банки косили головы с такой же легкостью, с какой возводили людей на пьедестал. Вчерашние господа положения сегодня слонялись по коридорам в ожидании часа реванша. Как правило, он наступал скоро. Прежних работников возвращали на студию, и все начиналось сначала. Это было не столько отбором умов и способностей, сколько игрой в шары.

Итак, «Фокс» перешла в руки Бадди Адлера, который был антиподом Занука. Он не выдавал себя за важную персону, даже если это и вредило ему в финансовом отношении. Он любил примирять, сглаживать острые углы, развязывать узлы, не задумываясь над тем, что настанет день, когда все это усилит его врагов и те набросят ему петлю на шею.

Именно благодаря добродушию Бадди Адлера пустышка Милтон Грин вновь обрел вес. В последний день 1955 года «Фокс» подписала контракт с «Мэрилин Монро продакшнз». По его условиям Мэрилин снимется за семь лет

в четырех фильмах «Фокс» с оплатой по сто тысяч долларов за фильм. Кроме того, во время съемок она будет получать на свои расходы по две тысячи долларов в месяц. Она может выбирать любого режиссера среди крупнейших имен и оператора, даже если тот не устраивает режиссера. Кроме того, Мэрилин получала право ежегодно сниматься еще в одном фильме вне контракта, с кем пожелает. По подписании договора ей выдали чек на головокружительную сумму – сто сорок две тысячи долларов, а Милтону Грину – на двести тысяч долларов за то, что он пошел на такую сделку.

Милтон Грин глубоко вздохнул. Он был спасен. Он разбогател. Его взяла. Артур Миллер тоже вздохнул. Его пьеса шла на Бродвее. Ему требовалась передышка. Финансовое положение Мэрилин было в порядке. Теперь он мог спокойно окунуться в счастье, без того, чтобы опробовать боязливо трамплин, готовясь броситься в сверкающие голубые воды.

БАССЕЙН

9 февраля 1956 года в холле отеля «Плаза» нью-йоркских журналистов собрали на пресс-конференцию. Мэрилин Монро объявила присутствующим, что она ангажировала сэра Лоуренса Оливье и с июля начнет сниматься в нем в фильме «Принц и хористка», вариации пьесы «Спящий принц». Это история бедной танцовщицы, влюбившейся в аристократа-славянина. Действие происходит в Лондоне.

В тот день Мэрилин разыгрывала большого босса кино – Занука в юбке, заправляющего важными делами. Однако манеры и туалеты оставались все такими же, какие диктовало сложившееся о ней мнение. Ведь в какой-то мере фильм, в котором она собиралась сниматься с Лоуренсом Оливье, повторял ее собственную жизнь: сама она – девочка из бедных кварталов, а Артур Миллер – спящий красавец, аристократ духа, знаменитый драматург.

Мэрилин сбросила бархатное болеро и очень высоко закинула ногу на ногу. Лоуренс Оливье отвернулся. У него был хмурый взгляд и строгое лицо. Автор экранизируемой пьесы тоже присутствовал, но на него никто не обращал

внимания. Лоуренс Оливье заявил с равнодушием, граничившем с холодностью и чуть презрительной вежливостью, что мисс Монро как актриса все время растет. Это было сказано отнюдь не для того, чтобы умалить собственные достоинства. В этот момент, как было предусмотрено Милтоном Грином, Мэрилин глубоко вздохнула и несколько приподняла плечи. Левая бретелька ее черного вечернего платья оторвалась – она нарочно была в этом месте слегка прикреплена ниткой. Мэрилин попросила английскую булавку. Тут оторвалась вторая бретелька. Фотографы обрадовались. Они, смеясь, щелкали затворами, прыгая вокруг актрисы, как стайка обезьян, в которую кто-то вдруг швырнул горсть земляных орехов.

Лоуренс Оливье опять отвернулся. Он был крайне разочарован тем, что оказался не главным действующим лицом итого спектакля. Журналисты, возбужденные инцидентом с бретельками, забросали Мэрилин дурацкими и ядовитыми вопросами.

Они швыряли ей в лицо вопрос за вопросом, обо всем подряд – Достоевский, Актерская студия, Артур Миллер, Вивьен Ли – супруга и партнерша Лоуренса Оливье, с большим успехом выступавшая на лондонской сцене. Мэрилин изворачивалась, прячась за высоким алиби – «моя фирма». Ее фирма приобрела право на пьесу. Теперь она сыграет роль героини пьесы в кино. Она изображала большого босса, продолжая сохранять манеры глупышки. Журналисты оскорбительно хихикали, словно желая, чтобы она призналась, что невозможно олицетворять солидную «фирму» в тужурках на шпильках с подчеркнуто выпяченным бюстом и столь непрочными бретельками.

Мэрилин в суженном книзу платье из черного бархата, прихрамывая на своих высоких каблуках, в бешенстве покинула зал. Милтон Грин, придумавший эту мизансцену, хотел догнать ее и утешить. Он сожалел, что переборщил...

Однако прежде чем заняться «своим» фильмом, Мэрилин должна была сниматься в фильме «Фокс». Она выбрала «Автобусную остановку» и

режиссера, который прежде всего устраивал Ли Страсберга, – Джошуа Логэна. «Автобусная остановка» – история неграмотной деревенской девушки, мечтавшей о карьере в Голливуде.

Джошуа Логэн заразился у Страсберга и Актерской студии манией доводить актеров до изнеможения репетициями, прежде чем пустить в ход камеру; и даже тут, казалось, первой его заботой было мучить их до отупения, до истерики. Он вносил свой вклад в создание миража некой особой нью-йоркской интеллигенции. Ему уже удалось превратить в «Пикнике» красивую, таинственную Ким Новак в обалдевшую нищенку. В случае с Мэрилин Монро он рассчитывал вволю насладиться своей деятельностью, которая заключалась в том, чтобы вносить путаницу и безжалостно убивать в актере все естественное.

Обсудив с Ли Страсбергом вопросы, связанные с Мэрилин, «проблемы, которые все непременно будут разрешены общими усилиями», как медоточиво обнадежил его Страсберг, Логэн решил развенчать, изничтожить идола. Прежде всего одеть Мэрилин бог знает во что, растрепать волосы и, наконец, запудрить лицо, покрасить глаза и губы, чтобы она утратила себя. Так действуют во имя Искусства. Услышав заветное слово, Мэрилин не стала противиться тому, что уничтожает героиню, которую она играла, и себя как женщину.

Ни дать ни взять – новоявленная Сусанна среди старцев; они ее вожделили, они овладели ею, но только не телом, а душой. Тело Мэрилин их не волновало. Оно было брэнной и преходящей победой вульгарного начала. В Актерской студии вообще женщину презирали. Их интересовал мужчина, которого учили девичьим повадкам. От актеров-мужчин добивались игры в искусственной и двусмысленной манере. От них требовали, чтобы они выражали свои чувства судорогами, истерией, присущими женщинам. Неподвижные позы, выражающие тревогу, уклончивые взгляды и нерешительные жесты, капризы, неожиданная странная дрожь, всякие загадочные пустячки – таким виделся мужчина Актерской студии. Для этих безнадежно провинциальных учителей актриса-женщина была просто ничем, ей

позволяли только играть роли недотеп, существ инфантильных, глупых baby-doll³, сосущих большой палец, ожидая в гамаке или на чердаке проезжего насильника, боязливых и подчиняющихся грубой силе. Эти слюнтяйки, девочки в переходном возрасте с сальными волосами и морщинистым лбом – антизвезда, вот тип, соответствовавший идеалам Актерской студии. И Мэрилин Монро великодушно согласилась быть пропущенной через такую мельницу.

Джошуа Логэн объяснил Мэрилин, что поставит ее прямо перед объективом, не боясь испортить пленку, что он не требует от нее никакой игры, она просто должна расхаживать по площадке, поворачиваться, смеяться или сердиться, так как реализм заключался именно в такой импровизации, а вовсе не в работе по указке режиссера, к какой она привыкла.

– Несмотря на свои тридцать лет... вы шаловливая девчонка... Кислое яблочко... Да, да! – вскричал Логэн.

Мэрилин требовался партнер-мужчина. Подумывали о Роке Хадсоне. Но широкие плечи высокого сильного парня не нравились Мэрилин. Он казался ей преподавателем физкультуры. Паула Страсберг отстаивала никому не известного ученика Актерской студии Альберта Салами. Но он не говорил, а рывкал, как Доуэрти, когда у Мэрилин подгорала морковь, чем вызывал у нее неприятные ассоциации.

Студия Страсберга располагала двумя типами актеров-мужчин: молодыми красавчиками, легко впадавшими в меланхолию и молчаливую раздражительность, и широкоплечими детинами, которых обучали истерике, но не женской или мальчишеской, а мужской, и они без усталости орали.

Съемочная группа отправилась в Лос-Анджелес. Милтон Грин снял на бульваре Беверли дом в колониальном стиле. Мэрилин остановилась у него. Она пряталась, опасаясь встречи с Наташей Лайтес, гнет которой она сменила на гнет Страсбергов. Милтон Грин велел своему адвокату написать Лайтес, что ей нечего делать на площадке, где идут съемки фильма с участием мисс

³ Baby-doll (англ.) – «ребенок-кукла» – фильм режиссера Элиа Казана по одноименной пьесе Теннесси Уильямса. Бэби-долл – прозвище героини, ставшее нарицательным для обозначения сексапильной женщины-девочки

Мэрилин. Отныне рядом с актрисой, не отходя от нее ни на шаг, как мать или гувернантка, находилась Паула Страсберг в шляпе, юбке, очках. Лайтес плакалась одному-двум репортерам на свое безмерное разочарование: «Я отработывала с Мэрилин каждую строчку текста, каждый ее взгляд. Без меня она ничего не делала... Без меня она даже не шевелилась. А теперь она не отвечает на мои телефонные звонки... Не желает даже объясниться!»

Лайтес было не по силам бороться с семейкой, полонившей Мэрилин. Эми Грин, например, накалывала на костюм Мэрилин булавки; манекенщица в прошлом, она тоже решила приобщиться к общесемейному делу. Она занималась туалетами звезды. По указанию Логэна и четы Страсбергов она с воодушевлением принялась скрывать, делать менее заметными бедра и бюст американского идола. Ли отработывал с ней диалоги, Паула предотвращала нервные срывы. Милтон взял на себя рекламу и организовывал выходы Мэрилин в общество. Теперь без его разрешения она не могла даже выпить апельсинового сока у Шваба.

«Семья» заполонила съемочную площадку «Фокс» в Голливуде. Милтон распоряжался не только освещением, но и гримированием. Он требовал, чтобы щеки Мэрилин были белыми, как мел, и голова в кудельках, как у пуделя, а Логэн навязывал ей рваные чулки. Все они с большим воодушевлением превращали идола в замарашку.

Разумеется, они не могли ее убить; она была источником их дохода, их богатством. Что они могли, так это выбить ее из колеи, унижить, расстроить. Бадди Адлер не переставал протестовать против такого надругательства над мифом о прекрасной женщине, против зачеркивания черт ее лица гримом, как будто оно было непристойным рисунком, который кто-то тайком нанес мелом на стену.

12 марта группа Джошуа Логэна выехала из Лос-Анджелеса в Феникс, штат Аризона, для натуральных съемок. Там в это время проходило ежегодное родео. Герой фильма, которого играл актер телевидения Дон Мюррей, хотел набросить на Мэрилин, как на корову, свое лассо и развенчать в ее глазах

прелести Голливуда, чтобы она приняла те, которые мог предложить ей он, простой парень с фермы.

Логэн, взобравшись на ящик и возвышаясь над всеми тремя камерами, пытался управлять уличной толпой, чтобы эти кадры сошли за массовку. «Не смотрите на Мэрилин!» – орал он в мегафон. Мэрилин же в перерывах развлекалась тем, что кидала в актеров апельсины. Она чувствовала себя счастливой. В съемочной группе была актриса, которая играла на Бродвее в пьесе Миллера, и Мэрилин могла обменяться с ней несколькими красивыми вздохами.

* * *

В апреле Артур Миллер отправился в Неваду получить развод, против чего Мэрилин не возражала. Пока оформляли документы и в ожидании Мэрилин, которая не могла приехать до окончания съемок, Миллер заперся в номере отеля и писал как одержимый, словно уже никогда больше не сможет этого делать, потому что, вкусив от яблока, покинет рай, населенный божественными созданиями, цветами, фруктами, растениями и птицами.

3 июня 1956 года Мэрилин вернулась в Нью-Йорк. В своей квартире на Саттон-плейс она застала Авраама Линкольна, вышедшего из рамки, – Артур Миллер застыл в кресле, зажав подбородок в кулаке и выставляя напоказ улыбку. Он был свободен.

Он мог жениться на Мэрилин. Озадаченная, она не сразу подошла к нему. Она всматривалась в него, как ищут сходства картины с пейзажем, вдохновившим художника. Она была скована уважением, которое он ей внушал. Миллер казался ей воплощением профессорской любезности.

Он объявил Мэрилин, что представит ее родителям. Он подаст Мэрилин матери, как подарок в знак примирения, поскольку Мэрилин готова принять ее веру, чтобы целиком и полностью войти в эту семью, которую, как и многих других, особенно набожных, заботило и страшило одно – сноха-иноверка. Миллер принимал такое согласие Мэрилин как еще овну дань уважения

соблазнителью, каким ему хотелось казаться. В самом деле, она шла к нему, как приходят в религию, и это не образ, а реальность.

Обшитый досками дом Миллеров во Флэтбаше был домом, где прошли тяжелые годы, трудное детство Артура. Он возвращался туда каждый вечер еще в годы работы на складе автомобильных запчастей.

Для предстоящей церемонии знакомства Мэрилин облачилась в серую юбку и черную блузку. Она обошлась без косметики и спрятала волосы под блеклой косынкой. Миллер подтолкнул ее к родителям с той же широкой и застенчивой улыбкой, какая играла у него на лице, когда он, бывало, приносил из школы похвальный лист, зная, что эта награда принесет в их дом много радости.

Отец Артура, лысый, с большими мешками под глазами, отличался подчеркнутой вежливостью. Мать, седовласая толстушка с тонкими губами, была легковозбудимой, вспыльчивой, мстительной. Рядом с родителями тощий и длинный Артур казался первым учеником, которого не интересует ничего, кроме выполнения домашних заданий.

Мэрилин обняла старого Миллера, а потом бросилась в объятия хозяйки дома с таким пылом, словно встретила любимое существо, с которым была в долгой разлуке. Удивленная таким пылом миссис Миллер разрыдалась. Разумеется, Мэрилин тут же принялась ей вторить. Она плакала навзрыд непритворными слезами: эти простые люди внушили ей уверенность, что она обретает настоящую семью.

Она была сиротой. Они принадлежали к многострадальному народу. Следовательно, ее с ними глубоко связывали пережитые муки – миссис Миллер раскачивалась в горести, только подчеркивающей ее гордость, с какой она говорила себе, что эта знаменитая актриса переходила в еврейскую религию из любви к ее сыну, ее сын сумел заполучить все – славу в литературе и самую красивую девушку

Америки. Чего больше ей желать? Она произнесла жуткую и волнующую фразу: «Теперь я могу умереть спокойно».

Мастерская при складе, где прежде работал Миллер, находилась поблизости от дома его родителей. Он передал царящую в ней атмосферу в своей пьесе «Воспоминание о двух понедельниках». В ней он описал мужчин и женщин, задушенных повседневностью, рутинной. Эти трудяги мечтали не только о повышении жалованья, но и, главное, о капле любви, капле поэзии. В узком мирке мастерской, почерневшей за пятьдесят лет от серого дыма, молодой Берт, герой пьесы, как и сам Миллер, на всем экономил, копил деньги, чтобы поступить в университет и отмежеваться от такой пролетарской среды. Ирландец Кеннет, утративший связь с родиной, бормотал ирландские куплеты, не находя иного способа бежать от действительности. Это шло у него из души, как вода вытекает из лопнувшей трубы. Другим оставалась лишь одна возможность бегства от действительности – так славно погулять в воскресенье, чтобы помнить об этом до понедельника.

Студенческие годы бывшего рабочего Артура Миллера затянулись, в кризисные 30-е годы жизнь была смехотворно дешевой – на один доллар в день можно было позволить себе спокойно предаваться сочинительству. Ни незаметному рабочему, ни студенту-затворнику и не снился такой загул, воспоминание о котором сохранится дольше двух понедельников, – Мэрилин Монро!

* * *

20 июня 1956 года газета «Нью-Йорк пост» объявила о браке Мэрилин Монро и Артура Миллера в ближайшее время, во всяком случае до 16 июля, когда кинозвезде предстояла поездка в Англию для съемок фильма «Принц и хористка» с участием Лоуренса Оливье.

Саттон плейс вдруг наводнила толпа падких до сенсации репортеров. Начались высокопарные разговоры о союзе Тела и Духа. Это красивая сказка. Ее многократно пишут вечными перьями, приукрашивают виньетками. Три бурных дня Артур Миллер, довольный сверх меры, ублажая фоторепортеров, уже сотни раз обнимал Мэрилин за талию.

И вот в субботу, последовавшую за объявлением о браке, Миллер погрузил в машину плачущую от радости мать, сына, дочь и Мэрилин. Они переезжали в его дом в Роксбюри, в двухстах километрах от Нью-Йорка. Он стоял среди лесов, приобретаемых им по мере того, как его пьесы имели успех. Теперь он владел ста шестьюдесятью гектарами лесов. Тут был питомник кленов, огород, вязы и дикие яблони. Репортеры прибыли в Роксбюри раньше семейства Миллеров. Они разгуливали по лужайке, бросали камешки в озеро, где плавали форели.

Выйдя к своре репортеров, Миллер важно объявил, что готов принять всех представителей прессы у себя в следующую пятницу, и тогда Мэрилин и он ответят на их вопросы.

В пятницу 29 июня 1956 года к дому Миллера началось непристойное паломничество репортеров и любопытных, стекавшихся в машинах по всем дорогам, ведущим в Роксбюри— Это неприглядный городок, окруженный деревьями и запущенными газонами. Обычно в его отеле и ресторане клиентов почти не бывает. Теперь же тут было полно народу. Но после страшной скученности Нью-Йорка некоторым писателям и художникам виделись в Роксбюри просторы Дикого Запада, американские масштабы. Луга тут заросли высокой злой крапивой. Каждый дом образовал вселенную одиночества — они располагались в нескольких километрах один от другого.

Свыше двух тысяч человек ждали на солнцепеке появления Мэрилин. Любопытные из окрестных мест шли смотреть в основном на «девушку с календаря». В крапивных зарослях жужжали телекамеры.

Репортеры осаждали родителей Артура. До истерии взвинченный интерес к каждому событию составляет часть американского образа жизни. Родители Миллера дрожали от радости. Чтобы описать такое событие, весь мир направил сюда своих корреспондентов. Миллеру вся эта шумиха помогла поверить в себя. Он всегда был таким— Мэрилин всем своим видом говорила, что находится рядом с живой книгой. Она больше не держала рот полуоткрытым, словно ей не хватает воздуха, как делала до сих пор.

Вот появился Миллер и бегом направился к дому. Мэрилин бежала рядом. Фотографы устремились было к ним, но Миллер объявил, что спешит звонить в ближайшую больницу, так как произошла авария – разбилась молодая женщина, корреспондент «Пари матч», которая обгоняла машины на шоссе, торопясь приехать первой. К дому Миллера гости шли, как будто это была похоронная процессия.

Фоторепортеры устанавливали во дворе свои камеры на треноги. Теннисную сетку опустили, давая проход захватчикам. Наконец из дома вышли мать и отец Артура – она с напудренным лицом, он с каскеткой в руке. За ними шли Миллер и Мэрилин. Началась давка. Милтон Грин, без которого не обошлось и тут, взобравшись на судейскую вышку, громко распоряжался:

– Представляю двадцать минут кинохронике, двадцать минут фотографам и полчаса представителям печати.

Он казался счастливее всех присутствующих. На Мэрилин была золотистая блузка. Миллер на сей раз сменил комбинезон садовника, в котором он обычно ходил в Роксбюри, на костюм банковского служащего.

На его губах застыл окурок – постыдный след вольного прошлого, последний остаток безмятежной жизни драматурга, который отдавался только своим персонажам.

* * *

Свадебное путешествие Мэрилин совпало с деловым, поскольку она уезжала в Лондон для съемок фильма. 14 июля 1956 года на аэродроме в Лондоне ее встретила толпа. Мэрилин хорошо знали в Англии и по фильмам, и по открытке, которую можно было приобрести в табачных киосках или у торговцев сувенирами. Обнаженная Мэрилин, такая, с какой познакомил всех непристойный календарь, сбывалась оптом и в розницу также на стаканах подносах, галстуках и шарфах. Фоторепортеров просто затеснили – одну камеру превратили в лепешку; Лоуренс Оливье, который и при обычных обстоятельствах не жаловал журналистов, был шокирован наглостью толпы,

желавшей прикоснуться к мадонне съемочных площадок и галстуков с легкомысленным рисунком.

Миллер улыбался, как отец, чью дочь, отличившуюся на экзамене, встречают приветственными возгласами. Вивьен Ли была задета таким неистовством, с каким никогда не встречали ни одну актрису. Мэрилин не переставала улыбаться, она словно кормила своих поклонников из клюва. Затем черные лимузины увезли Миллеров и Оливье в сопровождении кортежа из пятидесяти машин, так что было невозможно распознать, какие везли представителей прессы, а какие любопытных, которые никак не унимались.

Миллеры сняли у лорда Мура просторный дом в георгианском стиле – не коттедж, а дворец. Мэрилин вошла туда совершенно непринужденно, как, бывало, шла к телефонной кабине у Шваба. Миллер сначала попятился, потом улыбнулся. В общем это был для нее царский отдых после очень многих лет воздержания и прилежного труда. Пришлось согласиться на пресс-конференцию, столь же неизбежную, как прописанный врачом укол для больного.

Мэрилин заявила репортерам, что любит природу, не носит пояса с резинками для чулок и хочет учиться ездить на велосипеде. Миллер сказал, что не может говорить о своей работе, пока она не завершена. Еще он сказал, что переработает «Вид с моста» – пьесу, плохо принятую в Нью-Йорке.

Мэрилин принялась раскладывать содержимое своих двадцати шести чемоданов и складных чехлов, тогда как Миллер приехал с одним чемоданчиком. Он с добродушным удивлением уплатил в Нью-Йорке тысячу пятьсот долларов за излишний вес багажа – пустяк, с которым можно примириться, поскольку ведь медовый месяц. Перед вылетом из Нью-Йорка Миллер заявил своему литературному агенту, что надеется в Лондоне обрести работоспособность. С тех пор как было объявлено о их женитьбе, его не покидало такое впечатление, что он живет в стеклянном шаре. Мэрилин стала для него одновременно письменным столом, работой и отдохновением. Он устал и был разочарован тем, что плыл в фарватере популярности, которая не

имела к нему никакого отношения. Кроме того, тут был Милтон Грин, который только и знал, что превозносил Мэрилин и «самую волнующую пару века». Он не собирался выпускать Артура Миллера из этого стеклянного шара. Он суетился так, потому что эта пара фигурировала на вывеске его компании «Монро продакшнз». Фильм, который готовился к съемке, был уже его делом, а не делом «Фокс». Ему нужна была реклама, все больше и больше рекламы, реклама в любой час дня и ночи.

Он лез из кожи вон, чтобы Мэрилин бывала повсюду: на матче крикета, организованном благотворительным обществом, на встрече черных курток в пригороде, пользующемся дурной репутацией, на коктейле шотландской трикотажной фирмы, чьи изделия станет демонстрировать Мэрилин. Надо, чтобы она живее двигалась, появлялась на людях. Наконец, он организовал пресс-конференцию в бальном зале отеля «Савой».

Мэрилин приходилось отвечать на те же самые вопросы, которые ей уже задавали в Нью-Йорке, но теперь, похоже, это превратилось в нелепый ритуал. Она отвечала, что мечтает сыграть леди Макбет, обожает Бетховена и душитесь на ночь уже не «Шанелью № 5», а «Уодли». Она надела зауженное до предела бархатное платье, и ее наивные возгласы, ужимки, претензии на интеллектуальность вызывали у людей со вкусом раздражение.

Миллер начал испытывать смущение, неловкость, он сам себе казался смешным. Он вдруг стал походить на старого франта, вышедшего в свет с молодой кокеткой, которая допускает одну бестактность за другой. Все втайне завидуют этому лакомому куску, но и жалеют его, Миллера, потому что, если отбросить нелепые претензии, Мэрилин всего лишь красивая девушка, и ничего более. В этом маскараде, на который Миллер начинал смотреть, едва скрывая оскал зубов, было что-то явно противоестественное.

Он не умел держаться в обществе. Не любил встречаться с людьми. Не любил ни потчевать их, ни развлекать. Он неизменно производил впечатление отца, сопровождающего дочь с кривой улыбкой наблюдая, как ей курят фимиам.

Не прошло и месяца после свадьбы, а Мэрилин, казалось, опьяняла всех мужчин, кроме собственного супруга. Этот последний ходил с кислой миной на лице, как виноградарь, который болен желудком и не может пить вино собственного изготовления.

К тому же этот мужчина был напрочь лишен всех данных влюбленного: ни соответствующей внешности, ни сердца, предрасположенного к этому чувству. Он был таким же сухарем внутренне, как и внешне, – монах драматического искусства. Мэрилин дисгармонировала с ним возбужденностью, широтой своей натуры, приступами меланхолии.

Прошло всего несколько дней совместной жизни, и «пара века» оказалась не чем иным, как рекламной формулой, совершенно не соответствующей действительности. Один английский журналист оказался убийственно прав, когда заявил: «Артур Миллер показался мне сторожем морга, которому поручили стеречь труп царственной особы». Так продолжалось все время, пока Миллер находился в Англии.

* * *

Лоуренс Оливье приступил к съемкам фильма «Принц и хористка». Образец благовоспитанности, он собирался отшлифовать и дисциплинировать навязанную ему Голливудом Мэрилин. По роли она была легкомысленная девица, он же намеревался придать ей черты дамы-патронессы. Разумеется, Ли Страсберг, как и Артур Миллер, вполне одобрял Лоуренса Оливье в его стремлении вытравить в Мэрилин непристойную самку. Именно Ли Страсберг и посоветовал Мэрилин привлечь в качестве режиссера Лоуренса Оливье. Будучи в подчинении у Мэрилин, поскольку деньги платила ему «Монро продакшнз», он полагал, однако, что на съемочной площадке она будет ходить у него по струнке. Он собирался не только ужать форму ее тела, приручить этого роскошного зверька, изгнать дрожь плоти, он хотел, чтобы Мэрилин во всем беспрекословно ему подчинялась. Сидя за камерой, он не раз восклицал: «Взгляните-ка на это лицо! Ей не больше пяти лет!» Но стоило ему оказаться

вместе с ней перед камерой, как она вновь пыталась играть по-своему, по-прежнему вести бал, открыть шлюзы чувственности. Он этому противился. Быть чувственным, быть всем может только он, английский актер своего времени номер один.

Итак, Лоуренс Оливье, не страдая комплексами, присвоил себе все прерогативы: режиссера, кинозвезды, монтажера. Когда он рекомендовал Мэрилин опустить глаза, она должна была слепо подчиниться приказу. Но тут были и другие, целое семейство укротителей: Паула Страсберг, сменившая неподдающуюся Наташу Лайтес, Милтон Грин. Паула вторглась на съемочную площадку. Она лезла к Мэрилин со своими указаниями и советами через голову Лоуренса Оливье. Достаточно было Пауле моргнуть, и съемки приостанавливались. Это ее и никого другого должна была устраивать или не устраивать марионетка в рост человека. Паула заставляла Мэрилин три раза на дню проделывать самые идиотские упражнения, так называемую «разминку»: хлопать в ладоши, подпрыгивать то на одной, то на другой ноге и тому подобное... в сущности, с одной целью: показать, что Мэрилин полностью подчиняется ей, Пауле.

Как и Лайтес, она играла роль заботливой матери Мэрилин. С утра до вечера она пичкала ее разными таблетками, подкрепляющими силы. Эта Паула, в самый неподходящий момент извлекающая из своей огромной сумки витамины, слабительное, средство от мигрени, голубую успокоительную таблетку, будила в Оливье инстинкт убийцы. Ли Страсберг тоже неизменно присутствовал на съемочной площадке и кивал головой, как китайский болванчик, с единственной целью напомнить, что и он тоже причастен к делу.

Желая применить один из приемов, рекомендованных Ли Страсбергом, Мэрилин потребовала для сцены ужина настоящего шампанского и икры вместо черных шариков и лимонада. Лоуренс Оливье воспринял этот каприз как объявление войны. Он заявил Милтону Грину, что прекращает съемки фильма, если Паула Страсберг и жена Ростена – Ростены, друзья Миллера, тоже присутствовали на съемках – не покинут площадку. Если фильм будет сорван

бездельниками, которые повсюду таскаются за Мэрилин, то пусть это произойдет без его, Лоуренса Оливье, участия.

Грина прошиб холодный пот. Он знал, что Мэрилин способна сорвать съемки, если ее лишат одной из так называемых приятельниц. Мэрилин охотно использовала Паулу всякий раз, когда хотела досадить Лоуренсу Оливье. Для этого ей достаточно было попросить пилюлю – желтую, розовую, красную – или вступить с Паулой в ожесточенный спор о том, как надо играть в той или иной сцене. Закончив спор с Паулой, Мэрилин затевала его уже с Хеддой Ростен. Лоуренс Оливье каменел. Тогда Мэрилин находила повод обменяться парой фраз с приставленным к ней на день агентом Скотланд-Ярда.

Лоуренс Оливье нервничал, все время гнал съемки. Однажды Паула Страсберг заявила ему как можно спокойнее:

– Знаете, мистер Оливье, медлительность в творчестве совсем не недостаток. Гениальный Чаплин снимал фильм восемь месяцев. Ну и что?

– Хорошо, отведем на этот фильм год, раз уж тут распоряжается миссис Миллер.

– Нет, только не год! – возражала Мэрилин. – Я хочу праздновать Рождество с Артуром в Нью-Йорке.

Грину удалось выпроводить Паулу, заставив ее уехать в Америку лишь к концу сентября. Он ломал себе голову, как избавиться еще и от жены Ростена, чтобы окончательно успокоить Оливье, когда однажды утром Мэрилин шепнула ему: «Милтон, как было бы хорошо, если бы вы уехали! Артур начинает ревновать, а мне дорог мир в моем семействе». Милтон Грин пришел в неопишуемый ужас, ему чуть ли не стало дурно. Как же так, от него хотят избавиться, от великодушного патрона, уделявшего Мэрилин столько времени, что ему даже некогда было на нее взглянуть? На самом деле ревность тут была ни при чем, просто Миллер проникся такой ненавистью к Милтону Грину, что его трясло от одного звука его голоса – даже по телефону. Он уже был не в силах выносить этого интригана, который в какой-то мере тоже владел Мэрилин, добивался от нее уступок, но при этом не испытывал неприятностей

от бурных встреч с нею наедине.

* * *

В августе Артуру Миллеру пришлось расстаться с Мэрилин, чтобы проведать старшую дочь, которая, похоже, впала в нервную депрессию. Она считала, что отец, которого она обожала, предал и покинул ее. Она грозилась покончить жизнь самоубийством. Она упрекала отца в том, что он женился на Мэрилин, чтобы светить отраженным светом, и утверждала, что он унижает себя, таким презренным способом добиваясь известности, которая ничего не стоит.

– Знаешь, что говорят у нас в колледже? Вспоминают «Смерть коммивояжера», а потом сразу же заявляют: «Смерть драматурга...» Считают, что теперь ты способен сочинять лишь подписи под фотографиями Мэрилин.

Артур Миллер терялся, не зная, как ему умерить нездоровую, докучающую нежность дочери, когда посыпались телеграммы из Лондона. Мэрилин упала в обморок. Мэрилин больна. Мэрилин не встает с постели. Она страдает от бессонницы. Ей кажется, что она покинута навсегда. Миллер спешно вылетел самолетом в Лондон. Никогда в жизни он не двигался так много вхолостую и не работал так мало.

Он застал Мэрилин в постели. После его отъезда она и в самом деле не снималась и почти не вставала с постели. Значит, он был нужен ей не для «всеобщего показа». (Перефразируя формулу Мэрилин: «Когда холодно, карьера не согреет», может быть, здесь уместно было бы сказать: «Когда холодно, книга не согреет», а возможно, «Лучше пусть тебя согревает книга, нежели автор, утративший талант, разлученный со своими героями»).

Миллер сделал вывод, что Мэрилин не может жить без него. Его захлестнула волна гордости.

Он разбирал ее фотографии, решая, какие печатать, а какие порвать. Вырезал из газет и журналов статьи о ней и терпеливо наклеивал их в альбом. Мэрилин уже не могла одеться, не узнав его мнения. Она начала просить,

требовать со вздохами и упреками, чтобы он создал для нее «большую роль, настоящую пьесу» – это очистит ее от скверны, смоем следы idiotских ролей, сыгранных прежде, включая и ту, в которой она снимается теперь. Миллер отклонял эту главную претензию, неотвязную и раздражающую, веско аргументируя тем, что не умеет работать по заказу. Лишь одно было уязвимым в его аргументации – ведь Мэрилин не была директором театра.

И она отвечала ему с той необыкновенной, страшной ясностью ума, какая время от времени посещала ее.

– Но если ты меня любишь, это не должно быть тебе трудно. Любовь – глубокое чувство. Произведение искусства всегда рождается из этой глубины.

Дом с парком в Энглфилд Грине был обнесен высокими стенами. За стенами находились аккуратно подстриженная живая изгородь, нескончаемые аллеи, четыре гектара лужаек. Право, это был такой уголок, прелести которого следовало оценить, в особенности если ты писатель. К сожалению, для того, кто привык писать в одиночестве, все это было непривычно, его коробило, лишало способности работать. Приподняв край занавески, Миллер видел четырех сторожей в сапогах и с пистолетами в кожаной кобуре на боку, непрерывно обходивших территорию. Вот каково его теперешнее одиночество! Роскошь, слава, но причиняющие страдания, подавляющие, как стены тюрьмы...

* * *

10 октября 1956 года в Лондоне состоялась премьера нового варианта пьесы Миллера «Вид с моста» в постановке Питера Брука. Его постановки всегда отличаются строгостью. Он не устраивает пира, его спектакли – пища для аскета. Его устраивают голые геометрические конструкции. Но пьеса, прочно сколоченная и полнокровная, только выиграла в этом оформлении из труб, в чехарде лестниц. Она прошла с успехом, и, когда зрители к тому же обнаружили в зале Мэрилин Монро, они просто обезумели от восторга.

Овации, естественно, адресовались Мэрилин. К Миллеру это отношения не имело. Мэрилин принимала аплодисменты в ярко-красном атласном платье без бретелек. Миллер оставался на заднем плане. Первый ученик, справившись с уроком, снова превратился в смущенного подростка, попавшего впросак и нелюбимого. Прием, оказанный Миллеру-драматургу, обернулся какой-то неприличной демонстрацией. Мэрилин, вклинившись между драматургом и пьесой, вставала в своей ложе и раскланивалась, словно автором была она. Агентство Ассошиэйтед пресс, уделившее лондонской премьере пьесы Миллера всего две строчки, не забыло, однако, упомянуть об «облегающем платье Мэрилин», придав ему значение такое же, как аварии самолета, повлекшей за собой двадцать пять жертв, или заграничной поездке министра.

Не зная, на кого свалить вину, и смущенный двусмысленностью ситуации, Миллер напустился на журналистов, которые не находили, что написать о его жене, кроме того, «то у нее было «облегающее платье и выставленный напоказ бюст». На следующий день после премьеры он обрушился на общество, упрекая его в ханжестве, на дамских портных-гомосексуалистов: у Мэрилин в театре был вполне пристойный вид, но, конечно, в старушечьем платье она выглядела бы намного пристойнее. Эта словоохотливость обернулась не в пользу Артура Миллера, мужа Мэрилин Монро.

Выходя из театра, Миллер со своими впалыми щеками, поджав губы, приложился ко лбу Мэрилин, словно успокаивал ребенка. Он не желал, чтобы она выезжала на светские раунды, она же только этого и хотела. Полицейские на велосипедах сторожили их окруженный зеленью дворец. Миллер сердито рвал приглашения в высшее общество. Он перестал быть драматургом и стал аттракционом. Он был уже ни кем иным, как диковинным зверем, на которого все рвались посмотреть, он же с достоинством и со злобой отказывался выйти на публику, пробежаться перед зрителями по смотровой площадке.

Мэрилин снова впала в меланхолию. Она считала, что несправедливо не пускать ее в свет теперь, когда она решалась перед ним предстать. Она уже

демонстрировала не одно только тело, дух в чистом виде – Артур был рядом с ней, подчеркивая ее красоту и оправдывая ее. Однако Миллер придерживался иного мнения. У него создалось впечатление, и оно с каждым днем все более укреплялось и углублялось, что любой другой мужчина владел Мэрилин в большей мере, чем он сам. Так, например, он увидел Мэрилин в прозрачном одеянии на авторучках со стеклянным корпусом; стоило нажать на грудь или живот картинки, как перо плевалось чернилами.

Он, Миллер, не мог прибегнуть даже и к такому средству, чтобы забыть о людской злобе.

В отчаянии от нового заточения Мэрилин бросала в лицо Миллеру мрачные обвинения. Значит, он хочет, чтобы она всегда была подле него, словно хроническая больная? Она не имеет права покинуть свою комнату и отправиться на работу? Значит, отныне никто не может к ней прийти без разрешения цербера – мистера Миллера? Он писатель, знаток человеческих душ, а так замкнут и так же безразличен к желаниям своей жены, как тюремный сторож? Миллер заверил ее, стараясь говорить подчеркнуто мягко, что если ей непременно хочется возвращаться в великосветском обществе, то он не видит причин, почему бы ей не предстать перед королевой. Он незамедлительно попросит сэра Лоуренса Оливье устроить такую волнующую встречу.

Представление ко двору состоялось в конце октября. Тут были и вежливые реверансы, и обмен несколькими очаровательными общими фразами. Принцесса Маргарет поинтересовалась, каталась ли Мэрилин в Англии на велосипеде – намерение, высказанное ею по приезде. И Мэрилин ответила, убедительно сославшись на крайнюю занятость съемками, что не могла уделить этому спорту ни одного часа.

Хотя фильм «Принц и хористка» вопреки требованиям Милтона Грина – не содержал никакой острой приправы – ни эротических танцев, ни двусмысленных куплетов, поскольку Миллер их не одобрял, заканчивался он в атмосфере всеобщего недовольства. Лоуренс Оливье был предельно измучен. Артур Миллер думал лишь о том, как избавиться от Милтона Грина. Мэрилин

предложила ему полмиллиона долларов в качестве отступного. Но, оскорбленный столь неделикатным предложением, Грин отклонил его и где только можно было заявлял о своих замечательных отношениях с Миллером— Похлопывания по плечу, которым они ежедневно обменивались, он считал доказательством дружбы. Мэрилин, которая вела себя на съемках нестерпимо, пришлось всем принести извинения и заявить в свое оправдание: «Видите ли, я была нездорова!»

Фильм получился неудачным, поскольку в конечном счете не отличался ни глубиной содержания, ни развлекательностью. Мэрилин играла в нем глупенькую хористку, а Оливье — соблазнителя, выглядевшего, что было нелепо, как папский нунций. В фильме все звучало фальшиво, вплоть до смеха Мэрилин. В него включили хроникальные кадры церемонии коронации английской королевы. Но и эта добавка не придала кинокартине того величия, достичь которого Мэрилин и Лоуренс Оливье тщетно стремились.

Итак, осунувшаяся и разочарованная компания отправилась в Америку. Миллер, который возвращался на родину с видом победителя, не выглядел, однако, ни более представительным, ни веселым.

* * *

Амагансетт — поселок на крайнем востоке Лонг-Айленда, между Ист Хэмптоном и Бич Хэмптоном. Летом 1957 года один его выцветший дом приютил чету Миллеров.

Домишко, обшитый коричневой дранкой, выглядел мрачно, но такая рамка весьма подходила Артуру Миллеру. Он надеялся, что теперь наконец, когда рекламный шквал, налетевший с его женитьбой на Мэрилин, прошел, он сумеет поработать, вновь обрести вдохновение, вернуться к жизни творческого человека, которому необходимо одиночество. Но все в округе прослышали о том, что в этом доме скрывается Мэрилин Монро, и нервы писателя страдали от скрипа тормозов в сотне метров от его скромной обители. Отсюда машины начинали двигаться медленно, украдкой: те, кто в них сидел, надеялись застать

Мэрилин врасплох.

Миллер ходил в старых шортах цвета хаки и рубашке навыпуск. Чтобы на него снизошло вдохновение, ему требовались скромное жилье и рабочая одежда.

В конечном счете он и был рабочим на стройке, которая никогда не прекращалась. Даже тогда, когда казалось, что ничего не происходит, писатель отдыхает, дремлет или гуляет, в нем под неподвижной корой бурлила лава.

Однако теперь в этой тайной алхимии что-то нарушилось. В художнике все кипело, а извержения так и не наступало— Внешний мир действовал на него мучительно и губительно. Эта Мэрилин, блондинка в черных очках, копавшаяся в садике и ходившая на базар, была плохо замаскированной знаменитостью. У Миллера появилось ощущение, что он работает не в уединении, где до него никому нет дела, а на открытой оперной сцене, оказавшейся на перекрестке большого города.

В своей поношенной спецовке он походил на рабочего, которому не хватает гвоздя, одного-единственного гвоздя, тогда как весь его мир шатается из-за отсутствия этой детали.

Вдохновение Миллера родилось в Гарлеме, где он появился на свет, и Бруклина, где он вырос. Экономический кризис, разоривший в 1929 году его отца — мелкого лавочника, вынудил юношу подрабатывать в каникулы, чтобы иметь деньги на книгу или билет в кино. Затем он был мойщиком посуды в ресторане, электриком, вел делопроизводство, прежде чем попытать силы в драматургии, где добился нескольких наград и достиг славы, хотя зарабатывал маловато.

Тогда он утверждал, что так даже лучше: он не утопал в деньгах, они его не сковывали. Теперь слава его возросла, и у него была куча денег, но он нуждался в том, чего не купишь, — во внутреннем покое, и нервничал, переходя от наигранного спокойствия к деланному безразличию.

Мэрилин слонялась вокруг него в черном платье с прозрачной нейлоновой вставкой от груди до линии талии — одна из «мизансцен»,

придуманных и рекомендованных Милтоном Грином. Казалось, Мэрилин была занята игрой с листами бумаги, лихорадочно измаранными ее мужем, – так ребенком она играла с пустыми бутылками на обочине дороги. Она предлагала их прохожим, и некоторые ужасались, наивно вообразив себе, что девочка сама и выпила вино. Она целовала Артура в лоб столь же уверенно, как, бывало, позировала для непристойных фотографий с овечкой на руках или прижавшись коленями к обломку разбитого бурей корабля. В сущности, она не жила, как новобрачная молодая женщина, а играла

роль, которую ей так мучительно хотелось получить.

И что же на самом деле произошло? Она получила то, к чему стремилась, – Миллера. А он по-прежнему носил очки, придававшие мягкий и безоружный вид этому тощему, длинному существу, нуждавшемуся в опеке.

Прежде Артур Миллер имел покой, какого не приобретешь с дверьми на запорах и полицейским патрулем перед домом. Тогда, покидая свою комнату, он мог за всем наблюдать, сам оставаясь при этом незаметным. Шумные школьники играли на улице в мяч. Останавливались женщины с детскими колясками. Семейные люди торопились в церковь за углом. Мистера Миллера, молодого человека со скуластым, но негрубым лицом, хриплым голосом и ледяной сдержанностью, считали хорошим соседом. Знали, что он пишет пьесы – занятие уважаемое и признанное в той же мере, что и занятия других соседей – служащих, механиков, коммивояжеров, чиновников. Мистер Миллер вызывал не больше почтения и возбуждал не больше любопытства, чем любой другой ремесленник.

Теперь все переменялось... Что толку запереться в скромном с виду доме, пытаться провести людей и заниматься самыми обыкновенными делами, например, копать в саду, ходить на базар или играть в мяч с соседним малышом... Теперь в Амагансетте для туристов, прохожих, любопытных, жителей округи, для тех, кто рвался сюда из Нью-Йорка, для всей Америки, этого чудовищного, фантастического сборища зрителей и соглядатаев, мистер Миллер стал просто счастливым избранником и легендарным удачником,

короче, мужчиной, услаждавшимся с Мэрилин Монро... И попробуй-ка вести себя, как обыкновенный муж своей жены, когда разыгравшееся воображение других рисует вас сексуальным обжорой. Когда люди при виде вас заговорщически улыбаются, игриво окликают, требуют автографов. Остается лишь отворачиваться от них, притворяться глухим и даже спасаться бегством...

* * *

Мэрилин сорит деньгами, стремясь превратить в угоду своему мужу их дом во дворец. Она выговаривает ему за измятые брюки. Она корит его за то, что он носится с будущим, как с дорогой вазой. Она не понимает, что дворец существует в нем давно, задолго до женитьбы на ней.

Прежде Миллер трудился в келье с голыми стенами, обстановку которой составляли узкая кровать, письменный стол и стул, приобретенные десять лет назад. У него был строгий режим дня – он работал с восьми утра до часа дня, с трех до шести и вечером, если хватало сил. Вмешательство Мэри Слаттери в его работу сводилось к исправлению орфографических ошибок, потому что в часы вдохновения он писал слова как Бог на душу положит.

Мэрилин рылась в его писанине не для того, чтобы привести рукопись в божеский вид, а требуя свою долю. Она желала для себя реплик, роль, драму. Миллер с раздражением исписывал сотни страниц, но они утратили былую силу. Он чувствовал себя бессильным унять свою жену. Он либо терпел ее, либо поворачивался к ней спиной. Мэрилин не была героиней его драм; скупость на чувства мешала Миллеру интересоваться ею, она не укладывалась в схему его творчества. В конце концов он холодно упрекнул ее в том, что вынужден посвящать ей сорок процентов своего времени. Этой математически выверенной цифрой он выдал себя с головой. Разрыдавшись, она сказала, что нашла на его письменном столе записку, где стояло: «Я всегда буду любить лишь одну женщину – свою дочь!» Этим он разоблачил себя окончательно. Он резко упрекнул ее в том, что она роется в его бумагах – Он не знал, как популярно объяснить Мэрилин, что после их женитьбы он был уже не Артуром

Миллером, а женщиной, которого Америка делегировала на банкет сладострастия. Но что это за сладострастие? Где его любимая, его куколка? Где сексуальный символ? Кто такая Мэрилин Монро?

Тоска Мэрилин заботила Миллера так же мало, как и мяуканье кошки. Он надеялся рассеять эту тоску увещеваниями или лаской – как успокаивают рассерженную кошку... Но сама тоска его не интересовала, он не мог ее излечить, и она заполняла Мэрилин до краев.

Мэрилин обманула человеческая теплота таких пьес Миллера, как «Все мои сыновья» и «Смерть коммивояжера». «В физике можно добиться при самых низких температурах таких же результатов, что и при самых высоких». И Стефан Цвейг, сделавший это замечание в своем исследовании тайны художественного творчества, добавляет: «Собственно говоря, абсолютно безразлично, создано ли совершенное произведение в пылу вдохновения или по хладном размышлении». Для читателя, конечно, безразлично; но женщина, живущая с этим писателем, обманута: страсть, обжигающая в произведении искусства, в его авторе отсутствует. Вопреки двум-трем созданным им шедеврам, этот человек далеко не воплощение пыла, света, великодушия... Для него человеческое существо – пусть то будет женщина, которая ждет, и взывает, и мечется, и грозит уничтожить себя, – прежде всего материал для творчества, как дерево, стекло или глина.

* * *

Артуру Миллеру удалось наконец избавиться от ненавистного Милтона Грина. Последний согласился уступить свои акции за восемьдесят пять тысяч долларов вместо тех пятисот тысяч, которые предлагались ему в Англии. Так компания «Монро продакшнз» приказала долго жить.

Когда Мэрилин сообщила о своей беременности, Миллер подумал, что это вторая хорошая повесть, второе препятствие, которое он преодолел на пути к обретению внутреннего покоя. Мэрилин беременна. Он выполнил свой долг.

Она от него ничего больше не потребует. И пусть публика поищет себе другой предмет для развлечений, и пусть фотографы снимают ребенка Мэрилин, а он, Миллер, сможет «вернуться к своим баранам». Этот ребенок больше значил для него, чем для Мэрилин.

Мэрилин рассчитывала сыграть Грушеньку в «Братьях Карамазовых», но этот единственный шанс в ее жизни был упущен: роль получила австрийская актриса Мария Шелл.

1 августа Мэрилин, которая полола сорную траву в своем саду, вдруг закричала от боли. Миллер уложил ее на софу. Он вызвал доктора, затем скорую помощь. Актрису увезли в нью-йоркскую больницу. У нее был выкидыш.

Словно какие-то темные силы помешали Мэрилин произвести ребенка на свет, где он пережил бы те же огорчения, что и его мать, где он повторил бы ее историю. В конечном счете она сама была этим ребенком. Она покончила самоубийством до своего рождения. Она сама отбросила себя в небытие.

Желая утешить Мэрилин, Миллер пообещал ей то, чего она всегда неистово требовала, – детище своего ума, роль героини в пьесе, которая была бы прелюдией к новой жизни. Подобно мосту, она помогла бы ей перейти темные воды, где она видела свое отражение, которое ее пугало.

* * *

Миллер отвез Мэрилин обратно в Амагансетт. Она опять принялась полоть сорняки. Иногда, когда смеркалось, они шли на Атлантическое побережье. С час катались на глиссере или удили рыбу, но их отношения искусственно поддерживались и той и другой стороной. Миллер и в самом деле трудился до седьмого пота, чтобы выполнить обещание, данное Мэрилин, тщетно пытаясь разработать образы персонажей. После женитьбы на Мэрилин он печатал только мелочи. Теперь он вернулся к одной из них – рассказу «Неприкаянные», пытаясь переделать его в киносценарий. Это история трех мужчин, ненавидящих общество и укрывшихся в горах Невады, чтобы

отлавливать диких лошадей и продавать их на мясные консервы для собак.

Итак, в этот сюжет надо было во что бы то ни стало втиснуть женский образ. Дикую лошадь ловят не для того, чтобы сесть на нее и ускакать из безрадостного мира, а чтобы превратить скакуна в пищу для собак. И этим произведением вернуть к жизни, спасти Мэрилин? Жалкий эпизод, где мужчины, выбитые из колеи, неудачники, женоненавистники? Как прикажете к ним, в их среду ввести Мэрилин?

Миллер все больше и больше казался лишь дублером большого писателя, за которого Мэрилин вышла замуж для того, чтобы он вдохнул в нее жизнь. Но рядом с ним и сама Мэрилин чувствовала себя своей собственной дублершей. Много терпения, огорчений, поцелуев, ссор потребуется, пока сценарий не будет написан и крупный режиссер не воплотит его в фильм, вложив в него свой талант. А пока каждый из них мучительно разыгрывал свою роль.

Миллер писал сценарий по утрам, а после полудня зачитывал написанное Мэрилин. Героиню, которую предстояло сыграть Мэрилин, зовут Розалиной – тем самым все сразу становится на свои места. Эта особа приехала в Рено разводиться.

Как быть с такой женщиной, попавшей в компанию трех авантюристов, ненавидящих общество и женщин? Автору ничего не оставалось, как приписать им увлечение Розалиной. Они по очереди рассказывают Мэрилин, то бишь Розалине, свои злоключения. И та в конце концов останавливает свой выбор на самом незадачливом, самом щедушном, наиболее обойденном судьбой из троих.

Такой итог! Розалина, хотя ее и будет играть Мэрилин, не женщина – красивый зверек из будуара, предмет вожделений всей Америки, а мать, оплакивающая своего неудачника сына.

Рассказ «Неприкаянные», первоначально опубликованный в журнале «Эсквайр», походил на репортаж о преследовании и поимке мустангов на корм собакам. Сценарий под тем же названием превратился в нескончаемый поток слез и слов. В конце фильма героиня, лежа на земле, оплакивает лошадей,

обвиняя за их судьбу всю Америку.

Если Мэрилин тщетно надеялась, что в Миллере загорится «искра божья», проснется художник, исцелитель, то сам Артур Миллер понапрасну ждал зарождения в Мэрилин урагана страстей, проявления сексуального символа, пробуждения женщины, которую мечтали сжимать в своих объятиях все американцы. И в ожидании, пока в ней проснется опьяняющая кинозвезда Мэрилин Монро, Миллер обнимал холодную дублершу – Так дублеры и жили бок о бок, оба возлагая последнюю надежду на фильм «Неприкаянные» – свое второе дитя, также оказавшееся мертворожденным.

Миллеры поселились в роскошной квартире в Манхэттене, 444 Ист, на 57-й стрит. В 1958, 1959 и 1960 годах Миллер не переставал обещать продюсеру и друзьям пьесу. Наконец он победно, заявил, что родил с применением акушерских щипцов «Неприкаянных». И Мэрилин была безмерно счастлива от перспективы сниматься в фильме по сценарию, написанному специально для нее. Встреча всех «неприкаянных» должна была состояться в Рено, и оба супруга ожидали исполнения давней мечты, тогда как на самом деле стремглав двигались по пути к очередным разногласиям и раздражению.

Оба они ошиблись в товаре. Артур Миллер вовсе не был пылким гуманистом, героем пьес, написанных им до женитьбы, а Мэрилин не была секс-бомбой, за которую Миллер ухватился как за высшую награду, присужденную преуспевшему писателю. Мэрилин была пятилетней девочкой, какой, к своему вящему удивлению, ее вдруг увидел Лоуренс Оливье глазом объектива. На самом деле она была просто во власти паники, наивна и невинна. «Чувственность ей так же чужда, как тригонометрия», – заявил сценарист Бен Хект, посмотрев на нее сочувственным и трезвым взглядом, что позволило ему увидеть истинную ее суть. Впрочем, именно Бену Хекту Мэрилин сделала странное признание, когда он в числе прочих гостей попал в красивую манхэттенскую квартиру Миллеров, где они, Мэрилин и Артур, силились разыграть для возможно большего числа людей комедию счастливой супружеской пары, сказку о «союзе Тела и Духа», ставшую былью.

Итак, Мэрилин заявила в тот вечер Бену Хекту: Если мне чуточку повезет, когда-нибудь я узнаю, почему людей так мучают проблемы секса. Меня лично они волнуют не больше, чем чистка ботинок. Следовательно, с 1957 года, в ту осень и зиму, Артур и Мэрилин как могли разыгрывали комедию в Манхэттене, обманывая других и себя. Они не хотели, чтобы другие заглянули в бездну, на дне которой лежала мечта жизни актрисы Монро и писателя Миллера: у нее – о спасителе, разгадавшем тайну того, что в ней происходило, и принесшем ей избавление; у него – о женщине, идеале всякого робкого, малоинтересного мужчины, работяги, привыкшего никуда не заходить по дороге домой, о женщине, воплощающей чувственное наслаждение, – такой Мэрилин предстала в фильмах и рекламе, – о женщине, высшей награде пуританина, до сих пор черпавшего усладу лишь в успехе своих произведений.

* * *

Летом 1957 года, когда Мэрилин вернулась из больницы, Миллер посоветовал ей снова обратиться к психиатру – он умыл руки и признавал себя побежденным – и опять сниматься, чтобы занять себя. Какую еще роль она могла исполнять, если не снова и снова одну и ту же – девушки, охотящейся за мужчинами и бриллиантами. Ей нужно скорей возвращаться к своему волнующему амплу. «Фокс» предложила Мэрилин фильм «Некоторые любят погорячее» режиссера Билли Уайлдера.

Казалось, она и не выходила замуж за Миллера. Она начинала с того, на чем остановилась перед замужеством. Ей предлагали вилять бедрами в облегающем платье, зарабатывать много денег. У нее не было детей, и ее спутник жизни носил очки, но он уже больше не казался ей Авраамом Линкольном.

Он не был отцом угнетенных. Он не был ничьим отцом. Он стал таким же чужим и мешающим, как биты Джо Ди Маджио.

Она чуть ли не с облегчением покинула Нью-Йорк, чтобы вновь оказаться в Лос-Анджелесе. В фильме Уайлдера ей предстояло играть Шугар Кэйн –

певицу из женского джаза, влюбившую в себя миллионера, владельца яхты. Ей хотелось, чтобы фильм был цветным. Несколько дней Уайлдер убеждал ее, что цвет окажется губительным для сюжета, по которому Джек Леммон и Тони Кертис переодеваются в женское платье, чтобы их приняли в женский джаз-оркестр. Кончилось тем, что он снял для пробы на цветную пленку двух актеров-мужчин в женских одеждах. Мэрилин признала, что цвет лишил ситуацию комизма и привносил неприятную нотку двусмысленности. Тем не менее дурное настроение у нее не прошло. Ей предстояло потратить столько сил ради столь жалкого результата! Ей не нравилась роль, а надо было в нее войти, раствориться в ней.

Уайлдер не умел сидеть спокойно. Он раскачивался на стуле, наклонив голову, как скрипач. Он курил длинные папиросы, как женщина-вамп немного кино, и, когда работа его удовлетворяла, менял перышко на своей тирольской шляпе.

– С вашего позволения или без него, а фильм я закончу, – заявлял он Мэрилин при ее очередном опоздании.

Страсберг и его жена по-прежнему не покидали съемочную площадку. Тони Кертис не скрывал своего недовольства тем, что его партнерша часто была дурно настроена. Чтобы добиться от нее требуемого по сцене, приходилось снимать до сорока девяти дублей, тогда как со всеми другими крупными актерами Уайлдер, как правило, добивался желаемого результата после одного-двух дублей. На площадке создавалась невыносимая обстановка. Кертис терял легкость, веселость, прежде чем Мэрилин удавалось хоть немного разыграться. Все в ней разочаровывались. Она боялась камеры больше, чем когда-либо. Она делала все, чтобы испортить пленку, обескуражить режиссера, своих партнеров и сорвать съемки.

В перерывах она интересовалась смешными историями или, например, теорией одного американского ученого, утверждавшего, что человека можно усыпить на десять, двадцать лет, на два века и он будет спать, не видя снов.

Достаточно поместить такого путешественника во времени в морозильник с температурой, равной абсолютному нулю. Замороженный организм способен жить бесконечно. Вместо кладбищ тогда были бы спальни.

– И зачем вам все это нужно знать? – спросил Уайлдер Мэрилин, с увлечением пересказавшую ему эту теорию.

– Для себя самой, для моей болезни; оказывается, достаточно, чтобы меня заморозили, законсервировали. А потом, когда научатся лечить мою болезнь, меня разбудят.

– Какую болезнь?

– Отвращение к жизни, мой дорогой.

– Оно пройдет у вас, когда вы перестанете опаздывать на съемки.

А Джеку Леммону она как-то заявила:

– Я буду счастлива только тогда, когда получу настоящую роль.

– Вы как Чарлз Лоутон, – пошутил Леммон, – который хотел бы сыграть Черчилля. Но старик Черчилль сказал: «Пусть подождут, пока я умру, тогда они могут декламировать мои военные речи». И Лоутон, который моложе Черчилля всего на двадцать лет, знает, что лелеет пустую мечту, так как его не станет на свете раньше, чем Черчилля... Вот почему, наверное, они не перестают выступать по телевидению с комментариями к Библии. Поступайте, как он; в ожидании хорошей роли, которая вам по душе: комментируйте Библию по телевидению.

* * *

После съемок Мэрилин побывала в Амагансетте, Роксбюри, в одинокой ферме на берегу моря, а потом сняла квартиру в Нью-Йорке. Она потребовала, чтобы ее гостиная была белой, как колыбель. Все в этой квартире стало белым – такой ошеломляющей, зловещей белизны, как страница, на которой ничего не написано, но все ясно и решено. Стены, занавески, обои – вплоть до рояля – все было белоснежным и чистым, как больничная койка.

Единственным черным пятном в этом ансамбле белого была

металлическая скульптура в стиле авангарда, что-то вроде обуглившейся ветки, претендующей на то, чтобы ее считали изображением женщины. Может быть, это была новая форма старой обнаженной модели для календаря? Мэрилин упивалась этой металлической изощренной наготой, этим голым скелетом, казалось возвышавшимся над странными светскими ритуалами, разыгрывавшимися в этих апартаментах. Здесь принимали только интеллигентных гостей для умных бесед. По возвращении из Англии Миллер дал себе зарок познать плодотворное одиночество вдвоем как бы для того, чтобы вкушать счастье, но, поскольку ему приходилось маскировать огромное и ужасное разочарование, супруги только и делали, что принимали гостей. Два секретаря, горничная и кухарка служили доказательством полного комфорта. Где же одиночество, столь дорогое писателю?

Миллер не считал одиночество недугом, а потому ему не надо было искать от него лекарства. Теперь он принимал с распростертыми объятиями любопытных, торговых агентов, репортеров светской хроники, чтобы они, в досталь потоптавшись вокруг знаменитой четы, могли засвидетельствовать, что у этих влюбленных все в полном порядке.

В летнюю пору Манхэттен дымился, как обильно унавоженное поле. Продвигаясь в сторону Гарлема, замечаешь негров, замечтавшихся у витрин с обувью. Манхэттенская толпа уже не вызывает у Миллера мечтаний, потому что его мечта совпадает с мечтой миллионов американцев, и, как они, он ломает себе над ней голову. Это мечта о Мэрилин Монро – идеале женщины. Но, разгуливая в вечернем тумане, он и не стремится проникнуть в тайну судьбы близкого ему человека.

Вся беда в том, что Миллер слишком занят тайной собственной судьбы, чтобы еще заниматься чужой.

Он идет по Бродвею, бывшей индейской тридцатикилометровой тропе, самой длинной улице Америки, бульваром ночных удовольствий, но у него не душа индейца, ставшего на тропу войны в поисках сырого мяса, курящего трубку, набитую дикими травами, помогающими проникнуть в тайны жизни.

Огромный человеческий зигзаг проходит через Манхэттен и пересекает Таймс-сквер, Седьмую авеню и 42-ю стрит. Льет кровавый дождь неона. Восемь миллионов одиночек кружат по самой людной улице мира. Конный полицейский, евангелист, разворачивающий знамя, бродячий актер при галстукке, завязанном бантом, бейсболист, торговец сувенирами – все они на одно лицо.

Театры Бродвея укрылись на пересекающих его улицах – устарелые залы с допотопными креслами, но. в этой тесноте, где нет ничего американского, царят властители умов, рассеивающие тьму в сердцах: О’Нил, Теннесси Уильяме, Артур Миллер.

Бутылки откупориваются, машины блестят, сосиски сбываются в буфете при бензозаправочной станции, актеры идут в Сарди проверить, висят ли на стене карикатуры на них – свидетельство того, что они еще существуют.

Но Артур Миллер уже не ищет на Бродвее себя самого... В дождь и при светящихся молниях он охотится за цветным ливнем, объявляющим о предстоящей премьере фильма Мэрилин «Некоторые любят погорячее». Он рыщет по следу своей, согласно мифу, пылкой супруги.

Этот господин, напоминающий в надвинутой на глаза шляпе погоревшего полицейского, воображает себя мужем Мэрилин Монро и громогласно пытается это доказывать. Так, когда по окончании съемок фильма Уайлдер заявил: «Наконец-то у меня исчезло желание дать вашей жене пощечину из-за одного того, что она женщина. Я снова обрел аппетит и сон», – Миллер слал ему телеграмму за телеграммой, требуя публичных извинений.

Фильм «Некоторые любят погорячее» принес свыше тысячи пятисот миллионов долларов, тогда как обошелся он менее чем в три миллиона. Летом 1959 года он побил все кассовые рекорды. Он доказал, что Мэрилин Монро остается для Америки и за ее пределами самой пылкой – только не для своего законного хмурого супруга – женщиной и самой что ни на есть пикантной актрисой.

* * *

Горький сказал, что книги делают человека во многом неуязвимым. Миллер забросил книги ради женщины и сразу стал уязвимым.

Еще в юном возрасте мать предостерегала его против женщин: «Надеюсь, ты не смотрел на эту девушку!». Или, когда он бросал блуждающий взгляд на изящную клиентку: «Надеюсь, ты не собираешься влюбиться в эту девушку, Артур!».

Да, ему внушали, что любовь – худшая из бед в жизни хорошего парня. Любовь к девушке воспринималась либо как насмешка, либо как предательство. Это брешь в семейном святилище. Тем более, что эта девушка, чего доброго, могла оказаться иной национальности.

В смешанном браке усматривали не только нарушение догмата веры, но и проклятие для всей семьи виновного. Хорошим сыном был тот, кто гулял по воскресеньям с родителями, кто жертвовал всем ради отца и матери, кто уходил из лавки последним, кто умел доставать товары, кто отдавал все свои чувства матери, а свое время отцу. Да, хороший сын начинал с высшей жертвы родителям – он жертвовал ради них нормальными человеческими инстинктами.

Миллер жил в невероятно серой атмосфере еврейского квартала Нью-Йорка. Дородные женщины, расходясь на лестнице, вынуждены были втягивать животы, уменьшая свой объем. Скрестив руки на груди, они погружались в нескончаемые монотонные молитвы. Тем временем мужчины играли в бильярд, проклинали невезение или объедались халвой и рахат-лукумом. Молодые люди шатались среди обшарпанных домишек, словно по гигантскому кладбищу, над которым стоял тяжелый запах острых приправ.

Любой паренек, заработавший себе близорукость, корпя над книгами, считался хорошим мальчиком. Ему надлежало держаться подальше от мрачных скверов Бронкса, где девчонки и мальчишки играют в какие-то странные игры и при этом громко кричат... Хороший мальчик должен был в это время слушать по радио серьезную музыку, отличаться усидчивостью, примерным поведением, хорошими отметками, получать награды и грамоты.

В этом хмуром мире не ходили – бегали. Законы удачи и преуспевания предписывали, чтобы в кварталах иммигрантов обязательно были воры, продажные женщины, перестрелки. А те, кто не решался принимать участие в этих единственно доступных приключениях – насилии и гангстеризме, становились портными, круглые сутки гнувшими спину над чужими костюмами, кроили и шили их для тех, кто вправе развлекаться...

Среди всех гнусных ловушек, расставленных жизнью на пути у еврейской молодежи Бруклина, главной была женщина... Вот он, враг, перед тобой... Вот почему о ней говорили как можно меньше, рассказывали о проказах соседа или соседки, приглушив голос... Ее упоминали, да и то только шепотом, плохие ученики. Женский пол, женщина была врагом серьезной музыки, убийцей книг, отравительницей чистого горного воздуха. Отец, мать, братья, сестры в хорошей семье пола не имели... Тут была семья, а там, у других, нечистых – пол!

Попав в страну своей мечты, иммигрант обнаруживал, что это клоака, но его дети, оберегаемые от дурных примеров, продолжали мечтать...

Ну, а если мечта об успехе стала реальностью? Когда порядочный молодой человек из Бруклина и других грязных кварталов наконец вознагражден, прославлен, у него появляется новая мечта, его ждет другая награда – женщина! Беда тому, кто не получит такой награды!.. Его слова не станут золотыми... Он снова начнет заикаться.

После «Неприкаянных» писатель Артур Миллер, обладатель большого таланта, опять стал запинаться, как в начале своей карьеры... Он снова стал уязвимым, сбитым с толку, выбитым из колеи.

* * *

В часы, когда Мэрилин Монро наводит красоту, она слушает пластинки с записями Эллы Фитцджеральд. Каждая песня заканчивается овациями, публика бурно приветствует певицу, которая только что спела «Someone to watch over me» – Кто-то надо мной, охраняет меня!". Когда публика в восхищении не дает

певице возможности передохнуть, на лбу ее выступают росинки пота, она оставляет на рояле розовый шарф. Свою душу, конечно!.. И благодарит со смешком, похожим на рыдание.

Мэрилин страдает оттого, что, облачившись в свитер, опять должна писклявым голосом петь в новом фильме «Давай займемся любовью» песенку Кола Портера «Мое сердце отдано папе». Вместо того чтобы вызывать слезы у зрителей, она горюет сама. Режиссер Джордж Кьюкор хочет, чтобы она спела эту песенку сладострастно: «Мое сердце отдано папе. Знаете, он ведь большой богач!..» Девушка, сердце которой отдано отцу, не очень-то знает, как ей быть со своим телом. Она может им помыкать. Это несущественно. Под свитером на ней лишь трико. Она кривляется. Смеется все громче и звонче. Этот номер длится десять минут на экране и целую вечность в душе Мэрилин.

На тонстудии звучит музыка. Постановщик танцев подсказывает Мэрилин все, до последнего взмаха ресницами, а хореографы воспроизводят движения, так что ей остается только менять позиции, помеченные на площадке мелом. Тем не менее она все время в испарине, ее глаза застилает пелена.

Продюсер фильма Бадди Адлер – человек покладистый. Монро заставляет крутиться большое долларовое колесо, и поэтому ей все позволено. Но пока актриса поет о радости, внутри у нее такая грусть, такая неизбывная грусть, как у изголодавшейся девчушки с венком из сухих листьев – единственное украшение, доступное ей в детстве, когда она играла в саду ее квартала.

За тридцать лет Джордж Кьюкор перебивал режиссером самых крупных кинозвезд. В его фильмах снимались Грета Гарбо, Джин Харлоу, Норма Ширер и Ингрид Бергман. Мэрилин потребовала, чтобы ее фильм ставил Кьюкор. Ей не на что было жаловаться, и тем не менее она беспрестанно раздражалась.

Никто на площадке не понимал смысла нервного жеста, который невольно делала Мэрилин перед роковым сигналом «идет съемка». У нее была манера энергично потряхнуть пальцами – настораживающий ритуальный жест, как у пианиста, желающего придать им гибкость перед началом выступления. К

этому жесту Мэрилин уже привыкли, его уже не замечали. Но она трясла пальцами и пребывая в подавленном состоянии по вечерам, чтобы они не прихватили лишнюю таблетку снотворного: тогда, выронив смертоносное вещество, она вновь обретала присутствие духа...

Миллер, который в Лондоне явился на съемочную площадку только раз и постоянно утверждал, что не намерен вмешиваться в работу и дела жены, теперь не покидал киностудию. Он неустанно находился при Мэрилин. Он стал так же рьяно навязывать свое присутствие при ее съемках, свои советы, неодобрения или недовольные мины, как ныне или в прошлом все прочие Страсберги, Лайтес или Грины.

Партнером Мэрилин в этом фильме был Ив Монтан. В 1959 году дал сольный концерт на Бродвее и был очень хорошо принят. Грегори Пек и Рок Хадсон отвели свои кандидатуры: один счел роль слишком для себя скромной, второй обиделся за то, что ему не сразу ответили, когда он просился на эту роль сам.

Миллер хорошо относился к Монтану, игравшему вместе с женой на парижской сцене в его пьесе «Салемские колдуньи». Чем больше Мэрилин отдалялась от Миллера, тем больше Миллер старался быть рядом. Не сумев стать ее просветителем, гидом, исцелителем, он ограничился ролью мелкого менеджера, технического советника, следил за текстом, чтобы подправить реплику, приспособить ее ко вкусам актрисы.

Каждый вечер Миллер отправлялся вместе с многочисленной съемочной группой просматривать материал, отснятый за день. На просмотре присутствовали монтажер и Кьюкор, который высказывал свое мнение, но Мэрилин всякий раз оспаривала его, а Артур Миллер автоматически принимал сторону жены – как и положено мужу.

В таком его поведении не было уже ни логики, ни критического чутья. Всякий раз, когда настроения Мэрилин были объектом нападков, он становился в позу одержимого манией преследования: «Мистер имярек, я требую извинений. Вы оскорбили мою жену. Прошу вас публично принести свои

извинения!»

Нервозность вышла за порог квартиры Миллеров и стала достоянием широкой публики.

При каждом капризе Мэрилин Миллер многозначительно качал головой. Он во что бы то ни стало хотел удержаться возле этой женщины, которая теперь каждый день грозила дать ему отставку. Он старался быть ей полезным, необходимым, готовым довольствоваться ролью придворного. Ведь он мог хотя бы заниматься сценариями жены, добавить там слово, тут шутку. Он давно уже сдался как писатель. Он патологически убежденно исполнял роли на выходе. Такова цена, которую он платил не за жизнь, а пусть только за сохранение легенды.

Помните: «пара века», «союз Тела и Духа!»

По утрам, вооружившись лупой, он сортировал фотографии, раскладывая их на две стопки: направо удачные, налево негодные.

* * *

Рено, куда приехала труппа для съемок «Неприкаянных», заполнен игральными автоматами, их рычаги поднимаются и опускаются, монеты звякают, шары подскакивают над столами для игры в рулетку; костяные фишки стучат одна о другую, любители выпить судорожно сжимают в кулаке серебряный доллар, не отрываясь от автоматов, и все это, плюс вздор, выдаваемый неумолкающими радиоприемниками и телевизорами, создает невероятный шум, не стихающий ни днем, ни ночью. Этот шум оглушает женщин, большинство которых приезжает сюда, чтобы порвать искусственную связь, положить конец несчастливому браку.

Ненастоящие шахтеры, ненастоящие стригали и ковбои увиваются вокруг норковых шубок безутешных красоток. В ожидании решения о разводе эти горемыки пьют и играют в азартные игры. Они ищут компенсации за потерю. В этом городе столько же ювелирных магазинов, сколько игорных автоматов, и повсюду, у зубного врача и у священника, висят таблички, предупреждающие,

что прибегать к огнестрельному оружию запрещено. Поэтому приобретают драгоценности или принимают ухаживания мнимого ковбоя, маскарадный костюм которого призван способствовать бойкой торговле напитками (в других местах для этой цели используют девиц в облегающем платье).

Приехав в Рено, разведенные заглушают свою грусть, нажимая на разные рычажки.

Мэрилин тоже нажала руками на рычажок – только в переносном смысле: она в последний раз попыталась пробудить писателя Артура Миллера.

Она попыталась разжечь в нем чувство ревности, надеясь его расшевелить, вывести из умиротворенного состояния по классическому рецепту – жена стремилась раззадорить мужа, не причиняя ему зла. Она ждала, что до Миллера дойдет. Но для нее это был отчаянный шаг. Не окажись Миллер настороже, дело могло принять серьезный оборот.

Поначалу Мэрилин отлучалась в город для встреч с фотографами. Затем полетела в Нью-Йорк с Монтом Клифтом – одним из своих партнеров по фильму – встречать Иву Монтана. И тот и другой были друзьями Миллера. Она давала им понять, что изменять Артуру не собирается, а просто хочет его расшевелить, задеть самолюбие мужчины, от которого, быть может, еще ждала спасения. Но Миллер никак не реагировал на этот столь явный маневр.

Он ограничился тем, что покачал головой, и в его глазах промелькнул огонек: он стремился казаться великодушным и далеким от всяких подозрений. В конце концов он так и остался вне пределов досягаемости.

Оба случайных кавалера, и Клифт и Монтан, любезно играли роль верных рыцарей. У Клифта, мягкого и галантного молодого человека, не было ничего от обольстителя. К тому же незадолго до этого он попал под автомобиль, и у него было изуродовано лицо. После нескольких косметических операций он обрел другое лицо – покрытое шрамами, перекоруженное и более грустное, нежели его собственное.

Что касается французского певца Ивы Монтана, то он всегда оставался, верен своей профессии и жене. Обольстительное притворство Монро, конечно,

льстило ему, но интересовало его гораздо меньше, чем гигантский лимузин, в котором он совершал свое турне. Он был на приятельской ноге с электриком, осветителем, костюмершей, шестью музыкантами. С увлечением возился с усилителями, занавесями, юпитерами. Хотя он и стал звездой международного класса, но считал себя прежде всего работником, своего рода краснодеревщиком и гордо заявлял: «Каждый вечер я отделяваю какую-нибудь мебель». Переключить на себя внимание этого певучего столяра было невозможно.

Притворившись, что она состоит в связи сразу с двумя мужчинами, Мэрилин совершила уморительный промах. Они питали к Мэрилин братские чувства. Они смутно понимали, что она пользовалась ими как живой бутафорией для мизансцены. Их улыбка, когда они позировали с ней перед фотоаппаратами, говорила о том, что трофей позаимствован на время.

Напрасно Мэрилин, нисколько не остерегаясь, убегала то с одним, то с другим – Миллер был пассивен. Он вспоминал жизнь Толстого и Ибсена. Последнему пришлось, когда он переключился с сумбурных исторических драм на реалистические, удалиться в изгнание в Италию. А Толстой ушел умирать на пустой вокзал, подальше от своего поместья, своей семьи и жены. Миллер выработал философию, облегчавшую ему жизнь в трудные моменты. Согласно этой философии, гений извечно гоним, и тут уж ничего не попишешь. Христос и не мог встретить на своем пути ничего иного, кроме досок и гвоздей. Но теперь у Миллера это убеждение приобрело универсальный характер в том смысле, что оно стало теорией для его личного употребления, позволявшей, что бы ни случилось, сохранять спокойную совесть. В самом деле, зачем добиваться истины, терзать себя, если ты – признанный гений, а значит, обречен на гонения.

И потому в те дни с лица Миллера не сходила чуть скорбная улыбка. Он делал вид, что прогоняет огорчения, приносимые мнимыми любовными приключениями жены, как прогоняют назойливо жужжащую муху. И все. Он и не пытался понять. Старался не видеть. Не выходил из себя. Друзья думали, что

он по-рыцарски страдает. А он был лишь усталым.

Чего еще от него хотела эта женщина, эта Мэрилин? Ведь он отработывал ее реплики, защищал ее, когда она была в дурном настроении, следовал за ней повсюду во время съемок с таким же прилежанием, как ее режиссеры, гримеры, парикмахеры, продюсеры и любопытные. Что ей еще было от него нужно?

* * *

Джон Хьюстон согласился ставить «Неприкаянных» не потому, что в фильме играла Мэрилин, и не потому, что эту высокопарную и болтливую сказку написал Миллер, а потому, что представлялась возможность показать кусок дикой природы – ловлю мустангов в пустыне Невады.

Хьюстон был сыном актера, а посему совершал артистические турне еще в пеленках; при этом его родителей больше беспокоили удары гонга, возвещающие о поднятии занавеса, нежели плач младенца. Его дед выиграл в покер загородный дом в Техасе. Такая наследственность отвратила Хьюстона от проторенных путей, и, прежде чем стать кинорежиссером, он был боксером, объездчиком лошадей, сценаристом театра марионеток.

Хьюстон снимал свой фильм, смеясь как одержимый. Он ставил его с увлечением профессионального боксера, который ведет бой, пока противник не рухнет наземь. В «Неприкаянных» он проявлял больше уважения к диким лошадям, лежавшим в золотистые сумерки привязанными к кольям, нежели к актерам. Хьюстона интересовали только красивые жесты и смелые до отчаяния мужчины, проявляющие героизм ради ничтожных целей. В этом турнире desperados⁴ женщина была совершенно не к месту.

Миллер присутствовал на всех съемках. Помимо мустангов, Хьюстон занимался актерами-мужчинами – Гейблом, Клифтом и кривлякой Эли Уоллахом. Он делал вид, что вообще игнорирует Мэрилин, чаще всего общаясь с ней через Миллера. Невысказанные фразы скапливались и застревали в горле Мэрилин. Она топала ногами, плакала и кричала, как требовалось по сюжету.

⁴ Отчаявшиеся (исп.)

Миллер гнал галопом пустые, бессодержательные фразы, скелеты чувств, как Хьюстон – лошадей.

Напрасно Мэрилин задыхалась от яростного, жгучего желания высказаться. Под злым, разъяренным взглядом Хьюстона она снова чувствовала себя потаскушкой из «Асфальтовых джунглей», только вдобавок ставшей и истеричкой.

Миллер так ничего и не дал ей своим сценарием, ничем ей не помог. В одной сцене она пускалась в пляс вокруг дерева и под конец обхватывала его руками, как будто это было существо из плоти и крови. Фильм завершался ее рыданием. Мэрилин оплакивала свою мечту, воплощенную в Артуре Миллере. Она плясала наивный, жалкий танец вокруг одревеневшего человека и жалась к нему, тщетно надеясь, что он оживет. Но она так и осталась сиротой, потому что и Миллер не дал ей семейного очага, а означал только способ помещения капитала. Она осталась той девочкой, которая, надев венок из сухих листьев, думала, что сбылась её мечта о красивом платье.

Вот почему, когда к концу съемок фильма Хьюстон отмечал день своего рождения, Мэрилин, произнося тост, не могла сдержать крика души. Она предложила выпить за здоровье Артура Миллера – «импотента в литературе», добавила она с надтреснутым, скрипучим смешком.

Уоллах вскочил, глаза его были готовы вылезти из орбит. Задели его Идола, Мыслителя, Супермена. Пьяный, с движениями клоуна, играющего в своей коронной сцене, он взвизгнул: «Как подобного сорта женщина смеет так отзываться о своем муже, великом Миллере? Чем она прославила свою эпоху, что ей дала, кроме своего бюста и играющих бедер? А Миллер создал несравненные шедевры, которые...» Миллер улыбался улыбкой мученика. Мэрилин разрыдалась. Кларк Гейбл, безумно уставший, выдохшийся от дьявольского напряжения сил, которого требовала работа с Хьюстоном и укрощение мустанга в фильме, встал и поднял руку, желая успокоить присутствующих. Клифт повернул к Мэрилин свое заштопанное, подправленное хирургами лицо.

Тогда Мэрилин поднялась и сказала:

– Я лечу в Нью-Йорк... Одна! Здесь вас, мужчин, слишком много. Можете оплакивать своих лошадей! Эти слезы дешево стоят, и они ужасно фотогеничны, не так ли?

* * *

Вскоре после этого Кларка Гейбла не стало – он умер от истощения сил после напряженной работы над фильмом, – он был неосторожен, этот уже старый и утомленный жизнью актер. Женившись поздно, он так и не увидел ребенка, которого ожидала его жена.

Для слишком чувствительной Мэрилин, во всем усматривающей мрачные предзнаменования, это была вторая жертва ее брака – первой она считала журналистку Мэри Щербатову, разбившуюся в Роксбюри, на подъеме дороги, когда она спешила к знаменитой паре, чтобы получить от них какие-то исключительные признания. Не напиши Миллер этих тяжеловесных, надуманных и неудобоваримых «Неприкаянных», съемок фильма не было бы и Гейбл остался бы в живых.

– Два трупа более чем достаточно! – заявила Мэрилин своему агенту.

И вот 11 ноября 1960 года она объявила о предстоящем разводе с Артуром Миллером, с которым прожила в браке четыре года и четыре месяца, испытывая сначала воодушевление, потом страстное ожидание, наконец, оцепенение и отчаяние. Она не могла больше ждать, верить и мечтать; не желала, чтобы рекламный «союз Тела и Духа» привел к третьей жертве. Когда-то она звала Артура Миллера уменьшительным именем Арт⁵. Но он был не столько Арт, сколько просто Артур, того же формата, что бумага, на которой писал, сухой, замкнутый, неэмоциональный. Она мечтала в союзе с ним согреть свою душу, он же хотел лишь сжимать в объятиях ее тело, о чем мечтали миллионы мужчин.

Когда Миллера просили объяснить мотивы развода, он деликатно

⁵ Арт – по-английски созвучно слову «искусство»

намекал на то, что его бывшая супруга – особа истеричная и неуравновешенная. Пытаясь казаться воспитанным и галантным, он высказывал мысль, которую внушил сам себе после женитьбы: Мэрилин жаждала безграничной любви. Но, по его понятиям, безгранично было все, что хоть чуточку заходило за рамки амбиций этого мелкого собственника, владевшего всеамериканской куколкой.

31 января 1961 года в нью-йоркском театре «Капитоль» на Бродвее состоялась премьера «Неприкаянных». На нее съехались знаменитости, жаждущие сенсаций, поскольку, как стало известно, Мэрилин Монро и Артур Миллер явятся каждый сам по себе.

После объявления о разводе Мэрилин на несколько дней укрылась у Страсбергов в Централ-парк-Уэст. Газетчики тщетно пытались что-либо разузнать у старины Ли. Тот пыжился от сознания своей значительности. При таком наплыве репортеров ледяная улыбка на его лице стала еще уже, и, покачивая головой, он произносил сакраментальную формулу: «Есть нерешенные вопросы».

Тогда журналисты бросились к родителям Артура Миллера на их квартиру в Бруклине. Те прятались со своей грустью на кухне. Они были подавлены новостью. Сын держал их в неведении. «Мы никак не могли этого предположить», – утверждал семидесятилетний Исидор Миллер. Его шестидесятисемилетняя жена была страшно потрясена и несчастна. Она обожала Мэрилин. Артур всегда утверждал, что они живут в полном согласии. «Он не привел никакого довода, оправдывающего этот разрыв, и я никак не могу в него поверить», – плача навзрыд, утверждала мать Артура.

Он не привел нам никакого довода, оправдывающего этот разрыв!

20 января Мэрилин одна отправилась в Хуарец в Мексике для получения развода и там встретила адвоката-мексиканца, представлявшего интересы Миллера. По-видимому, драматурга не беспокоило то, что он опять остается одиноким, как видимо, он не очень переживал, когда повредил себе колено, играя в футбол в университете, чтобы войти в студенческую среду. Но позднее разбитая коленная чашечка освободила его от воинской службы. Теперь он

думал, что после развода с Мэрилин наверняка утратит популярность, исключив себя из среды той, которой так много занимаются репортеры и светские сплетницы. Но у него был неиссякаемый запас снадобья для врачевания собственных ран: «Писатель – существо нелюдимое. Его дару ясновидения сопутствует одиночество. It is no cure – одиночество неизлечимо».

31 января 1961 года Миллер приехал на премьеру в кинотеатр «Капитоль» на Бродвее первым. Разноцветные неоновые буквы-брызги снова повсюду составляли его имя. Ничто не было потеряно.

Люди толпились перед «Капитолем», чтобы увидеть лица разведенных супругов и, возможно, прочесть на них объяснение тому, что произошло. Миллер выставлял напоказ непоколебимо твердую, застывшую улыбку. Эта свинцовая улыбка должна была подтвердить всем присутствующим, что у него все складывается как нельзя лучше, что здесь не кроется никакой тайны и, главное, не надо думать, будто он хоть немного скучает или страдает от чувства униженного достоинства.

И, желая придать большую доказательность, большую ядовитость этой демонстрации, тот, кто всегда скрывал своих двух детей, детей Мэри Слаттери. на этот раз с победным видом выставлял их напоказ.

Все было в образцовом порядке, и на его устах играла улыбка модного писателя и счастливого отца – его сопровождали дети, из них старшая – семнадцатилетняя, рослая красивая дочь. Вырядившись, как юная кинозвезда, Джейн вела себя в тот вечер так, словно была опытной женщиной: она ластилась к отцу, применяя весь арсенал соблазнительницы. Сама того не понимая, к подсознательному ликованию Миллера она играла роль его новой подруги, любовь которой он только что завоевал. Эпатирующая, двусмысленная мизансцена – она нужна была режиссеру Миллеру, чтобы доказать, что добродетель и выигрыш на его стороне. Миллер извлек дочь из длинного черного лимузина так, словно «Капитоль» был храмом, где совершаются бракосочетания царственных особ.

Те, кто собрался перед «Капитолем», были крайне изумлены. Некоторые

подумали, что эта ослепительная девушка, которую Миллер окружал таким вниманием, могла быть только самой Мэрилин Монро – объектом зависти мужчин. Но поскольку позади шел еще и сын, они наконец поняли, и воодушевление тут же сменилось облегчением с примесью какого-то неприязненного чувства.

Тому, кто перестал обладать Мэрилин, некогда человеку сдержанному и избегающему людей, отныне не оставалось ничего иного, как придумывать что-нибудь в этом роде, выставляя себя напоказ жадным посторонним взглядам, чтобы рикошетом получать при этом удовольствие и самому.

Миллер долго услаждался овациями толпы, пока не удовлетворился и не вошел в кинотеатр, чтобы вкусить наконец и другие наслаждения, вызванные чувствами более тонкими и не столь мимолетными – теми, которых он добивался как драматург.

Мэрилин приехала десятью минутами позднее. На ней было черное платье, приоткрывавшее хрупкую шею. Монтгомери Клифт держал ее под руку. Она остановилась перед камерами. Заулыбалась. В какой-то момент, потеряв над собой контроль, она выдала журналистам, забросавшим ее вопросами, свой секрет. Они снова стали допытываться у нее о причине развода. Она ответила легко и деликатно, сделав жест, словно дотрагивалась указательным пальцем до невидимого человека, находящегося совсем рядом.

– До него можно было дотронуться, но его тут не было!

* * *

8 февраля 1961 года, то есть неделю спустя после премьеры «Неприкаянных», Мэрилин оказалась в психиатрическом отделении клиники Пейн Уитни «Корнелл медикал центр», затерявшейся в веренице небоскребов вдоль Ист-Ривер. Журналисты, поспешившие туда за новостями, получали на все свои вопросы один ответ: мисс Монро здесь просто отдыхает.

Ди Маджио был замечен у входа в клинику с чемоданом. Он скрылся бегством. Тем, кто гнался за ним, надеясь вырвать что-либо сенсационное,

догнать его не удалось. Мэрилин легла в клинику для продолжительного курса лечения – от хронической бессонницы. Но для нее это была не столько попытка отдохнуть, сколько репетиция смерти. Ибо что хорошего ждало ее еще в жизни? Какую работу предлагали ей, чтобы убить время? За несколько дней до того, как лечь в клинику, она получила предложение сняться на телевидении в «Дожде» Сомерсета Моэма – опять, как всегда, в роли жалкой проститутки. На этот раз под знойным солнцем тихоокеанских островов ее убивает священник, которого она хотела совратить.

Все это было как в насмешку. Ни психиатры, ни те, кто выдавал себя за друзей Мэрилин, ни сценаристы, ни даже главный мыслитель – Миллер не поняли, что надо разорвать сковывающую ее цепь ролей девиц легкого поведения. С каждым фильмом в ней росло чувство виновности, они ускоряли скольжение по мрачному склону в пропасть. Ей не предлагали ничего лучшего, чем роли, в которых она выставляла напоказ свои ноги, торс, спину. Упорно восхваляя формы ее тела, они воображали, что ей это льстит, тогда как ее губы не переставали с отчаянием и наивностью повторять: Достоевский, Диккенс, Мопассан, Томас Вулф, единственное противоядие отраве сексуальности, которую она соглашалась принимать, – с удовольствием и с горечью в равной мере.

Расставшись с Миллером, она действительно потеряла сон, и это ее пугало. У нее как будто ничего не болело. Но в ней самой, во вдыхаемом ею воздухе было что-то неустойчивое, какие-то перебои. Ложась в постель, она принимала снотворное; но она напрасно притворялась, что спит, тихо дышала, закрывала глаза – это была комедия, которую она разыгрывала для себя самой.

Она не могла уснуть. Это ее злило, бесило. Однако она лежала без сна и чувствовала, как ее опустошает, изматывает одно то, что ее глаза открыты, даже при опущенных веках.

И еще она потеряла вкус к книгам и думала лишь о часе, когда сможет увидеть своего доктора, живя исключительно для этого свидания.

– За всю ночь я сплю только полчаса!

– Надо не спеша увеличивать этот капитал – сон. Через неделю вы будете спать на час дольше. И так пока ваш ночной сон не достигнет нормальной продолжительности.

– А между тем перед сном я много занимаюсь гимнастикой.

– Вы перебарщиваете.

– Меня не тянет к книгам.

Ей посоветовали не делать своих мучений главным занятием жизни... Показали фотографии бедных, несчастных людей, спящих в разных концах мира во всевозможных позах. Вот спят кули, нищие, дети. Вот мужчина спит на подоконнике, другой – на скамье, не выпуская из черных рук зонта, защищающего его от солнца, третий, спрятав голову в корзину, четвертый – в самой корзине, покорно свесив оттуда ноги и голову. Была там и фотография человека, который спал на откосе, положив под себя – адов матрас – велосипед, чтобы его не стащили, и был младенец, уснувший в высоком детском стульчике, ухватившись рукой за большой палец ноги.

Она заявила врачу: «Мне даже не хочется напиваться, а ведь это могло бы быть выходом». Она вдруг страшно возненавидела кино и все фильмы со своим участием, потому что не видела в них себя такой, какой желала бы увидеть. Вот ужас, если бы она стала кинозвездой в восемь лет, как этого кто-то хотел, подобно Ширли Темпл, позднее ставшей матерью семейства, или чудесному маленькому Киду, ныне пожилому лысому дяде. Кино убивает в упор, вытесняя все и все подавляя мечтой, иллюзией, подделкой. Как стать самим собой, как нормально стареть, после стольких надежд превратиться в божество? «Самое важное в жизни – хоть чуточку полюбить себя. И тогда все пойдет своим чередом». Это сказал Джерри Льюис. Но ей не удавалось чуточку возлюбить себя. Она себя совсем не любила. Она могла лишь умолять, чтобы ей помогли уснуть.

Ее пичкали лекарствами. И в конце концов заставили спать несколько длинных ночей, несколько дней подряд – и так в течение месяца.

Наконец 5 марта 1961 года она покинула палату 719 павильона Харкнесс

клиники Пейн Уитни. А два дня спустя ей пришлось облачиться в траур, чтобы присутствовать на похоронах матери Артура Миллера, старой женщины, не меньше Мэрилин любившей поплакать. Эта общая слабость роднила ее с Мэрилин.

И вот, облачившись в траур, она отправилась в своей машине в Сан-Франциско, где ее ждал Ди Маджио, всегда готовый снова видеть ее, терпеть, продолжать с ней совместную жизнь – жизнь на острие ножа. Он цеплялся за Мэрилин так же, как за свои альбомы фотографий и вырезок из газет.

Но американские автострады с их хаосом красных огней, зеленых стрелок, стелющихся, как ковер, дорожек из битума или бетона пугали Мэрилин. Она не знала, куда все они ведут. Левый ряд, поворачивай налево! Никакого разворота налево с девяти утра до семи вечера. Никакого разворота направо, исключая воскресенья. Дух захватывает, когда видишь лишь одну бензозаправочную станцию за другой, пересекаешь горизонт за горизонтом, открываешь реки, горы, небо и каждый раз, когда заправляешься бензином, получаешь проспект, разъясняющий, как распознать атомное нападение: «Вы увидите в небе такой яркий свет, какого еще никогда не видели...» И потом у Ди Маджио актриса опять увидит весь его клан, у нее станут клянчить автографы, словно подаяние. А вечером она снова увидит из окна ресторана Ди Маджио, как по другую сторону Причала рыбаков зажгутся огни в тюрьме Алькатраз, три этажа и множество окон – ни дать ни взять северное сияние. Восхищенные клиенты будут смаковать блюда, рисуя в своем воображении тех людей на залитой светом скале, осужденных оставаться взаперти кое-кто дольше чем век... Несчастье одних усиливает аппетит других... Она вновь испытает иллюзию, как тогда, когда гуляла с сыном Ди Маджио или дочерью Миллера...

Она узнала, что Миллер спешно женился еще раз, теперь на австрийке, фотографе из агентства «Магнум», приехавшей во время съемок «Неприкаянных», – грузной, уродливой, болтливой кривляке со старообразным лицом. Для Мэрилин это было подтверждением ненависти, ответом

униженного мужчины слишком красивой женщине, которая его бросила. И на вопрос, что она думает об этом браке, заданный ей, когда она вернулась в Лос-Анджелес, она ответила, что ответственности за внутреннюю кухню Миллера не несет.

* * *

Днем Мэрилин скрывалась в своем особняке на Беверли Хиллз, а вечером принимала снотворное. Слава не излечивала от тягот жизни; иногда она, быть может, даже усиливала ощущение скуки. Бадди Адлер, босс «Фокс», постоянно звонил ей, приглашая встретиться для беседы об участии в новом фильме. Ведь эта Мэрилин чеканила золото. Преступно оставлять ее бездеятельной.

Ей предложили сниматься в новом варианте «Голубого ангела» – фильме, прославившем Марлен Дитрих. Она отказалась. Ей предложили сыграть роль Джин Харлоу, царившей на экране в 30-е годы и рано ушедшей из жизни. Она снова ответила, что это ее не интересует.

Генри Уэнстайн, один из продюсеров «Фокс», попросил ее прийти на совещание относительно сценария «Something got to give» («Что-нибудь непременно получится»). Сценарист Наннели Джонсон написал историю женщины, которую считали погибшей в автомобильной катастрофе, а она объявилась в тот самый день, когда ее муж вторично вступал в брак, чтобы забрать у него детей. Наннели Джонсон был сценаристом фильма «Как выйти замуж за миллионера» с участием Мэрилин. И она ответила, что не решается встретиться с Наннели Джонсоном, поскольку уверена в том, что она внушает ему антипатию. С тех пор как Мэрилин покинула клинику, она не переставала повторять о том или другом лице, что ее ненавидят. Так она избегала встреч и убеждала себя, что ей лучше всего запереться дома и по возможности уснуть.

Наконец Наннели встретился с Мэрилин и тут же спросил ее, какие у нее основания считать, что он питает к ней антипатию. Мэрилин пожала плечами, грустная, беспомощная, безразличная.

– Я думала, вы меня не любите, – сказала она, глядя в сторону, словно

отыскивая глазами потерянный предмет.

– Но почему?

– Откуда я знаю. Потому, что я уже снималась в фильме по вашему сценарию. Потому, что я всегда прихожу с опозданием.

– Но вас тут все любят! – заметил Уэнстайн.

– Конечно, – сказала она. – Я всех забавляю и приношу доходы!

И против своей воли она мало-помалу свыкалась с мыслью опять идти на киностудию, зная, что в конце концов смирится с этим сценарием, ведь ее и вправду все любили, ждали, что она окажется хорошей, сговорчивой, оставит свои мрачные мысли хотя бы на время, пока снимается фильм.

Она и на этот раз не станет скрывать ничего из того, что демонстрировала уже много раз или выставляла напоказ – свою красивую кожу, округлые колени, бедра, красные ногти, свой распахнутый халат и пеньюары на фоне зеркал и кроватей.

В очередном фильме – она сменит джинсы на бальное платье, платье – на тонкую прозрачную сорочку и так далее... И это будет апофеоз... Ведь надо с каждым разом показывать немножко больше. Чтобы оправдать славу кинозвезды, в конце концов она покажет себя всю, все тело. В этом фильме будет главная сцена: Мэрилин в бассейне обнаженная.. Абсолютно нагая, как новорожденное дитя!.. Деятели студии заранее потирали руки. На этот раз она удвоит и без того колоссальные кассовые сборы своего предыдущего фильма «Некоторые любят погорячее».

Еще до начала съемок «Фокс» развернула рекламу по всему миру. Мэрилин вновь снимается... Мэрилин снимается нагая... «Сцены редкой эротической смелости», – утверждали газеты и журналы. «Экстаз», фильм 30-х годов, пользовавшийся скандальной известностью, в котором снималась обнаженная Хедда Ламар, будет превзойден... Съемки начинались с этой важнейшей сцены, заснятой в цвете: Мэрилин купается в бассейне в чем мать родила.

23 мая 1962 года до начала съемок «Что-нибудь непременно получится»

Мэрилин в облегающем платье с блестками пела в микрофон в Мэдисон Скуэр Гарден «С днем рождения» на праздновании сорокапяtilетия президента Джона Кеннеди. Последний пожал ей руку, не преминув, как это положено, пошутить: «Вы рождаете во мне желание удалиться от политики».

Значит, она не заблуждалась на свой счет, и это подтверждал ей даже президент Соединенных Штатов, – ее не воспринимали всерьез. Так почему бы ей не показаться нагой в бассейне? Она веселила Америку, у которой было не так уж много поводов для веселья.

* * *

Воображение Мэрилин тронул забавный сюжет: женщина, которую считали мертвой, возвращается и оспаривает детей у новой «матери». «Призрак» выигрывает дело, одерживает победу над «живой», потому что он живее живой. Тем не менее надо убежать далеко-далеко, чтобы тебе признались в любви и коснулись пуховкой носа.

Итак, она снималась с тайным удовольствием, с безмолвной решимостью в сценах бассейна, ключевых сценах фильма, а после того, как они были отсняты, сказала Агнес Флэнеген, которая ее причесывала. «Это безвкусица, не так ли?»

Джордж Кьюкор взялся проследить за съемкой со всех углов на близком расстоянии, чтобы сцены в бассейне были все же пристойными. Просматривая отснятый материал, Мэрилин заявила ему: «Я барахтаюсь в воде так же весело, как собака, которая хочет вернуть хозяину брошенный им мяч». Она барахталась в воде, запечатленная на светотени техникolora, но в ее смехе было что-то зловещее, словно она тонула и впадала в отчаяние. Когда же волнующие сцены в бассейне были отсняты и оставалось заснять приличные, не скандальные, Мэрилин перестала отзываться на приглашения студии. Она больше не опаздывала на съемки. Она не являлась вообще. Ни продюсерам, ни сценаристу, ни режиссеру не удавалось заставить ее встать с постели и выйти на съемочную площадку. Как всегда, она ссылалась на недомогание, а каждый

день ее отсутствия обходился в тысячу долларов. После трех недель тщетных усилий пришли к выводу, что вернуть ее на киностудию невозможно. Работу над фильмом приостановили. Затем объявили, что Мэрилин заменит другая актриса – Ли Ремик. Но Дин Мартин, игравший героя, сниматься наотрез отказался, заявив, что никакая другая партнерша, кроме Мэрилин, его не устраивает. Тогда голливудские сплетницы торжествуяще заявили, что Мэрилин Монро этого не простят, что ей предъявят иск по суду.

21 июня 1962 года работа над фильмом окончательно прекратилась, так как обойтись без Мэрилин было невозможно. Весь фильм держался на ней. Она провела несколько дней в своем доме в Brentwood Виллидже. Провела так, как обычно проводят время девушки в West-Hollywood, ожидая своего шанса, в комнате, стены которой увешаны фотографиями кинозвезд. Прибранные и ухоженные, как засахаренные фрукты на витрине, мило упакованные в свои экзотические платья, с наращенными ресницами и веками в блестках, они проводят время в бездействии, боясь отойти от телефона. Мэрилин как будто вернулась во времена ожидания начала своей карьеры, когда у нее был только один шанс – дать согласие на то, чтобы сняться нагой для календаря.

Она, саркастически отзываясь о сцене в бассейне, позвонила своему приятелю фотографу БERTУ Стерну и пригласила его немедленно приехать – она хотела сняться обнаженной. Она торопила с фото, как будто требовала аспирина от головной боли.

Она снялась совершенно нагая в своем доме в Brentwood в двадцати позах, затем так же позировала для целой серии негативов. Она играла с газовым шарфом. Она, как фокусник, ловко маскировала часть своего тела с улыбкой то очаровательной, то страшной.

Она договорилась со Стерном, что сама отберет негативы для фото большого размера. Те, что ей не понравятся, она использует, когда будет делать себе маникюр. Таких нашлось примерно три из десятка. Иногда складка у рта придавала нагому телу вид трупа.

Но и этого ей было недостаточно. Когда БERT Стерн ушел, она начиная с

21 июня до начала августа продолжала вызывать и других фотографов. Так приглашают врача за врачом, чтобы срочно лечить от неизлечимой болезни. Она требовала лишь одного: заснять ее обнаженной. Это было, как если бы она вызвала нотариуса составить завещание. Она оставляла в наследство свое тело. Она требовала, чтобы его засняли во всех видах, чтобы на нем не осталось темных мест, никаких тайнств. Они ее хотели? Пожалуйста! Они долго будут наслаждаться ею. Она не могла отказать в этом удовольствии, ведь за него ей щедро заплатили миллионы незнакомых людей.

То была схватка с объективом, коррида наготы. Она не переставала то закрываться, то снова отнимать прикрывающее ее махровое полотенце. Она уже была не в силах подняться с простыни для фотографии, для последней, и еще последней, ну пожалуйста...

Фотографы не верили ни своим глазам, ни своей удаче. Они соглашались на предпоследнюю, потом на последнюю и вежливо качали головой. С неким Джорджем Баррисом, например, она отправилась даже на пляж Санта Моника – ах, как ей были знакомы эти нескончаемые поездки на пляж для эротических фото! Когда Баррис, смеясь, спросил ее, почему она согласилась сняться обнаженной в бассейне, она ответила:

– Кьюкор убедил меня, что это единственный способ сделать фильм, который будет пользоваться успехом. Потому что Бадди Адлер убедил Кьюкора... А поскольку Кьюкор – большой художник, как могла я отказать?.. И чего бы еще они могли пожелать от меня?

Она расхохоталась.

Фотографы прилетали самолетом и улетали самолетом, увозя чудесные изображения, которые принесут им целое состояние.

А в доме в Брентвуд Виллидже опять стало пусто и спокойно.

* * *

Let's have a party! «Собраться компанией» в конце недели – отдушина для американцев. Пусть в Голливуде такая встреча знакомых людей заканчивается

не слишком поздно – незадолго до полуночи, тем не менее она помогает забыть неделю, прожитую, возможно, не так, как хотелось бы, не так, как нужно самому тебе. В воскресенье вечером в Голливуде собираются сотни таких компаний. Город погружается в праздник, как остальные дни недели он отдавался работе. Шквал топчущихся ног, аплодирующих рук, вопящих ртов. Люди опутывают друг друга серпантином, трубят, обмениваются поцелуями и клятвами в любви, поднимая при этом такой же невообразимый шум, как проезжающие по улице гудящие машины, и лица людей приобретают безумное выражение уже от одного только этого галдежа. Чтобы лучше понять отупляющее воздействие голливудских вечеринок в конце недели, надо представить себе, как там празднуют Рождество, – так повелось с окончания войны в Европе. Под каскадом бугенвилей и роз, на обсаженных пальмами авеню, с деревьями, иллюминированными на высоту в два этажа, Рождество превращается в какое-то разухабистое балаганное представление. В городе сплошные Санта Клаусы. В прокуренных барах они смешивают коктейли в миксерах или разъезжают на платформах, похожих на русские танки, вопят так, будто осуждены на вечные муки.

Затюканные дети на спине у отца или матери ревут, а младенцы корчатся от страха в колыбели. Так проходит в Голливуде детский праздник. Женщины привносят в эти субботние развлечения особое возбуждение, они готовы на все, лишь бы встретить мужчину, который может стать спутником жизни: изучать фонетику, вступить в политическую партию, посетить бесконечное количество церквей или научиться показывать фокусы. Наконец, они ходят по барам в надежде на заре подцепить одинокого пьяницу, который, протрезвев, быть может, окажется мужчиной, – «таким мужчиной!»

Мэрилин Монро не участвует в празднике. Она сидит дома. А между тем она – олицетворение гения кино, гения, открытого Маком Сеннетом в образе красивых купающихся женщин, восхищающих мужчин своими улыбками и телодвижениями. В 1913 году Мак Сеннет, просматривая газету, обратил внимание на аномалию: фото президента Соединенных Штатов затерялось где-

то на пятой странице, тогда как на первой была напоказ выставлена фотография прекрасной незнакомки.

Тогда он решил напичкать свои фильмы красивыми купальщицами.

Сегодня в среде кинематографистов уже не считается зазорным входить в высшие слои общества. Наоборот, клонящаяся к упадку аристократия роднится с ними, она включается в их хоровод, рассчитывая поживиться их славой, их популярностью. Нынче киностудии – не империи, которыми вслепую правят циничные воротилы, а промышленные предприятия. Праздники в Голливуде уже не напоминают экстравагантные античные оргии с сервировкой на золоте, в палатки в стиле храмов, где пневматические установки выстреливают э ночное небо мириады разноцветных надувных шариков, в бассейнах лотосы подсвечиваются снизу, а хозяйка дома предстает перед гостями верхом на белом слоненке.

Молнии «РКО», сверкающие в ночи, уже не манят Мэрилин – они перестали быть приманкой жизни в ожидании, пока мечта осуществится. Ее мечта стала реальностью, и добиваться больше нечего. Молнии «РКО», сверкающие наверху студии, уже не помогают кинозвезде уснуть счастливой, как некогда девочке в приюте, где была одна «мама» на десятерых. В то лето 1962 года Голливуд терпел крах. За год было выпущено менее пятидесяти фильмов вместо двухсот, выпускавшихся четыре года назад. Конкуренция телевидения подрывает кино, и не проходит дня, чтобы кто-либо из операторов, осветителей или механиков не оказался выброшенным на улицу. Мэрилин было от чего чувствовать себя скверно: единственный фильм с ее участием приостановили по ее вине. Виновата, всегда виновата! И вдруг, раздетая, она бросается к телефону и зовет срочно прийти тех, кто обожает веселиться в субботних «компаниях». Но один ссылается на то, что потерял ключ от машины, второй – что очень пьян, а третий кричит, что на пушку его не возьмешь.

– Но ведь я же вам говорю, что я хочу покончить с собой!

– Ну что ж? Кто в этом мире не хотел бы покончить с собой, Мэрилин!

* * *

Послушайте-ка затихающие крики, смех и звуки отрывки тех, кто ожидает, когда их выставят за дверь, когда кончится «веселье», чтобы затеряться в умопомрачительных садах, пошатываясь, пройти между изгородями из азалий и магнолий и распрощаться с приятелями величественными жестами пьяных, хотя все, чем они сейчас владеют, – пустая бутылка из-под виски в руке.

Время от времени над прудом, словно цветная пуля, пролетает кем-то разбуженная птица.

В ту воскресную ночь 4 августа 1962 года около полуночи по большим авеню города мчатся автомобили. Каждый в своей коробке, и все эти коробки устремляются в одну сторону под яркой синевой неба. Из всех домов доносится раскатистый смех, но исходит он только из телевизоров. Этот искусственный смех включен специально для того, чтобы те, кто страдает от бессонницы, ощущали атмосферу оптимизма.

Потом, несмотря на поздний час, в каждой американской семье телевизор бьет тревогу: «Достаточно ли железа в составе вашей крови? Чего вы ждете, почему не покупаете «Крайслер», не смакуете кофе «Максвелл», которым кинозвезда-гангстер Эдвард Робинсон наслаждается так же, как и коллекционируемыми им картинами больших мастеров?»

В «Швабадеро», где Мэрилин когда-то, попивая апельсиновый сок, терпеливо ждала чуда – увидеть свое фото на обложке журнала, – сидят девушки и юноши. Все они – компоненты большого натюрморта. Время от времени один из них направляется к телефону и, надеясь склонить на свою сторону судьбу, притворяется, что разговаривает с искателем талантов: «Да, значит, пробная съемка в следующий понедельник?.. Хорошо!» И с запавшими глазами возвращается к своей бутылке пива, держа ее, как гранату, но ее жертвой станет он сам...

Тысячи мечтательниц в мохеровых свитерах и облегающих брючках,

некоторые курносенькие, слоняются от одной неоновой рекламы к другой. Эти тысячи красивых девушек вздыхают, столпившись между бульваром Сансет и Уайн-стрит, устремив взгляд на Brentwood, «Бел эйр», Беверли Хиллз, угол, где живут пришедшие к цели, преуспевшие... И тем не менее в этот вечер именно из Brentwood, этой цитадели избранных и преуспевших, доносится тревожный призыв:

– Приезжайте немедленно!.. Говорю вам, я хочу покончить самоубийством!.. Я кончаю с собой!

Это кричит Мэрилин Монро, вцепившись в трубку своего белого телефона, отчаявшаяся более, чем когда-либо...

* * *

По ночам в Голливуде в любой сезон, от августа до декабря, стоит зловонный дух, такой, что птицы не выдерживают и улетают. Вдруг начинает казаться, что волшебный город весь состоит из биллиардных залов, церквей и моргов с одинаково привлекательными фасадами. Телезрители вопят от восторга, когда на экране освещается надпись-приказание: «Аплодируйте!»

Мэрилин не удалось связаться с Ди Маджио, но она связалась с его сыном, отбывающим действительную службу во флоте; он недавно сообщил ей, что порвал со своей невестой, так как она оказалась несерьезной девушкой. Но он не может приехать, он очень далеко. Он хотел бы. Но он на флоте.

Дина Мартина, партнера Мэрилин по прерванному фильму, который сегодня, должно быть, пьянствует, так как и ему пришлось порвать со студией, нет в «Стейт Пите» – притоне видных людей, куда не попадешь, даже если зал пуст, без предварительного заказа. Экономка миссис Мюррей сейчас, наверное, спит, а негритянка Хейзель, служанка, уже ушла. Пудель и тот уснул. Пэт Ньюкомб, приятельница и агент Мэрилин, два часа назад была дома, она обещала помочь Мэрилин снова взяться за фильм, но сейчас Пэт не отвечает. Она тоже либо ушла прогуляться, либо где-то веселится, а может, ее обещание только вежливая отговорка, на самом же деле у нее свидание с любовником.

«Ну вот, никто меня не любит! Я твержу им, что хочу покончить жизнь самоубийством, но никто не хочет меня спасти. Я им это уже говорила? Что-то не припомню. Но теперь-то это серьезно, вот увидите!»

Еще чего, прервать вечеринку из-за женщины, угрожающей, что убьет себя? В Лос-Анджелесе, в Америке вечеринка – нечто священное. Это единственная радость за целую неделю, за год, может быть, за всю жизнь.

Синатра, который предлагал царские вознаграждения телефонисткам, чтобы они соединили его с другим городом во время забастовки, не может позволить себе роскошь просто так, ни с того ни с сего, побеспокоиться о женщине, которая жалобно пищит. «Ладно, ладно, не рассказывайте мне басни!» – рявкает он в трубку, прежде чем ее повесить.

– В такую ночь себя не убивают, малышка! – бросает другой.

Смех умолкает, стаканы бьются. А потом кое-кто, обеспокоенный внезапным молчанием в эту августовскую ночь, звонит врачу, проживающему недалеко от дома Мэрилин. Как знать... Затем они бросаются к ней, потому что вечеринка закончилась и теперь возникает тревога.

* * *

Была полночь, когда экономка миссис Мюррей услышала оклики в саду и заметила свет, пробивающийся из-под двери спальни Мэрилин. Она постучалась. Попыталась открыть, но тщетно. Вокруг дома кто-то тихо расхаживал. Телефон, установленный в той половине дома, где жила миссис Мюррей, звонил непрерывно. Гуляки, расходившиеся после субботнего вечера, тревожились, не добившись ответа мисс Монро, час назад призывавшей их по телефону немедленно прийти, так как она кончает с собой. Теперь они не могли заснуть, и беспокойство за Мэрилин стало для них еще одним развлечением.

Вокруг дома сновали те, кто в конце концов забеспокоился, – кое-кто из множества знакомых, к которым по очереди обращалась за помощью Мэрилин, как роются в ящике, не находя того, что нужно. Она звонила в Голливуд, Сан-Франциско, Нью-Йорк. Теперь они упорно звонили в свою очередь, и каждый

шептал в ночи кому-нибудь или самому себе, что у него есть неоспоримое алиби – веское основание не примчаться сразу же после страшного призыва.

Миссис Мюррей застонала и заплакала. Прибежал психиатр Мэрилин, живший в соседнем доме, встревоженный анонимным звонком. Он и еще один врач, находившийся тут же, тщетно звали Мэрилин, стоя под окнами спальни, где горел холодный свет. Затем, не добившись ответа, они вооружились железным прутком и, как в банальном фильме, разбили стеклянную дверь, выходящую в сад.

Наконец оба они, экономка и еще несколько испуганных кутил проникли в спальню Мэрилин. Она лежала голая на Постели. Голова свисала, словно оторванная от тела. Копна волос свешивалась вниз, как пустой мешок. Рука сжимала телефон. Казалось, она продолжала призывать в ночи. И смерть поразила ее в тот самый момент, когда она лихорадочно листала записную книжку, чтобы проверить, есть ли кто-нибудь, кому она нужна... Похоже, она так и не получила доказательства того, что она не одна на всем белом свете.

На ночном столике стоял флакончик из-под нембутала – снотворного, которое она обычно принимала. Он был пуст.

На машинах с сиреной, рев которых разрывал тишину мягкой летней ночи, прибыла полиция Brentwood Виллиджа. Полицейские бросились в роскошное загородное поместье кинозвезды. Они выпотрошили все ящики, рыскали в карманах одежды, собрали письма, фотографии. Мэрилин была мертва. Они искали убийцу. Они методично обыскали весь дом, ища отпечатков, волоска, следа губ на бокале. За два часа они все перевернули вверх дном. Два часа они запрещали репортерам передавать сообщение о смерти Мэрилин, потому что надо поймать убийцу.

Упорство полицейских проистекало оттого, что Артур Миллер, которому немедленно дали знать, заявил без колебаний, что о самоубийстве не может быть и речи. Но вскрытие, сделанное ночью в морге Лос-Анджелеса, сомнений не оставляло. Мэрилин Монро отравилась, сознательно злоупотребив снотворным. И тогда Миллера поставили в известность о том, что Мэрилин

покончила жизнь самоубийством. Его реакция на это на другом конце провода была поразительной: «Мэрилин Монро?.. Не знаю такой».

Что означало такое поведение Миллера?.. Если Мэрилин покончила жизнь самоубийством, виновным был он. Поэтому он настаивал на невозможности самоубийства. Когда же вскрытие доказало, что это все-таки самоубийство, Миллер просто стал отрицать существование Мэрилин. Он ее не знал. Нельзя объявить себя виновным в смерти человека, который не существовал, которого не знаешь. Поэтому можно спокойно вернуться к своим занятиям. В это время он писал сценарий «Базарная площадь» – историю проститутки, которая занималась своим ремеслом в небольшом городе по базарным дням. Вместо того чтобы развеять миф о Мэрилин, он, наоборот, укрепил его. Он дополнил и обогатил миф о сексуальной кукле, которая только и думает о том, как бы ей обратить свое тело в денежный капитал. Он надеялся угодить ей, быть может, вернуть ее и дать пищу собственной гордыне, когда писал «Базарную площадь» с Мэрилин в центре действия или пьесу «После грехопадения», где она, глупая, спятившая машинистка, все время раздевается, чтобы возбудить в муже вожделение, и угрожает ему покончить с собой, если он не бросится к ней.

– В этот раз они продают меня на вес, – сказала Мэрилин, входя нагая в бассейн под объективами «Фокс».

Она не знала, что Миллер тоже собирается торговать ею, но только на бумаге: два с половиной часа словесных экзерсисов в доказательство того, что он вышел из всей этой истории правым и свободным...

* * *

Не было никого – ни отца, ни матери, ни мужа, ни братьев, ни сестры, и дорогая ее душе многочисленная публика также не затребовала тела Мэрилин. «Публика – вот единственный семейный очаг, о котором я могу мечтать», – однажды сказала Мэрилин. Было только тело, цеплявшееся за голубые простыни, рука, сросшаяся с белым телефоном и никого не беспокоившая.

Единственным, кто прибежал, был Ди Маджио. Мэрилин Монро? Он знал ее! Она была его женой. Она навела на него скуку, бранила его; но она и внушила к нему уважение товарищей. Она была реальной. Она никогда не ждала от него ни пьесы, ни поучения. Она никогда не корчилась рядом с ним в конвульсиях, умоляя: «Научи меня!.. Научи меня!» – как это у нее бывало с Миллером.

Ди Маджио плакал с неистовой силой человека, не умеющего сдерживаться.

Голливуд сверкал, как колоссальная витрина ювелирного магазина. Теперь загородное поместье в Brentwude опустело. Чернокожая кухарка Хейзель взяла себе пуделя. Красная софа подлежала продаже. Кладбище на бульваре Уилшир находится прямо в самом городе. Тело замуровали. Из соседнего гаража доносятся выхлопы моторов. Ди Маджио заказал ближайшему цветочному магазину «Парижские цветы» посылать по букету роз каждые три дня. После ее смерти он продолжал поступать так, как при жизни, – посылал цветы, словно еще надеясь вернуть свою легкомысленную подружку. Машины на бульваре Уилшир непрерывно жужжат свою литанию. Гараж нескончаемо вопит. Итак, единственная драматическая роль, которую удалось сыграть Мэрилин, одурачив своих нанимателей, была ее собственная жизнь.

Самоубийство Мэрилин вызвало буквально опустошения в Лос-Анджелесе и других местах. Толпы молодежи, топтавшей в ожидании славы, зловеще поредели. Так продолжалось три недели. Состояние Мэрилин конфисковало государство. Когда все счета были оплачены, оказалось, что она была так богата, что могла бы прожить пятьдесят лет, не принимая предложений сниматься в неприличном виде, ничего не делая, а только дыша, купаясь и загорая на солнце.

Государство присвоило сотни тысяч долларов, миссис Мюррей – красный корсет, Хейзель – пуделя, полицейские – фотографии, Паула Страсберг – драгоценности, письма и безделушки, наконец, Миллер – несколько кислых, язвительных реплик Мэрилин, которые он ввернул в свою написанную с целью

оправдания вымученную пьесу «После грехопадения».

Мэрилин оставила также царские чаевые фотографам – после того, как она ушла из жизни, те не перестают делать деньги. Ведь у них на руках рискованные и не публиковавшиеся еще фотографии, снятые по просьбе Мэрилин перед самой ее смертью. Чтобы эти фотографии оставались, говоря языком коммерции, товаром дозволенным, их иногда стыдливо ретушируют.

У американских девочек в память о Мэрилин Монро остались тысячи привлекательных кукол, названных ее именем. Все это маленькие блондинки, которые прикрывают глаза и раздвигают губы, как бы перед поцелуем. Дешевые куклы в шерстяных пальто и дорогие – в норковых шубках. Но когда их кладут навзничь в чудесные или безобразные игрушечные колыбели, все они издают приятный шепот – и каждый ребенок понимает его по своему разумению.

И, конечно, лишь тонкое, натренированное ухо может расслышать при этом страшный упрек, который шепчет пластмассовый рот, – упрек творения своему творцу: «Скажи, всевышний, неужто я была создана только для забавы?»